

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2005

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*
Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Редактор: *Людмила Бусуек*
Верстка: *Ольга Козак*
Фото: *Олег Начинкин*

*Издание осуществлено при поддержке
Агентства Международного Развития США (USAID),
Комиссии Европейских Сообществ*

Содержание

№ 4 (35) 2005

К читателю
Приветственное слово Терри Дэвиса, генерального секретаря Совета Европы 5

Семинар

Россия и Европейский союз: в поисках лучших форм партнерства 7
Сергей Ястржембский
Дискуссия 14
Заметки с семинара 28
Юрий Гиренко

Тема номера

Власть и капитал: неизбежность диалога и взаимодействия 31
Игорь Юргенс
Бюджетная реформа и Федеральное казначейство 46
Татьяна Нестеренко
СМИ и бизнес в России 54
Михаил Кожокин

XXI век: вызовы и угрозы

Драматический треугольник. 60
Некоторые тенденции развития современной мировой экономики
Клас Эклунд

Концепция

Концепция модернизации 66
Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС

Дискуссия

Россия – демократическая страна 74
Андрей Перла
Кому выгодно на Руси? 76
Александр Волков

Наш анонс

Я жил. Мемуары непримкнувшего 79
Ричард Пайнс

Свобода и культура

Свобода и ответственность дилетанта
Максим Трудолобов 81

Личный опыт

Павел Воронин: "Я воинствующий консерватор"
Екатерина Жилиякова 85

Идеи и понятия

Социализм
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров 88

Горизонты понимания

Аудит государственно-политической системы России (парламент)
Александр Согомонов 97

Книги

Российский федерализм: in memoriam
Андрей Захаров 103

Региональное книжное обозрение
Юрий Гиренко
Евгения Иванкова 105

Контрапункт
Александр Архангельский 110

Nota bene

Как создается легенда об успешном бренде
Александр Зайцев 114

В оформлении номера использованы работы художников из Великобритании, Германии, Италии, США, Франции и Швейцарии.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

*Терри Дэвиса, генерального секретаря Совета Европы,
на открытии заключительного семинара академического года
Московской школы политических исследований*

Страсбург, 28 ноября 2005

Девиз Московской школы политических исследований — «Дерзай мыслить». К этому я бы еще добавил и призыв Иммануила Канта «Дерзай знать», потому что знание есть основа критического и независимого мышления. И это безусловная ценность, которую Школа, отмечающая свою тринадцатую годовщину, пытается делить с вами, своими слушателями.

Своими успехами Московская школа политических исследований во многом обязана талантливому и независимому мыслителю — своему основателю и бесшумному директору Елене Немировской.

Основополагающие идеи Школы нашли многочисленных последователей в Европе. В настоящий момент на континенте действуют 14 школ политических исследований, причем вскоре планируется открытие новых.

Весомый вклад в становление и успех всех этих школ внес Совет Европы. Наши ценности, среди которых демократия, толерантность, верховенство права, не просто лежат в основе их учебных программ. Через обучение политических лидеров, государственных служащих, успешных предпринимателей и журналистов школы раскрывают само содержание этих ценностей. Значимость этой инициативы подчеркивалась на третьем саммите глав государств и правительств государств — членов Совета Европы, где о школах говорилось как о важном инструменте продвижения демократии по всему континенту.

Мне доставляет особое удовольствие приветствовать участников из разных регионов России, а также из других стран — членов Совета Европы: Армении, Болгарии, Грузии, Латвии, Украины. Здесь присутствует и представитель Киргизии, и это еще одно доказательство того, что школы политических исследований содействуют распространению идей Совета Европы и за пределами континента.

Поддержка, оказываемая Школе со стороны Совета Европы, — это наш вклад в человеческий капитал, вклад, обладающий огромным потенциалом и, как мы надеемся, обещающий большую отдачу. Успех Совета Европы в продвижении демократии в конечном итоге определяется наличием ответственных, образованных и компетентных лидеров, которые не только преданы европейским ценностям, но также готовы и способны обеспечить их претворение в жизнь в своей ежедневной деятельности.

В наступающем году мы будем отмечать десятилетие членства Российской Федерации в Совете Европы. Кроме того, с мая по ноябрь 2006 года ваша страна займет место председателя в нашем исполнительном органе — в Комитете министров. Два этих важных события, несомненно, обеспечат Московской школе политических исследований дополнительную поддержку.

В заключение хотел бы выразить уверенность в том, что, продолжая заниматься делом последних тринадцати лет — просвещать будущих политических лидеров, которые готовы дерзать мыслить, дерзать знать, дерзать говорить, дерзать действовать ради демократии, прав человека и верховенства права, — Школа поможет не только успешному председательству России, но и достижению более широких и долгосрочных целей членства вашей страны в Совете Европы.

Россия и Европейский союз: в поисках лучших форм партнерства*

Европейский союз — это мощный конгломерат двадцати пяти государств, объединяющий около 450 миллионов жителей. И это основной партнер России на европейском континенте. Но мне представляется, что до сих пор оба партнера не до конца определились, что они хотят получить друг от друга. За исключением, конечно, решения сиюминутных, ближайших и среднесрочных проблем, которые стучатся к нам в дверь. Если брать общее понимание проекта под названием «Европа», то мне представляется, что в Европейском союзе до конца не знают, что делать с Россией, как ее понимать и как к ней относиться в стратегической перспективе.

До 1985 года, до прихода Михаила Сергеевича Горбачева к власти и начала связанных с этим процессов, все было ясно. На шахматной доске были два поля — белое и черное. И в Европе не существовало вопроса, как нужно вести себя по отношению к Москве. Но вслед за теми гигантскими процессами, которые охватили бывший Советский Союз и всю Восточную Европу, многое изменилось в системе общественно-политических координат, в социально-экономических реалиях. Появилась новая Россия, до конца не понятная нашим европейским партнерам, в том числе и по нашей вине. Нельзя говорить, что на той стороне собрались такие непонятливые люди, что никак не могут разобраться, в чем состоит особенность этой новой России. Но если строго подходить к тому, что пишут и говорят европейские аналитики, эксперты о нашей стране, то мы увидим, что существует некая нерешительность в определении того, как же все-таки надо выстраивать отношения на длительную перспективу с Российской Федерацией.

Если брать привычный для европейской бюрократии алгоритм действия, а именно ассоциированные отношения, отношения привилегированного партнерства, то они могут строиться с любой страной. А в перспективе подразумевают ее вступление в Европейский союз. С точки зрения такого привычного для ЕС алгоритма действий Россия не подходит под общую шкалу. В ЕС, в европейских по-

*Сергей Ястржембский,
помощник Президента РФ*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 26 июля 2005 года.

литических кругах, в Комиссии Европейского союза, в штаб-квартире евробюрократии до референдумов во Франции и в Голландии совершенно очевидно присутствовала эйфория по поводу собственного будущего. Там были уверены, что найдена уникальная и единственно возможная модель развития Европы, являющаяся априори абсолютным благом для всех европейцев, а Европейский союз — это универсальный полюс притяжения, к которому нельзя не стремиться.

Таково самоощущение, такова самоидентификация людей, которые работают в Еврокомиссии, представляющей политические элиты многих европейских стран. Это весьма заметно, даже если об этом напрямую и не говорят. Поэтому заранее предполагалось, что любая страна европейского континента считает для себя за благо рано или поздно оказаться в составе ЕС.

Мы, возможно, поговорим отдельно о том, как трактовать поражение Европейской конституции во Франции и в Голландии, а также совсем не легкую победу в Люксембурге. Надо сказать и о больших проблемах, существующих в ряде других стран, которые сейчас просто уходят от попытки провести общественный тест по поводу Евроконституции. Но с точки зрения типичных представлений европейской политической элиты, казалось бы, очевидно, что Россия должна стремиться в Европейский союз. По крайней мере, если брать логику до мая 2005 года. Однако Россия слишком большая, слишком непонятная и не укладывается в модель построения мира, существующую в головах евробюрократии. И представить себе, что Европа может продвигаться от Бреста до Владивостока, то есть далеко перешагнуть границы, определенные в свое время генералом де Голлем (Европа до Урала), европейская бюрократия не способна. И поэтому когда серьезно говоришь на связанные с этим темы с партнерами из Европейского союза, то становится очевидно, что для них Россия априори

исключается из состава кандидатов на вступление в ЕС в будущем.

Теперь подробнее о нашей точке зрения. Или, скажем, о точке зрения, которая не сформулирована, но, мне кажется, витает в воздухе. В обществе, у политической элиты России существуют разные взгляды на вопрос о том, чего мы хотим от Евросоюза, как сами определяем свое место в Европе. Это нормально. Это исторически предопределено нашим географическим дихотомным состоянием. Мы и в Европе, и в Азии. Для Владивостока, его жителей, «четыре пространства»*, о которых мы договорились с Европейским союзом, есть абстракция, не представляющая большого интереса. А вот взаимодействие с Японией, скажем возможность по-прежнему завозить машины с правосторонним рулем, — это конкретная тема, которая интересует многих. Для дальневосточников, для сибиряков важно урегулирование вопроса о границе с Китаем, для них не являются абстрактными проблемы, связанные с рыболовством, проблема Курил, отношения с Кореей... В то же время для Калининграда — региона, которым я тоже имею удовольствие заниматься, — все вышеназванные проблемы в реальной жизни не существуют. Отсюда — многообразие мнений политической элиты, экспертов по поводу того, *что* есть Россия и куда нам дальше двигаться. Так, замечу, было всегда.

Но вот в чем, я думаю, сходятся все-таки представители разных взглядов. В том, что Россия должна оставаться самостоятельным игроком. И на европейском континенте, и на азиатском. Думаю, что в целом с этим должны согласиться и приверженцы евразийства господина Дугина, и приверженцы тех, кто считает себя европейцами, ратует за самое тесное взаимодействие с Европой. И тех, кто, скажем, предлагает тесное сотрудничество с Соединенными Штатами Америки. Мне представляется, что эта позиция в принципе неоспорима: Россия должна быть самостоятельным игроком на мировой арене.

* «Четыре пространства» — это четыре основных направления взаимодействия России и Европы: экономическое, внутренней безопасности и правосудия, внешней политики и безопасности, культуры и образования. — Прим. ред.

Второе, что очевидно для всех, — сегодня в России не существует серьезных политических игроков с перспективой и поддержкой в обществе, которые были бы готовы предложить государству отказаться от части своих властных функций в пользу интеграции с Европой. Я таких просто не знаю. Никто из серьезных политиков не готов отказаться даже от малой толики суверенитета. А раз нет готовности сделать этот шаг, абсурдно поднимать вопрос, быть нам внутри Евросоюза или нет. Это вторая позиция, с которой, я думаю, все согласны.

Третья позиция заключается в том, что, с учетом нашего уникального геополитического положения, нам выгодно иметь отношения и с ЕС, и с США, и с набирающими силу гигантами мировой политики и мировой экономики — Индией и Китаем. Мне попал недавно в руки прогноз, как будет выглядеть положение названных выше партнеров России в 2040 году. Получается, что не менее 35 процентов мировой экономики к этому времени должно приходиться на долю Китая и Индии. Доля Европы опустится ниже 10 процентов. Причем это самый оптимистический взгляд. Такие цифры побуждают задуматься о том, к чему надо стремиться России, где должны быть приоритеты наших интересов, учитывая, что с российской стороны, как мы видим, тоже не ставится вопрос (и не предвидится) о том, чтобы нам быть внутри Европейского союза.

А жить-то надо. И жить, по возможности, комфортно, решая проблемы, а не создавая их. Потому что совершенно очевидно: в обществе существует достаточно широкий консенсус в пользу того, чтобы отношения *на данном этапе* развивать прежде всего с Европейским союзом. Это определено теми процессами, которые происходили и происходят в России: появившейся открытостью в обществе, приоритетными экономическими связями с Европейским союзом. Тем, что свыше 50 процентов нашей внешней торговли приходится на ЕС.

Тем, какова география туризма и отдыха россиян. Знанием иностранных языков, на которых говорят люди, проживающие в странах Европейского союза. Учетом и наши исторические связи с Восточной Евро-

Россия не укладывается в модель построения мира, существующую в головах евробюрократии

пой, с теми недавно образовавшимися государствами, которые находились в составе Советского Союза.

То есть совершенно очевидно существует высокий потенциал ожиданий в обществе, позитивный потенциал, который позволяет нам развивать по нарастающей отношения с Европейским союзом. Я отношусь к числу тех людей, которые считают, что, чем теснее мы сотрудничаем в различных сферах с европейскими государствами, их народами, и прежде всего с Европейским союзом, тем больше пользы для нашего собственного внутреннего развития. И поэтому в целом в последние годы, несмотря на постоянные миникризисы, которые возникают в этих отношениях, прагматический подход господствует над идеологическим или идеологизированным — и в России, и в Европейском союзе. Этот подход позволяет нам двигаться или параллельно, или навстречу друг другу и решать многие конкретные проблемы.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Скажем, один из естественных кризисов, который возник относительно недавно, — кризис, связанный с расширением Европейского союза, — был успешно преодолен. Нам было не безразлично, что в состав ЕС вступило сразу десять государств, с которыми мы имели особые отношения и в рамках бывшего Совета экономической взаимопомощи, и внутри Советского Союза. С этими государствами нас связывает очень многое и в экономике, и в гуманитарной сфере, и в бизнесе. И поэтому, конечно, Россия была заинтересована, чтобы расширение ЕС прошло мак-

симально безболезненно для наших экономических, финансовых и инвестиционных отношений с Европейским союзом в целом, но прежде всего — с десяткой новых членов. Тягостная полемика длилась в течение многих месяцев. Европейский союз не соглашался с нашей логикой относительно того, что должно быть особое соглашение между ЕС и Россией, касающееся урегулирования наших озабоченностей в связи с расширением ЕС. Однако нам все-таки удалось убедить партнеров, что соглашение необходимо. Оно было заключено в апреле 2004 года, перед московским саммитом. Это очень полезное соглашение.

Его значение состояло в том, что были определены новые «правила игры» между Европейским союзом и Россией. Они направлены на то, чтобы смягчить негативные последствия расширения ЕС для российской экономики. В целом это соглашение работает, в частности, по темам, касающимся тарифной, ценовой политики и так далее. Но я остановлюсь на тех, которые работают не так хорошо, как нам хотелось бы.

Одна из таких тем — Калининградская область. Эта область, что совершенно очевидно, — проблема и для России, и для Европейского союза. Из-за оторванности эксклава от российской территории мы должны совместно решать вопросы жизнеобеспечения Калининградского региона. Довольно долго в Европейском союзе, в европейской бюрократии приходили к осознанию того, что есть и должны быть некоторые исключения из правил. Нам говорили, например: мы установили такие-то правила пересечения границ с Европейским союзом и другого ничего не может быть. С одной стороны, это была завышенная самооценка. А с другой — можно посочувствовать европейской бюрократии, потому что сегодня каждый вопрос нужно согласовывать с двадцатью пятью партнерами. Если в течение длительной процедуры выработки и принятия решения оно уже все-таки принято, пересматривать каждый раз хотя бы маленький его

сегмент и отходить от уже утвержденной позиции очень трудно. От одной такой перспективы в голове любого европейского чиновника возникает пожар, ужас. Потому что нужно опять пересогласовывать то, что

*Нам выгодно иметь отношения
и с ЕС, и с США, и с гигантами мировой
политики и мировой экономики —
Индией и Китаем*

уже согласовано. И поэтому позиция Европейского союза на многих переговорах выглядит железобетонной. Они говорят нам: поймите, мы выстрадали эту позицию и не можем начинать все заново. Нам намекают: вы-то игрок-одиночка, а нас двадцать пять, вам легче пересмотреть свое решение.

Таков подход Европейского союза, причем не только в отношении России. Когда ЕС ведет переговоры, условно говоря, с такими партнерами, которые не входят в него, как Швейцария, Норвегия, Украина или Молдова, заранее можно сказать, что исход переговоров ясен. Эти партнеры с большими или меньшими потерями для себя уступают перед логикой, перед давлением такого огромного конгломерата государств, который, конечно, выглядит очень внушительно. С Россией сложнее. Она и поупрямее, и побольше, и посамостоятельнее. Она самодостаточна во многом.

Так вот, по Калининграду. Мы говорили, что нужен какой-то особый режим для поездок наших граждан из этого региона в материковую, скажем так, часть России и обратно. Нелепо, чтобы калининградцы, будучи россиянами, приезжали в Москву или в Питер по загранпаспортам. Мы даже не были готовы сразу обеспечить Калининградский регион необходимым количеством загранпаспортов. На сегодняшний день, в принципе, эта задача решена. Там проживает 950 тысяч граждан. Сейчас у них 500 тысяч загранпаспортов. Но вот с логикой облегченного режима для поездок калининградцев в Россию и назад в Европейском союзе долгое время не соглашались.

И все-таки согласились. Прежде всего, Литва. Поскольку основные потоки пассажиров идут через Литву, облегченная процедура проезда через эту страну очень важна. И мы со своей стороны пошли, что нормально в дипломатии, на встречные шаги. А именно — подписали соглашение о реадмиссии, то есть о возврате в РФ россиян, которые могут незаконно проникнуть на территорию Литвы, о возвращении их за наш счет на территорию Российской Федерации.

Проблема была гигантская, очень острая. Президент лично занимался этим от саммита к саммиту. И решили ее в Брюсселе на одном из очередных саммитов, после очень жесткой дискуссии. Сегодня вы о ней слышите? Нет. Потому как проблему решили.

Режим оказался оправданным. Он работает. За два года его существования через территорию Литвы проехало, если не ошибаюсь, более миллиона двухсот тысяч человек. Это очень большая цифра. И за это время не было ни одного случая реадмиссии, что очень важно. Почему? Потому что вокруг этих переговоров было очень много мифов, искусственных фантомов. И один из еэсовских фантомов состоял в том, что если, мол, мы дадим калининградцам возможность ездить по облегченному режиму, то ждите наплыва «черной иммиграции». Оказалось, что все это байки из старого арсенала. Мы показали, что можем вполне цивилизованно себя вести, что наши службы, пограничники например, работают квалифицированно. Есть случаи отказа во въезде на территорию Литвы. Но это другая история, которая не подпадает под реадмиссию. И мы отказываем кому-то во въезде, не объясняя причин. А соглашение о реадмиссии вообще стало первым в истории российской дипломатии. Советский Союз категорически отказывался принимать на себя такие обязательства. Россия впервые рискнула и, я считаю, выиграла. Потому что это правильный режим, режим цивилизованного общения между государствами.

Сегодня решена следующая проблема — подготовлены к подписанию соглашения

об облегчении визовых процедур и о реадмиссии между Европейским союзом и Россией.

Этот пример показывает, как в полемике — через противостояние и политическое недопонимание — стороны приходят к решению конкретных проблем.

Или другая тема, связанная с положением наших соотечественников в балтийских государствах, прежде всего в Латвии и в Эстонии. Это еще один пункт нашей озабоченности, который был включен в соглашение между Россией и Европейским союзом. Мы считаем, что этот пункт также неудовлетворительно выполняется Европейским союзом. С его стороны здесь есть большая доля лукавства. Когда выгодно, нам говорят, что эта тема касается только Европейского союза и вести переговоры надо, мол, только с европейской бюрократией. Когда невыгодно или видно, что в ближайшей перспективе проблема сама собой не рассосется и ее решить сложно, тогда говорят, что проблема затрагивает двухсторонние отношения и нужно разговаривать отдельно с той или иной страной ЕС.

На Западе существует еще, я бы сказал, некий комплекс вины перед Латвией, Эстонией и Литвой за то, что произошло в конце тридцатых годов прошлого столетия. Даже если о нем не принято говорить вслух — в силу так называемой политкорректности, — он существует. Европейцы предпочитают не оказывать давление на власти Латвии и Эстонии в плане решения проблемы, которая нас беспокоит. А она заключается в дискриминированном положении значительных масс населения, которые проживают на территории Европейского союза, но не пользуются всеми правами и возможностями, которыми должны пользоваться в соответствии с европейскими нормами все граждане стран, находящихся на территории ЕС. Речь идет о массовом негражданстве. Но само понятие «негражданин», узаконенное в Прибалтике, в европейском праве отсутствует. А в двух государствах, которые входят в Европейский союз, это явление имеет массовый характер. И процесс адаптации, натурализации людей, кото-

рые хотят стать гражданами Эстонии и Латвии, более чем медленный. Если натурализация будет проходить такими темпами, какими она проходила последние годы, особенно до вступления этих стран в ЕС, то процесс займет до пятидесяти лет. Мы считаем, что в значительной степени это проблема Европейского союза. Уж коли это сообщество государств в силу разных политических причин открыло

двери для государств, которые не вполне для этого созрели — с точки зрения не России, а европейских норм права и практики, — так теперь нужно работать с ними, чтобы они как можно быстрее достигли уровня «европейскости», который существует в ЕС. Помните, у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце»: уж коли ты приручил кого-то, ты в ответе за него. Отвечать должны сейчас не в Москве, а в Брюсселе. Это тема, которая еще много лет, мне так кажется (если ошибусь, только порадуясь), будет постоянной занозой в отношениях между Россией и ЕС.

Остановлюсь особо на вопросе о реадмиссии и облегчении визовых процедур, потому что он касается очень многих. Все хотят ездить нормально в европейские страны, не ощущая бюрократического пресса, неудобств, и не хотят чувствовать себя людьми какого-то иного сорта. Не скажем какого, но иного, чем основная масса европейцев. В принципе в Европе с этим согласны: там тоже понимают, что, ну, некомфортно! И когда мы платим большие визовые сборы, причем в разных странах разные суммы, и когда сталкиваемся с разными требованиями к документам, сдаваемым для получения визы, и т. д.

Мы говорим: унифицируйте все эти порядки, вы же единое целое, вы проводите единую политику. Нет, отвечают нам, это во-

просы национального законодательства. Раз так, мы решили этот вопрос в двустороннем порядке с тремя государствами — Францией, Италией и Германией. С нами, скажем так, наиболее комфортными

Предстоит серьезное обновление всей системы отношений между Россией и ЕС

партнерами в Европейском союзе. Решили достаточно эффективно. На сегодняшний день работают три соглашения, которые реально изменили ситуацию в оформлении виз для россиян, выезжающих в эти государства, а следовательно, и в Шенгенскую зону. Но когда мы заключили эти три соглашения в двустороннем порядке, в Брюсселе очень огорчились. Почему? Потому что, по мнению евробюрократов, была нарушена дисциплина, единый подход к России.

Но этот единый подход реально был тормозом для решения конкретной проблемы! Когда мы этот тормоз обошли и решили проблему напрямую с Парижем, Берлином и Римом, тут уже возмутились остальные: как же без нас? И именно это ускорило работу над общим соглашением с Европейским союзом.

На пороге 2007 год, когда завершается действие Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией (СПС). Что придет ему взамен? Будет ли оно автоматически продлеваться каждый год или потребуются выйти на какой-то новый формат наших взаимоотношений? Это сейчас обсуждается. Скорее всего, предстоит серьезное обновление всей системы отношений. Ведь Россия к этому моменту, как предполагается, уже должна стать членом ВТО, и СПС устареет безнадежно*.

* См. об этом предлагаемую комитетом «Россия в объединенной Европе» концепцию модернизации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом, которая публикуется в рубрике «Концепция».

Дискуссия

Елена Немировская, директор-основатель Московской школы политических исследований:

— Спасибо большое. Хочу заметить следующее: когда мы на семинарах Школы говорим, что участвуем в проекте «Европа», мы имеем в виду создание эффективных демократических институтов. Мы понимаем, что Европа не является идеальной, но накопленный ею исторический опыт именно в этой области делает ее для нас — и Сергей Владимирович это подтвердил — уникальным партнером. Гражданское общество, права человека и есть то, что требуется прежде всего для современного государства. Мы можем вместе искать пути, как модернизировать государственное устройство. И сделать его эффективным. Теперь, пожалуйста, — вопросы.

Дмитрий Потапов, координатор региональных программ, институт «Общественная экспертиза» (Астраханская область):

— Сергей Владимирович, каковы перспективы возможного присоединения Российской Федерации к Шенгенскому соглашению?

Елена Павлова, советник аппарата комитета Совета Федерации по вопросам местного самоуправления:

— Скажите, в связи с расширением Европейского союза насколько изменился баланс сил? У некоторых новых членов ЕС сохранился постсоветский синдром. И они, наверное, могут как-то негативно влиять на принятие решений Евросоюзом. Это ощущается или нет?

Тимур Алиев, главный редактор газеты «Чеченское общество», Республика Чечня:

— В 2000 году, будучи советником президента по координации информационно-аналитической деятельности, а также по взаимодействию со СМИ на территории Северного Кавказа, вы говорили о том, что наибольший эффект в Чечне приносят адресные операции. Между тем именно они были причиной резолюций европейских организаций, осуждающих действия России. Адресные операции не прекращаются. В связи с этим вопрос: насколько вообще европейские рекомендации влияют на деятельность Российской Федерации?

Рашид Богатыров, заместитель министра Республики Чечня по национальной политике, информации и внешним связям:

— В 2000 году вами было сделано заявление, что Чеченская Республика получает политическую автономию в том объеме, который имеют иные субъекты Федерации. После боевых действий экономика и хозяйство Чеченской Республики находятся в ужасном состоянии. На ваш взгляд, не стоит ли предоставить этой республике какой-то особый экономический статус, будь то свободная экономическая зона или офшорная зона? И второй вопрос. Вы сказали в своем выступлении, что россияне сталкиваются с проблемами при получении

виз для выезда за рубеж Мы тоже россияне, но таких проблем, какие имеем мы, граждане Чеченской Республики, вне зависимости от национальности, не имеет никто из россиян. Что-нибудь делается, чтобы как-то изменить эту ситуацию?

Максим Терляев, пресс-секретарь, Управление федеральной почтовой связи по Ульяновской области:

— Сергей Владимирович, между Россией и Евросоюзом, кроме Прибалтики и Украины, есть еще одно государство, которое, как клинышек, вбито у границы. Это Белоруссия. Отношения с Белоруссией у Евросоюза не то что неоднозначные, а ближе к негативным. Как это влияет на всю систему взаимодействия России и ЕС?

Елена Юсова, координатор информационных проектов по Ростовской области, общественная организация «Первое свободное поколение»:

— Каковы перспективы дальнейшего расширения Евросоюза? Какую возможную угрозу или проблему вы видите в этом для России?

Сергей Ястржембский:

— Спасибо за вопросы. Как говорят, все, что ты раньше сказал, всегда будет жить с тобой. Видите, уже 2005 год, но мне вспоминают то, что я говорил в 2000 году. Но это естественно для коллег, которые приехали из Чечни.

Как я понял, вопрос первый — когда наступит тот славный день календаря, после которого россияне будут пользоваться безвизовым режимом въезда в Европейский союз? Не знаю. Но, думаю, не скоро. Нужно пройти несколько этапов, и самый главный из них психологический. Сейчас мы готовимся заключить соглашение об облегчении визовых процедур, а оно реально облегчит жизнь тем, кто имеет возможность и желание ездить в Европейский союз. Далее должно пройти какое-то время, когда все будут наблюдать за тем, как работает этот режим. За это время нам нужно будет провести большую работу по подписанию ряда соглашений о реадмиссии со многими государствами, начиная с наших партнеров по СНГ. Нам необходимо укрепить южную границу. Если бы она была, например, такой, как граница с Финляндией, которая досталась в наследство от Советского Союза, то у нас было бы гораздо меньше проблем. Но она, к сожалению, чрезмерно открыта. И необходимо решать задачи нашей безопасности — экономической, антитеррористической, от наркотиков и так далее. Южная граница — это колоссальная проблема для страны. Поэтому думаю, что в ближайшие годы к безвизовому режиму мы не подойдем. Но к этому нужно идти. Необходимо, чтобы привыкание к этой цели началось среди политической элиты, в журналистских кругах, в общественном сознании. Поставлена цель, о которой говорится из саммита в саммит, и это важно.

Баланс сил в ЕС, конечно, изменился. Причем, во-первых, в пользу атлантистов. Атлантисты, как я понимаю, это те силы, для которых самое важное — взаимоотношения с Соединенными Штатами, а не строительство объединенной Европы в рамках Европейского союза. Внутри ЕС появилось большое число государств, для которых главное — отношения с Вашингтоном, а не с Брюсселем. Особенно в политической и военно-политической сфере.

Насколько разнятся взгляды государств в Европейском союзе на острейшие проблемы мировой политики, мы увидели на примере Ирака. Произошел

раскол внутри ЕС. Вы знаете, что Франция, Германия, потом Испания заняли позицию непринятия методов, которые использовали США при вторжении в Ирак. В противоположность этому — полная солидарность в отношении США со стороны новичков, которые недавно вступили в ЕС. Я уверен, что среди стран — основателей Европейского союза и среди тех людей, кто считал себя движущей силой в области европейского строительства, сегодня существует определенная растерянность по поводу того, к каким результатам привело расширение Европейского союза. Это видно, в частности, по той полемике, которая ведется на страницах специализированной печати в Европе. Далеко не все предполагали, что новички не будут столь же яркими приверженцами европейской идеи, как те, кто их принимал туда. И это вызывает разочарование.

Причем новички привнесли в политику ЕС много старых стереотипов. Я это ощутил на себе. Выступление в Европарламенте в сентябре 2004 года на заседании Комитета по международным делам, когда собралось столько народа, что яблоку негде упасть (человек двести было в зале), превратилось в ристалище. В течение часа-полтора тон в разговоре задавали исключительно представители стран, которые только что вошли в Европейский союз. И даже не всех стран-новичков, а преимущественно трех-четырёх прибалтийских стран и Польши. Это 95 процентов вопросов, причем крайне агрессивных, прямо скажем — недипломатических. Остальные были на ролях подносчиков снарядов. Два-три вопроса прозвучали от нейтральных старожилов. Так что проблема есть. Ее видят партнеры, с которыми мы давно сотрудничаем в Европейском союзе. Но решение этой проблемы, к сожалению, требует времени. Есть поколение политиков — выходцев из старых партийных и комсомольских структур, которые и сейчас говорят на прежнем языке, и никакими увещаниями людей, прошедших Гарвард, Оксфорд или Сорбонну, на них не подействуешь. Нужно время, чтобы дождаться следующих поколений политиков, которые будут больше европейцами, чем националистами или урапатриотами.

Чечня, адресные операции. Да, я говорил об этом в 2000 году. Говорил совершенно правильно, потому что альтернативой были тотальные зачистки. В тот момент другого выбора не было. Не берусь судить, что сейчас происходит, просто последние несколько лет этим не занимаюсь. Вопрос: как выполнять операции? Можно сразу открывать огонь на поражение (всем известна история, случившаяся на станции лондонского метро), а можно, видимо, иначе действовать. Это проблема квалификации исполнителей, она и в Европейском союзе существует. Поэтому по-прежнему считаю, что те, кто выступал в свое время за адресные операции, были абсолютно правы. Как раз после такого рода выступлений через некоторое время отказались от зачисток.

Прислушивались ли мы к рекомендациям? Да, конечно. Если рекомендации разумные, безусловно, прислушивались и прислушиваемся. Скажем, к рекомендациям, которые делал в отношении России комиссар Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес. Честнейший человек, для которого не существует двойных стандартов. Только что он завершил работу над докладом «О правах человека в России». По указанию президента России ему были открыты все двери. Он посещал тюрьмы, следственные изоляторы, лагеря, колонии и т. д. Ну, естественно, соответствующие министерства, ведомства. Доклад получился очень обстоятельный и нелицеприятный во многих отношениях. Но с ним интересно работать. Потому что видно, где те или иные

институты власти не дорабатывают с точки зрения европейского права. Видно, к чему Россия должна стремиться, чтобы выполнить все свои обязательства, скажем, в рамках Совета Европы. Видно, в чем мы многого добились, а в чем наш прогресс недостаточен с точки зрения просвещенного европейца. Это инструмент для конкретной работы министерств и ведомств. Неслучайно президент, ознакомившись с этим докладом, дал указание распространить его большим тиражом, чтобы он попал во все регионы, во все министерства и ведомства, которых касаются поставленные в нем вопросы. Потому что через два года комиссар Совета Европы приедет в Россию для повторного мониторинга.

Это, скажем так, другая политическая культура, нежели та, которую несут, например, господин Ландсбергис и публика в его духе. Вот с такого рода европейцами, как Хиль-Роблес, работать надо, всячески помогая им, в том числе и потому, что они помогают нам.

Что касается моего второго заявления, связанного с Чечней, — по поводу ее статуса, — вопрос не снят. Потому что, как вы понимаете, договор-то еще не подписан. Честно говоря, не знаю, на какой стадии он находится. По-моему, уже более чем продвинутой. Я считал и считаю, что для Чечни, пусть на определенный переходный период, должен быть установлен статус, который помог бы ей залечить раны, нанесенные военными действиями. И вместе с тем это должен быть статус, который не ломал бы внутреннее российское законодательство.

Белоруссия. Эта тема обсуждается представителями России и Европейского союза, в том числе и с белорусами. Мы стоим на очень, по-моему, понятной платформе: нельзя никого изолировать. Самый близкий, самый короткий путь к усугублению проблемы — это изоляция. Нельзя никого загонять в угол, потому что у тех, кого загоняют в угол, порой возникает неадекватная реакция. Европейский союз должен вести диалог прежде всего напрямую с Белоруссией.

Последнее: по поводу пределов расширения ЕС. В том, что ЕС рос и не знал, где остановиться, — одна из причин провала референдумов во Франции и в Голландии. Здесь я могу позволить себе изложить свою личную точку зрения.

Думаю, что одна из проблем для европейской самоидентификации — «Что мы есть? И где мы заканчиваемся?» Совершенно очевидно, что сегодня существуют разные ответы на эти вопросы. Есть страны, где большинство не согласно с постоянным и нелимитированным расширением Европейского союза. Голландия и Франция — это уже очевидно. В Германии, не говоря уже об Австрии, опросы общественного мнения по поводу включения Турции в список кандидатов говорят не в пользу этой кандидатуры. Но это наш взгляд, со стороны. А как они решат эти вопросы — это уже их дело, их проблема. Думаю, что переговоры на эту тему будут длительными. А если в результате выборов в некоторых странах — основателях Европейского союза к руководству придут политики новой волны — еще более длительными (учитывая те заявления, которые они делают).

Мне представляется, что проблема действительно очень серьезная для Европейского союза. Потому что, скажем, Турция — да, частично это Европа, но прежде всего это не Европа. Это другая религия. Иная ментальность и опыт построения общества и государства. Трудно найти другое государство в Европе, где исторически столь весома была бы роль военных во всех сферах жизни общества. Но это, повторяю, взгляд со стороны. Посчитает Европа, что сможет с этим смириться, значит, сделает такой выбор.

Лидия Ирильдеева, пресс-секретарь общероссийской общественной организации «Опора России», Республика Бурятия:

— Сергей Владимирович, вы в своем выступлении говорили о различии интересов российских регионов. Вы также сказали, что Россия самодостаточная страна и не нуждается в чьих-то рекомендациях, примерах и т.д. А в плане преодоления различия интересов может пример Европы быть все-таки в чем-то поучительным для России?

Андрей Нагибин, председатель Сахалинского отделения российской экологической партии «Зеленые»:

— Существуют уже карты, я их сам видел, атласы распределения интересов Соединенных Штатов, Японии, Китая на территории Дальнего Востока, Сибири... Есть ли у нас какая-то концепция развития этих регионов, идет ли работа на перспективу?

Сергей Шахматов, ответственный секретарь регионального отделения политической партии СПС, Красноярский край:

— У меня такой вопрос: Россия и НАТО. Камни преткновения и возможности с точки зрения наших национальных интересов.

Заурбек Мальсагов, председатель регионального отделения политической партии «Аблоко», Республика Ингушетия:

— Сергей Владимирович, все-таки мы собираемся строить социальное государство и реанимировать гражданское общество... Возможно ли у нас в стране проведение референдума о вхождении в Евросоюз? Как бы все это решать с народом?

Андрей Миронович, общественная организация «Клуб молодых политиков», Калининградская область:

— Два года в Калининградской области решался вопрос об открытии немецкого консульства. Теперь оно есть. Почему два года этот вопрос решался? По какой причине? И второй вопрос. Насколько нам известно, когда Литва и Польша вступали в Евросоюз, было предложение сделать для калининградцев шенгенские визы. Но Россия отказалась: мол, если делать, то всем россиянам. Прокомментируйте, пожалуйста.

Андрей Кайдаш, депутат Законодательного собрания Иркутской области:

— У нас устоявшиеся отношения с ЕС в плане экономического сотрудничества. Скажите, насколько нам интересны отношения с Китаем, учитывая значительные ресурсы Сибири? Как на развитие этих отношений реагирует ЕС?

Алексей Кузнецов, помощник первого заместителя главы администрации Ульяновской области:

— Скажите, пожалуйста, какие основные направления внешней политики будут в ближайшее время реализованы для улучшения имиджа России в Европе?

Татьяна Лукина, руководитель пресс-службы департамента городского хозяйства, администрации г. Красноярска:

— Сергей Владимирович, представители некоторых стран, как вы сказали, агрессивно восприняли ваше выступление в Европарламенте. Если мы гипотетически представим, что Россия извинилась перед странами Балтии, Европы за оккупацию, как они просят, какую они еще придумали бы причину для того, чтобы продолжать вести себя так же?

Сергей Ястржембский:

— Я на один вопрос коллеги из Чечни не ответил: по поводу проблем с оформлением виз. Я увяжу это с вопросом калининградцев по поводу шенгенских виз. Во-первых, официально никто не предлагал России ввести шенгенские визы для калининградцев. Я такого не слышал. Но если бы предложили, не думаю, что следовало бы согласиться. Потому что граждане, проживающие на территории одного государства, должны жить в рамках единого правового поля, обладать одинаковыми возможностями, правами и обязанностями. Нельзя создавать такого рода исключения. Появление привилегий означает поощрение сепаратизма. Это моя точка зрения. Если мы стоим на позиции единого российского государства, то надо улучшать условия для въезда и выезда из России для всех граждан, независимо от того, где они проживают.

Бурятия. Вам что-то послышалось правильно, что-то неправильно. Насчет того, что Россия не нуждается в рекомендациях, это неправильно. Я как раз сказал, что мы прислушиваемся к конструктивным рекомендациям. И привел подробный пример по поводу доклада Альваро Хиль-Роблеса.

Разница интересов российских регионов. Я говорил о восприятии населением различных регионов, скажем, наших отношений с Евросоюзом или с другими государствами. Люди, живущие в разных географических точках России, воспринимают себя по-разному, это нормально. Другой вопрос: что нас объединяет? Этого гораздо больше, но это уже другая тема. А пример Европы — да, во многом поучителен и очень полезен. Вы обсуждаете эти проблемы здесь, в

Школе, учиться европейскому опыту, это очень хорошо. Преодоление исторической вражды и ненависти между народами одного континента — вот где истоки европейского строительства. Обучение терпимости, толерантности. Умение находить решения через достижение компромиссов. Умение объединять для решения конкретных задач различные нации, представителей капитала этих наций. У Европы есть чему поучиться.

Кстати, сейчас прозвучали такие слова, как «реанимировать гражданское общество». Думаю, нельзя реанимировать то, чего не было. Другое дело, что нужно способствовать его формированию. А референдум невозможен. Мне казалось, что я во вступительном слове объяснил почему — не вижу ни одной политической силы, которая предложила бы сформулировать такой вопрос для референдума.

Сахалин. Атласы, карты. Ну, как говорится, «хотеть не вредно». Есть разные силы, которые давно уже, столетиями, с жадностью взирают на территорию Российской Федерации. Ну и что тут нервничать, пускай себе рисуют атласы. Вот недавно госпожа Олбрайт заявила: «Это разве справедливо, что Сибирь принадлежит одной стране?» Кого теперь интересует мнение госпожи Олбрайт, кроме ее родственников? Если бы она это заявила, когда была госсекретарем США, тогда бы мы подумали, как реагировать.

Важно, на каких позициях вы стоите, на какие ценности, принципы ориентируетесь — это правильная постановка вопроса. А с кем вы в географическом плане предпочитаете развивать отношения в ущерб другим — неправильная. Наши проблемы, сложности — в нашей огромной территории. Но это и громадное преимущество. Зачем же отказываться от естественных преимуществ, которые дает нам наша география? Почему мы должны отдавать приоритет отношениям с Европой в ущерб, скажем, отношениям с Китаем или с Индией? Самостоятельность игрока определяется его ценностью в глазах других ведущих игроков мировой политики. И чем весомее наша роль в разных вопросах на разных участках мировой политики — и в Европе, и в Азии, и на Дальнем Востоке, тем больше с нами будут считаться. В той же Европе. Например, мы ей интересны как собеседники по проблематике иранского досяе или северокорейского досяе. Почему интересны? Потому что у нас есть отношения с этими государствами, каких нет у европейцев. Поэтому мы — участники международных переговоров, очень важных с точки зрения нераспространения ядерного оружия, и так далее.

Россия, НАТО и Европейский союз — замечательный вопрос, очень интересный. Потому что действительно есть проблемы, которые касаются прежде всего отношений между НАТО и ЕС, как это ни парадоксально звучит. Потому что в Европейском союзе есть силы, которые выступают за большую самостоятельность в военно-политических и в военно-технических вопросах. Например, Испания, Франция и Германия — в отношении Ирака. Это как раз подтверждение того, что европейские страны по-разному подходят к очень крупным вопросам мировой политики. Точно так же и в отношении оборонного строительства. Есть европеисты и есть атлантисты, есть те, кто не хочет создания единого ядра, единой оборонной политики в Европе. Поэтому, в частности, предложения о налаживании взаимодействия в этой сфере, которые мы адресуем со стороны Министерства обороны Европейскому союзу, не находят отклика, натываются на то, что там к этому не готовы — в силу внутренних процессов. Один из примеров: мы никак не можем договориться относительно операций «по принуждению к миру». Под чьей эгидой проводить эти опера-

ции? Европейский союз исходит из логики, о которой я уже сказал: нас больше, нас двадцать пять, наша позиция уже сформирована — значит под нашей эгидой. Но мы к этому не готовы, так как могут быть разные ситуации. И пока договориться по этому вопросу не удастся.

Вот у НАТО есть взаимодействие с РФ по разным темам. И с отдельными странами Европейского союза мы в этом вопросе продвинулись дальше, например с Францией и с Германией, с которыми подписаны соглашения о транзите военных контингентов и грузов через российскую территорию в Афганистан. Вот вам пример преодоления исторических стереотипов, которым надо бы поучиться иным новобранцам Европейского союза. Российский парламент ратифицирует соглашение с Германией о транзите через российскую территорию военнослужащих бундесвера и грузов. Казалось бы, сколько можно было сделать ссылок на историю, если действовать как страны Балтии. Нет, пошли на соглашение и только выиграли с точки зрения дела и доверия друг к другу. *Вопрос о генконсульстве Германии в Калининградской области.* Я обещал, кстати, немецким дипломатам, что мы решим этот вопрос до празднования юбилея Кёнигсберга — Калининграда. И я счастлив, что мы решили эту проблему. Почему тянули? Ясно почему. Существует масса бюрократических проволочек, неувязка интересов, есть замечательные бюрократы в администрации Калининградской области, не менее замечательные — в федеральных органах власти. Когда они объединяют свой потенциал, проблема вырастает до глобальной. Ну, решили ее, и слава богу.

Не совсем понятен *вопрос о Китае и Европейском союзе.* Все, конечно, в мире взаимосвязано, но какой-то связи в данном случае просто не усматриваю.

Имидж России. Очевидно, тот, кто задал этот вопрос, знает, что это моя любимая тема. Но я ею сейчас не занимаюсь так, как занимался предыдущие четыре года. Это огромная тема. Думаю, кое-что делается для того, чтобы имидж России менялся. Вот англоязычный канал на телевидении появился, давно по-

ра было обзавестись таким каналом, чтобы присутствовать на информационном мировом рынке. Такой канал нужен, если мы хотим, чтобы мировое сообщество знало не только из Си-эн-эн и Би-би-си о том, что происходит в России. Но, конечно, этого недостаточно, чтобы улучшать имидж страны. Главная проблема — в нас самих, во внутреннем развитии нашего общества. Будем развиваться по понятным для всего мира сценариям — будем поняты и приняты. Это настолько очевидно, что даже неудобно об этом говорить.

Насчет Балтии. Тема покаяния. Не думаю, что это актуально. Были определенные исторические обстоятельства, которые привели к появлению трех балтийских государств в составе Советского Союза. Если подходить с точки зрения юриспруденции, международного права того времени, войска Красной Армии, которые появились на территории трех балтийских государств, вошли туда после заключения соответствующих межправительственных договоров. Они не были направлены в этот регион по решению одного правительства, как сейчас кое-где случается, все необходимые формальности были соблюдены. Что произошло дальше — это уже другая история. Схожих ситуаций мы можем найти в Европе немало. Думаю, главная проблема балтийских политиков состоит в том, что они не могут отделить историю от сегодняшней политики. Как, скажем, Германия обсуждает вопросы с Польшей по поводу массового исхода немцев из западных земель Польши после войны. Как чехи аналогичный вопрос обсуждали в течение многих лет с Австрией. Таких примеров много. Если постоянно эти темы будут возвращаться в сегодняшний день, это, как показывает практика, ни к чему хорошему не приведет.

Вторая проблема балтийской элиты, многих ее представителей в том, что они собственную идентичность как нации и молодого государства строят на негативном отношении к России и к россиянам. Как правило, это тоже ничем хорошим не заканчивается. Я считаю, что это неправильный подход. Подход точно не европейский.

Соня Лихт, основатель и президент Белградского фонда политических наук:

— Я здесь в качестве гостя, я из Сербии. Россия играет важную роль в контактной группе по проблеме Косова. Я хотела бы задать следующий вопрос: как обстоят дела в том, что касается статуса Косова?

Светлана Аристова, председатель регионального отделения движения «Женщины России», Коми-Пермяцкий автономный округ:

— Сергей Владимирович, сейчас идея объединения важна не только для Европы, но и для России. Идет объединение субъектов Федерации. У меня вопрос к вам как у историка к историк: возможно ли в результате этого процесса рождение новых суперэтносов, европейского и российского?

Александр Потанов, депутат Тамбовской областной думы:

— Вы постоянно называли органы управления ЕС свербюрократией. Это только для нашей аудиторки или таково ваше отношение?

Глеб Торин, президент Межрегионального фонда развития местных сообществ и инициатив, Архангельская область:

— Большое спасибо за выступление, которое, с одной стороны, дает нам представление, какую целенаправленную работу ведет наше государство для того,

чтобы сотрудничество с Европой развивалось; с другой стороны, мы начали понимать те серьезные ограничители, которые есть в этом процессе. Мне кажется, что для модернизации России сегодня и нахождения форм интеграции с Европой, конечно без вступления в ЕС, это один из ключевых моментов. Но, к сожалению, эта тема остается некой священной коровой, о которой только говорят на уровне деклараций. Для меня, например, Школа — один из примеров очень позитивной интеграции, когда найдены и форма, и содержание. Мой вопрос о приграничном сотрудничестве, о перенесении этой работы с высокого государственного уровня ближе к простым людям.

Рамзан Султыбаев, политолог, Кубанский госуниверситет:

— Мы в Школе много говорим о взаимоотношениях России и ЕС. Предыдущий эксперт из Франции господин Джулиани сказал, что ЕС не воспринимает Россию как опасность. В каких сферах интересы ЕС не совпадают с интересами России? В военной, духовной, социальной?

Анна Опимах, аппарат главного федерального инспектора Оренбургской области:

— Меня интересует возможность союза России и стран бывшего Советского Союза, или части этих стран, подобно Европейскому союзу.

Юрий Корнев, депутат городской думы, г. Иркутск:

— Хотелось, чтобы вы прокомментировали милитаризацию России. То, что каждую неделю мы видим на ТВ новое современное оружие, которое поступает в российскую армию. То, что в бюджете резко увеличиваются затраты на вооружение. От кого мы защищаемся?

Юлия Юдина, директор ЗАО «Регион», Ярославская область:

— Вы говорили, что есть нечто вроде консенсуса в политических элитах по поводу необходимости движения к Европейскому союзу. Есть ли силы в нашем обществе, препятствующие этому движению? Если есть, то насколько они опасны?

Эльвира Жабалиева, Всероссийская государственная налоговая академия, Республика Кабардино-Балкария:

— Господин Джулиани озвучил такой бренд Евросоюза: «Европа прав человека». А если Россия посмотрит в зеркало, которое говорит только правду, увидит ли она там себя и сможет ли построить диалог властей с гражданским обществом, о котором нам говорил в своем докладе Альваро Хиль-Роблес?

Максим Сергеев, депутат городской думы, г. Новоуральск, Свердловская область:

— Сергей Владимирович, как вы относитесь к перспективе приведения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России в соответствие с европейскими нормами и к обязательности исполнения решений Гаагского трибунала?

Андрей Бобошко, депутат городской думы, Лиена (Латвия):

— Я являюсь именно тем представителем русскоязычных, которые в Латвии брошены, как принято говорить, на произвол судьбы. Я натурализовался в установленном государством порядке. Франция в Квебеке в свое время проводила достаточно внятную политику поддержки франкоговорящих на этой тер-

ритории, что очень помогло им остаться настоящими французами и не утратить собственную идентичность. К сожалению, этого на сегодняшний день у нас не происходит. Существуют ли какие-то шаги в государственной политике, которые помогли бы поддержать именно те партии и тех людей, которые заботятся о существовании русских на этой территории?

Яна Войтова, корреспондент, Центр экстремальной журналистики, Северная Осетия:

— Позвольте обратиться к произведению, упомянутому вами, — «Маленькому принцу» Антуана Сент-Экзюпери. Это тема барашка. Да, я хочу барашка. Но после нескольких неудачных попыток в итоге был нарисован ящик с дырочками для воздуха. И создается иллюзия присутствия. Если у нас есть партнерские отношения с членами Евросоюза, есть такая иллюзия, каков ваш чисто человеческий ответ, не как политика, зачем нам тогда вообще входить в Евросоюз?

Сергей Ястржембский:

— А кто сказал, что это нужно?

Александр Радевич, председатель совета городской общественной организации «Центр социальных и образовательных инициатив», г. Ижевск, Республика Удмуртия:

— Политика в области взаимоотношений России и Евросоюза — это политика только для элиты. Вот дети, например, не знают, что такое Евросоюз. Они говорят: это Израиль, да? Хотелось бы, чтобы это не оставалось только политикой для элиты. Что для этого делает российское государство?

Ольга Погонина, пиар-директор издательства «Новое литературное обозрение», Москва:

— Ваш прогноз: насколько глубоко может зайти интеграция европейских государств, как далеко может зайти отказ от национальных суверенитетов? Возможно ли создание супергосударства «Европа»?

Сергей Ястржембский:

— *Насчет Косова.* Я не отношусь к экспертам по югославской проблематике. Скажу только, что проблема политического будущего Косова — это одно, проблема национального состава населения и обеспечения равных возможностей для сербов — другое. Россия, как игрок, который вовлечен в эти процессы, будет, безусловно, отстаивать принцип справедливости. Мы постоянно говорим, что проблема Косова не может быть решена за счет сербов. Вот этим я пока и ограничусь.

Тяжелый вопрос *по поводу суперэтносов.* Судя по тому, что происходит сейчас внутри Европейского союза, не похоже, чтобы зарождался новый суперэтнос. Мне казалось, что действительно шел некий процесс стирания национальных границ и сближения европейцев внутри ЕС. Но процессы, которые происходят в последнее время, референдумы показывают, что далеко не все готовы к тому, чтобы отказаться от национальной идентичности, не все готовы считать себя сначала европейцами, а потом французами или поляками. Мне представляется, что эти процессы будут идти по нарастающей.

Евробюрократия. Это нормальный термин, между прочим. Он используется не для того, чтобы кого-то ругать. Я отношусь к российской бюрократии, мои партнеры относятся к евробюрократии. Без бюрократии государство не существует.

О приграничном сотрудничестве. Согласен, что это один из резервов для нашего взаимодействия с Европейским союзом. Мы как раз сейчас думаем провести серию совместных семинаров с государствами, которые входят в Европейский союз и граничат с Россией, с тем, чтобы посмотреть, где можно интенсивнее работать напрямую.

Далее. Очень правильная формула: использовать взаимоотношения с Европейским союзом для модернизации Российской Федерации во многих сферах жизни. Это адаптация нашего законодательства к европейскому. Это, безусловно, создание гражданского общества. Это, безусловно, такая конкретная тема, как стандартизация в области промышленности, без чего нашим крупным компаниям, да и любым компаниям, будет трудно работать на европейских рынках. Кстати говоря, по инициативе президента РСПП открыл свое представительство в Брюсселе. Я считаю, что это очень правильный шаг, потому что масса международных компаний имеет своих представителей «внутри» Брюсселя. Не для того только, чтобы лоббировать свои интересы, но и для изучения европейского опыта, для создания системы связи, для участия в разных семинарах, в «мозговых штурмах» и так далее. Поэтому мне представляется абсолютно правильной предложенная формула о модернизации Российской Федерации в процессе развития отношений с Европейским союзом.

Несовпадение интересов с ЕС. Немало таких сфер. Где наши интересы совпадают, легко обнаружить, взяв «Четыре пространства» и «Дорожные карты», которые выработали и приняли два партнера в мае 2005 года. Вот там большой перечень тем, 60 страниц текста. Внешняя безопасность и внутренняя безопасность, демократия, правопорядок, экономика и гуманитарные проблемы, наука и информация, культура — все это сферы совпадения наших интересов. Это огромный перечень конкретных вопросов, по которым мы или сотрудничаем, или намерены сотрудничать. И не надо заикливаться на тех вопросах, где наши интересы не совпадают. Гораздо больше тех, где наши интересы либо идентичны, либо совпадают.

Страны бывшего СССР. Они развиваются очень неровно, по-разному; кое-где происходит смена поколений в политических элитах. Но на постсоветском пространстве появляются, тем не менее, политические или экономические образования, которые продвигаются гораздо быстрее, чем СНГ. Например, договор о коллективной безопасности — один из самых хороших примеров эффективного взаимодействия по политическим и военным вопросам. Либо, скажем, растущее взаимодействие и интеграция России и Казахстана. Есть попытка создать экономическое пространство — Россия, Белоруссия, Казахстан, Украина. Понимание такое, что если четыре страны не смогут договориться, сделать радикальный шаг в сторону создания единого экономического пространства, можно ограничиться меньшим количеством партнеров. Я думаю, что внутри постсоветского пространства нужно находить разные формы взаимодействия по интересам, дело быстрее пойдет, а искусственно никого не втягивать. Назову еще Шанхайскую организацию, которая создана и действует с помощью стран СНГ.

По поводу милитаризации. Я бы не преувеличивал степень милитаризации, потому что, мне кажется, это, если хотите, компенсация за те годы, когда армии вообще ничего не давали. Армия внутренне разрушалась. Военная техника устаревала, годами не поступали современные танки, самолеты, вертолеты. В девяностые годы, в 1996–1998 годах, когда я был пресс-секретарем Ельцина, не было ни одного совещания, где бы военные криком не кричали об этой

проблеме. Сейчас что-то начинает поступать в вооруженные силы. Появляются инвестиции в НИОКР. Я бы не сказал, что это милитаризация.

От кого мы защищаемся? Угроз более чем достаточно. Террористическая угроза. Тут ваши коллеги сказали, что есть любители разные атласы порисовать...

«Кто против присоединения к Европейскому союзу?» Если я правильно записал. Нет никого, кто выступал бы за присоединение к Европейскому союзу. Нет смысла поэтому обсуждать, кто против.

Есть, как вы знаете, школа политической мысли, которая вообще считает, что европеизм для России — это ошибка. Когда я выступал в «Итогах», представители этой школы обиделись на меня, сказав, что не должен человек с моими взглядами занимать такой пост. Есть противники, конечно, но опросы общественного мнения показывают самое благоприятное отношение к развитию отношений с ЕС.

Насчет «зеркала». Ну, уж если Россия подойдет к зеркалу, то себя не увидит невозможно. Это уж точно. Другое дело, если зеркало сделано по стандартам Европейского союза. Тогда, конечно, мы не дотягиваем до этих стандартов. Но, по большому счету, мы и не должны дотягивать, потому что мы не члены Европейского союза. Однако в европейском праве и в европейской системе ценностей есть много того, чему мы должны учиться и что мы должны адаптировать к российским условиям. Тогда будет происходить сближение наших отображений в зеркале.

Уголовное право, международный суд. Нет! Негативное отношение и у государства, и, естественно, в данном случае это и моя точка зрения. Не должны мы эту практику на себя переносить. Более того, мы далеко не одиноки в мире. Вы знаете, что и американская позиция в этом вопросе негативная.

Франция помогала сохранению идентичности жителям Квебека и так далее. Я думаю, что, в принципе, пример правильный. Но с такими примерами надо обходиться осторожно. Вопрос был из Латвии. Вот у португальцев есть такая поговорка: «Из Испании ни хорошего ветра, ни хорошей свадьбы». То есть ничего хорошего от Испании не жди. То же самое мы наблюдаем в Латвии и Эстонии в отношении России. Ничего хорошего отсюда не ждуг. Поэтому любое подчеркнутое оказание знаков внимания определенным партиям, политикам со стороны России воспринимается в Латвии и Эстонии негативно. И любая форма солидарности, поддержки будет восприниматься как «рука Москвы», как вмешательство во внутренние дела. Другое дело, что Россия обязана, и мы делаем это достаточно последовательно, защищать интересы наших соотечественников, проживающих на территории Евросоюза. Мы будем это делать различными способами. Делать официально, при этом помня заповедь Гипократа: «Не навреди!»

Насчет барашка не понял. Почему барашек в Европейском союзе оказался? Повторите еще раз.

Яна Войтова:

— С точки зрения иллюзии присутствия мы уже в Евросоюзе давно.

Сергей Ястржембский:

— Каким образом? Никакой иллюзии нет. Потому что мы там не присутствуем, а отсутствуем. Я об этом говорил. И не собираемся туда попасть в обозримом историческом будущем. Но образ красивый.

Отношения с Евросоюзом, что они должны быть «для людей, а не только для элиты». Мы два года работали ради того, чтобы создать условия выезда, комфорт-

ные для калининградцев, для 950 тысяч жителей. Это для кого? Для элиты или для людей? Переговоры по облегчению визовых процедур — это только для элиты? Или, скажем, есть политическое решение об открытии евроколледжа при МГИМО. Это будет *post graduated* для обучения европейскому праву, европейской экономике, административному праву и так далее наших специалистов для госслужбы и для частного бизнеса. Да, вроде бы для элиты, но и для широкого круга людей, которые должны интегрироваться в эту сферу наших отношений с Европейским союзом. Или масса программ, в которых мы участвуем вместе с ЕС. Обмен студентами, аспирантами и так далее. Нет, я думаю, что как раз в отношениях с Европейским союзом человеческий фактор присутствует, и очень заметно.

Углубление интеграции в ЕС, отказ от национального суверенитета... Процесс углубления интеграции Европейского союза сейчас замедляется. Это, безусловно, результат голосования во Франции, выявления позиции ряда других стран. Что делать с евроконституцией? — проблема очень острая. Вторая проблема — бюджет, который был провален на последнем Евросовете. И третья проблема — аграрная политика. Думаю, что процесс движения вглубь явно приостановился. Все отчетливее внутри Европейского союза видны две тенденции, два течения, два подхода, которые уже в открытую конкурируют друг с другом. Первое — взгляд на Европейский союз как на сообщество, развивающееся в сторону все большей политической интеграции, — к некоему квазигосударству. Второе — ставка делается на либеральный рынок, экономически максимально широкий и свободный и регулируемый по одним правилам. В этом видят, собственно говоря, суть и предназначение Европейского союза. Это разные точки зрения. От того, какой из двух подходов одержит верх, зависит его будущее. Вполне возможно, что могут выкристаллизоваться внутри Евросоюза некие ядра государств, которые примут решение развиваться более интенсивно, чем весь Евросоюз. Противоречие между двумя этими тенденциями становится все более ощутимым. И, по-моему, его уже невозможно не заметить.

Жан-Доминик Джулиани, президент Фонда Робера Шумана, Франция:

— Мне бы хотелось поблагодарить г-на Ястржембского за очень интересное выступление. И спасибо за то, что вы сообщили хорошую для французов новость: Россия не собирается вступать в Европейский союз. Это, конечно, шутка. Но экспансия и расширение Евросоюза — это проблема. Сегодня утром я как раз говорил о том, что французский взгляд на ЕС и взгляды французского правительства, в частности, в отношении выстраивания партнерских отношений между Россией и ЕС состоят в том, что такие отношения, безусловно, необходимы для стабильности на континенте. Вы упомянули Китай, Индию. Вы правы. Но, как вы знаете, Китай все-таки бедная страна. И в Китае более миллиарда людей. При этом у Китая ВВП такой же, как у Франции. Европейский союз представляет собой как бы гигантское хранилище различных ценностей. И вопрос в том, что мы можем делать на взаимной основе, как можем способствовать развитию общего видения мира и развитию общих интересов. Я с большим энтузиазмом выслушал вас сегодня.

Сергей Ястржембский:

— Я принес вам хорошую новость, что мы не вступаем в Европейский союз. А вы мне дали возможность просто сказать всем спасибо и не отвечать на ваш вопрос, просто потому что он не был задан.

*Юрий Гифенко,
заместитель
главного редактора
журнала «Общая тетрадь»*

Заметки с семинара

Обращаясь к слушателям федерального класса

2005 года, Лена Немировская сказала: «XX век с его фобиями, мифами, радостями закончился, и к этому мало кто готов». То, что век сменился, окончательно и бесповоротно выяснилось 7 июля в Лондоне: в условиях, когда разрастается экстремизм, когда все актуальнее становится угроза утраты накопленного человечеством культурного запаса, утраты смысла ценностей толерантности, свободы, верховенства права, просветительская работа нужна как никогда.

Школа — не политическая организация, но сообщество политических людей, для которых ценности имеют практическое значение. Во время июльского семинара перед слушателями Школы прошла череда ярких людей, своим личным примером показывающих, насколько важна личность человека для развития страны.

Председатель Счетной палаты Сергей Степашин: его сессия — это выступление

государственного человека с глубоко личным отношением к обсуждаемым проблемам. Говоря о трудносовместимых понятиях «порядок» и «демократия», С.В. Степашин рассказал, как руководимый им институт стал важным и действенным инструментом создания демократического порядка в России. Но создать в нашей стране порядок, который был бы демократическим, очень непростая задача, требующая упорной и кропотливой работы.

Профессор Лондонской школы экономики и политики Кристофер Коукер — блестящий теоретик, размышляющий о глобальных проблемах современности. Он говорил о политических идеях начавшегося недавно века: «Великие идеологии XX века пытались уничтожить отчуждение путем исправления человеческой природы, они по сути были политическими религиями... Теперь идеологии не пытаются изменять человеческую природу, они лишь хотят исправить поведение людей. Они хотят не исправлять души, а модифицировать тело»...

Руководителя Федерального казначейства России Та-

Татьяну Нестеренко отличает несокрушимая позитивность настроения: здравый смысл вместо прекраснодушных иллюзий, в самом лучшем смысле этого понятия. Спокойно и внятно, с цифрами и фактами она обнажила корни бюджетного кризиса, долго сотрясавшего российскую экономику (а они уходят еще в советское время), и показала, с каким трудом этот кризис преодолевался. Татьяна Нестеренко была одним из главных реализаторов бюджетной реформы, и ей удалось сделать многое. Она сама объясняет это просто: «Была бы воля, инструмент можно найти всегда»...

Доктор Пей Минцзин — выпускник Шанхайского университета, ныне живущий в США, руководит программами азиатских исследований в Фонде Карнеги,

— первый китайский эксперт Школы. Говоря о «китайском экономическом чуде», доктор Пей обратил внимание на его главное противоречие: Китай становится великой информационной державой, но политически остается однопартийной автократией, для которой сохранение контроля над обществом — вопрос выживания. Чтобы удержать власть, режим создал исключительно изобретательные инструменты контроля над информацией. Тем не менее доктор Пей полагает, что дальнейшее развитие Китая непременно приведет к тому, что давление общества на государство будет расти и общество победит.

Вячеслав Бахмин — правозащитник с диссидентским стажем. Размышляя о формировании гражданского

общества в России, он остановился на проблеме западного донорства, благодаря которому существуют многие организации «третьего сектора». Высоко оценивая помощь западных друзей нашей демократии, Бахмин подчеркнул и обратную сторону этого явления: риск коррупции, вынужденную ориентацию на краткосрочные проекты, а самое главное — «ценностный разрыв» сообщества гражданских активистов и большинства населения страны. Вячеслав Иванович считает, что проблемы эти могут быть решены, если работать над укреплением гражданского общества «без спешки и с фундаментом».

Помощник президента России по европейским делам Сергей Ястржембский не слишком оптимистичен в

отношении сотрудничества России и Евросоюза. Он согласен с необходимостью участия России в проекте «Европа», но видит немалые сложности как в выстраивании отношений нашей страны с ЕС, так и в эволюции самого Евросоюза. «ЕС — мощный конгломерат государств и наш основной партнер, — сказал Сергей Владимирович. — Проблема в том, что два партнера никак не определяются, чего хотят друг от друга». Россия и Евросоюз работают над решением спорных проблем, однако дело это долгое и трудное. Но процесс идет. Мы не можем не участвовать в проекте «Европа», то есть в процессе строительства гражданских институтов и общественной модернизации. В этом Европа для нас — уникальный партнер. Президент ГК «Каскол» Сергей Недорослев, выпускник Школы 1998 года, постоянный эксперт и член попечительского совета Школы, предложил аудитории очень личный, продуманный, основанный на богатом личном опыте взгляд на проблему развития экономики России. С.Г. Недорослев не склонен полагаться на природные ресурсы страны: они велики, но не вечны. Он также не склонен переоценивать «количественные» преобразования (бюджет, Стабфонд и прочие реформы). Залог успеха — в качественных изменениях. В том, чтобы воспитать новое поколение предприни-

мателей (а также политиков и общественных деятелей), ориентированное не по-советски. Не надо бороться с теми, кто помнит слово «спекулянт», надо заниматься воспитанием продуктивной культуры. Коротко говоря, и здесь все дело в людях.

Ширли Вильямс — баронесса Вильямс оф Кросби, лидер фракции либеральных демократов в палате лордов Великобритании, профессор Гарвардского университета. Британский политик и американский политолог, она своей сессией продолжила традицию Алексиса де Токвиля: предлагать взгляд просвещенного европейца на американскую демократию. Политику администрации президента Дж. Буша баронесса Вильямс охарактеризовала как «проникнутую силой, гордостью и односторонностью». Все это, впрочем, не приводит Ширли Вильямс к выводу об упадке американской демократии. Она считает, что единственная сверхдержава понемногу извлекает уроки из ошибок последних лет. Возможно, и президент Буш чему-то научится, будет более гибким и «международно мыслящим». Если же нет, республиканцев сменят демократы. Хотя, конечно, для Америки, как и для всего мира, «будущее остается неопределенным и туманным».

Президент Российского общественно-политического центра профессор А.М. Салмин начал с того, что

поставил под сомнение популярный тезис о том, что Россия не воспользовалась разработанной теорией транзита, которая универсальна. По его мнению, сама универсальность теории преувеличена. Россия как раз одна из наименее склонных «изобретать велосипеды» стран, она предпочитает заимствовать у соседей религиозные и гражданские доктрины, институты, культуру производства, формы быта и общественной организации. При этом мы берем глобальные концепции и пытаемся при их помощи решать практические вопросы. Главный порок нашей политики усугубляется неразвитостью «внешнего органа зрения» системы, то есть интеллектуальной элиты. Интеллигенция маргинальна, радикальна, слепа. Она не понимает природы чиновничества, так как заимствованные модели не включают опыта ограничения бюрократии: у западных стран нет такой проблемы. Там с бюрократией разбирались походя, в процессе решения других вопросов, у нас же это было и осталось центральной проблемой. Алексей Салмин воздержался от рецептов ее решения: «Прежде чем лечить, надо поставить диагноз»...

К сожалению, это было последнее выступление Алексея Михайловича Салмина на семинаре Школы: в начале осени нашего мудрого друга не стало. Светлая ему память.

Власть и капитал: неизбежность диалога и взаимодействия*

*Игорь Юргенс,
первый вице-президент
инвестиционной компании
«Ренессанс Капитал»*

Сейчас много говорят и пишут о том, в каких отношениях находятся наши бизнес и власть, как они между собой сотрудничают или не сотрудничают. Но я задаюсь вопросом: а собственно почему это кого-то должно интересовать? В Великобритании, например, почти никому, кроме узких специалистов, не интересно, каковы отношения, скажем, Конфедерации британской промышленности и лейбористского правительства.

В современной России, я думаю, люди интересуются отношениями власти и бизнеса потому, что от того, куда повернет власть, особенно если она поворачивает без учета мнений и настроений предпринимателей, в немалой степени зависит вероятность ошибок и степень рисков. То есть может, например, ухудшиться инвестиционный климат, замедлиться экономический рост, будут свернуты необходимые реформы и т.д.

Ясно, что бизнес и власть — это предопределяет структура нашей экономики — должны выстраивать некие отношения, поскольку 70 процентов ВВП страны производится на частных предприятиях и только 30 процентов — на государственных, хотя роль последних постепенно вновь возрастает. Значит, от того, как живет 70 процентов экономики, зависит жизнь страны в целом.

У российской экономики блестящие перспективы. Есть все для того, чтобы она успешно развивалась. Мы контролируем 40 процентов мировых запасов газа, без которых, по крайней мере до середины века, мир жить не сможет. То есть до тех пор, пока проблема энергии не будет решена на новой технологической основе. Мы контролируем 40 процентов нетропических лесов (это богатство, не сравнимое ни с чем), 20 процентов никеля, 20 процентов нефти, запасы другого ценного сырья.

«Голдман Сакс», известная инвестиционная группа, создала модель, которую назвала «Брикс». Вроде бы «кирпичи» в переводе, но на самом деле это — Бразилия, Россия, Индия, Китай. Эти «Брикс», согласно экономико-математической модели, к 2050 году должны стать основными экономиками мира, а США окажутся уже на втором месте, после Китая. Модель основана как раз на том, что Россия контролирует ресурсы, которые я упомянул, в России есть квалифициро-

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 26 июля 2005 года.

ванная рабочая сила и иные составляющие, необходимые для роста. Он будет стимулироваться внутренним и внешним потреблением, потому что потребление всего того, что мы контролируем, будет расти каждый год до 2020 года как минимум на 4 процента. То есть мировой рынок будет требовать все больше и больше нашей нефти, газа, никеля, древесины и всего остального.

Не буду описывать все детали прогноза экономистов из «Голдман Сакс». Подчеркну лишь, что его авторы исходили не из каких-то фантастических предпосылок, поэтому модель довольно интересная.

Как туда попасть, в это прекрасное будущее? Что надо сделать, чтобы сценарий реализовался? Моя личная точка зрения, которую я выстрадал, заключается в следующем:

1. Надо постепенно выводить государство из экономики, освобождаться от излишнего его присутствия в бюрократической составляющей. Это лицензирование, сертификация, все то, что называется бюрократическим давлением на бизнес. То есть необходима дальнейшая либерализация нашей экономической модели. Она возможна на самом деле, хотя в это сейчас верится с трудом, движение началось скорее попятное.

2. Необходима интеграция во все имеющиеся мировые экономические организации, в международную правовую систему: ВТО, Организацию экономического сотрудничества и развития и т. д., потому что собственные правила мы склонны нарушать. Причем произвольно и, казалось бы, по абсолютно объективным причинам: мы, мол, не такие как все и поэтому нам надо жить по-своему.

3. Совершенно необходима демонополизация, потому что нам достался народно-хозяйственный комплекс, который по определению тяготеет к монополизации. Прежде всего, к подавлению крупным бизнесом малого и среднего. «Естественные монополии» инертны: кому придет в голову заниматься инновациями, когда каждый день можно поднимать тарифы. Газпрому, РАО ЕЭС, РАО ЖД, Транснефти и ряду других монополий просто неинтересно тратить силы ради серьезной модернизации. В РАО ЕЭС, правда, делают шаги в правильном направлении.

4. Борьба с коррупцией. Это такая важнейшая составляющая трансформации, которая касается в том числе культурно-генетического типа россиян, и это очень большая проблема, не имеющая легких решений. Тем не менее движение по этому направлению абсолютно необходимо.

Если сможем решить эти проблемы – дебиюкратизации, либерализации, интеграции в мировое сообщество, демонополизации, борьбы с коррупцией, то можно не беспокоиться. История последних шести лет показывает, что, если государство не влезает в экономику, а занимается госрегулированием, наша экономика может стать одной из шести ведущих в мире. И тогда очень многие проблемы – безопасности, геостратегические, удержания территории, строительства нации или восстановления ее и так далее – могут решаться на здоровой экономической основе. Сможем мы попасть в это лучшее будущее или не сможем, с моей точки зрения, зависит от последовательности применения названных принципов. Применения, прежде всего, людьми, которые руководят страной, или хотя бы от их желания и умения учитывать эти принципы в работе.

Что происходит сейчас? Мы наблюдаем процесс инерционного уравнивания шансов. Я бы так это назвал. То есть сначала, до 2000 года, огромные шансы и сильные переговорные позиции (назовем их так) получил крупный бизнес. «Семибанкирщина», давление на власть, у которой не было денег, на власть,

которая была растоптана революцией. Затем власть начала реформироваться и, как после любой революции, наступила реставрация. Восстановление государственных институтов, иногда в очень корявом виде, иногда в очень брутальной форме, но восстановление. И власть, конечно, захотела уравнивать свои шансы с той самой «семибанкирщиной», а наиболее просвещенные ее представители, возможно, имели в голове такой сценарий: после выравнивания соотношения сил — равноправный диалог с бизнес-сообществом. Но только после того, как к ним будут относиться с уважением, а не так, как в то время: разговаривают «через губу», заходят в Кремль даже без пропусков, дают взятки и решают все свои проблемы.

Другая часть нашей власти просто применила апробированные методы перераспределения собственности в свою пользу. Инерционное уравнивание шансов сейчас немножечко затормозилось. Наблюдая отток капитала за рубеж после дела ЮКОСа, констатируя ухудшение инвестиционного климата внутри страны, власть в основном поняла, что больше так действовать нельзя, потому что это влечет прямые материальные потери. Поэтому пока, несмотря на тома документов на различные финансово-промышленные группы, нет команды «Фас!» на очередную группу. Хотя очередность приблизительно представляет себе каждый. И вот уже 6-7 месяцев некоторые из моих друзей из государственнической группы, среди которых, надо заметить, есть умные люди, кусают себе локти: почему «не наехали» вовремя, ну, скажем, на «Альфу»? Как же до сих пор терпим Интеррос? Им не спится и не терпится что-нибудь еще развалить, разорить. Одни из них это делают по чистоте души, другие — ради того, чтобы переделить капиталы в свою пользу, как те новые молодые кланы, которые ополчились на старые дома, на старых донов — Ходорковского, Потанина, Дерипаску. Они понимают, что у них нет социально-экономического люфта, все настолько плотно схвачено монополиями, что их надо как-то подвинуть.

Как подвинуть? Путем прямой экономической конкуренции это сделать сложно, тогда и используются правоохранительные органы и многое другое.

Таким образом, в настоящий момент между бизнесом и властью — возвращаясь к этой части анализа — существует динамическое равновесие. И бизнес, и власть понимают, что в принципе друг без друга им трудно. Надо интересы и права собственности защитить и экономическую модель не разрушить. Надеюсь, что именно в этом равновесии, если не будут спровоцированы крупные скандалы, мы проживем конституционный срок нынешнего президента. Что будет дальше, зависит от того, какие настроения возобладают в обществе, какой импульс событиям и размышлениям дадут регионы: справедлива ли существующая экономическая модель, можно ли, несмотря на очень большие перекосы, продолжать двигаться по либерально-рыночной трассе или надо свернуть на государственнический путь? Чуть больше контроля, чуть больше властных полномочий в экономике, чуть больше патриотизма, больше великодержавности... От этого зависит, куда качнется модель в 2008 году или после него. Власть, колеблясь, конечно, будет продолжать совершать ошибки или какие-то очень сложные ходы, поэтому прогноз того, что произойдет даже в недалеком будущем, — дело неблагодарное.

Коротко скажу, как обстоят дела в диалоге между бизнесом и властью с точки зрения структуры их взаимоотношений. Здесь можно выделить несколько функциональных блоков.

1. Политико-экономическое представительство интересов класса предпринимателей. Обычно оно реализуется в таких организациях, как наш Российский союз промышленников и предпринимателей или Британская конфедерация промышленности. Это объединения промышленников, которые собираются для того, чтобы оценить, что происходит в экономической политике государства.

2. Блок интересов инфраструктурных. Сам бизнес на своем корпоративном уровне не имеет права устанавливать правила игры в области сертификации товаров, арбитражных разбирательств, подготовки кадров и т. д. Он это делегирует Торгово-промышленной палате. Она имеет дело с органами власти в этой сфере.

3. Работодательство. Это особая функция, которая не может выполняться названными выше организациями. Нужны отдельные организации, посредством которых предприниматели солидарно несут ответственность за выполнение того, о чем они договорились с трудящимися и с профсоюзами согласно коллективным договорам о зарплате, об условиях труда, о социальных пособиях. В очень редких странах эта функция возлагается на одну организацию. Немцы попробовали, но потом разделились на BDI, то есть объединение промышленников, и BDA – федеральное объединение работодателей. И у нас дело идет к тому же. По новому закону в 2008 году РСПП, предположим, будет обязан или перерегистрироваться, или выделить из себя такую организацию, которая будет нести солидарную ответственность перед лицами наемного труда. Это очень важная функция, которая после 2008 года изменит условия предпринимательства.

У нас было бы все хорошо с этой инфраструктурой – РСПП, ТПП и Координационный совет организаций работодателей (КСОР), который работает в трехсторонней комиссии (правительство, профсоюзы и КСОР), но власть гением одного или двух политтехнологов самого высокого уровня решила, что иметь одно сильное объединение, такое как РСПП, где собралось 70 процентов ВВП, довольно опасно. Поэтому был дан старт сосуществованию РСПП, «Деловой России» и ОПОРа – Объединения предпринимательских организаций России. Каждая из этих организаций легитимна, во главе каждой есть здоровые, умные и энергичные люди. У каждой из них своя перспектива. Но нельзя закрывать глаза на то, что две из них были созданы для того, чтобы ослабить потенциал и единство предпринимательского союза. Ну и одна из них, «Деловая Россия», стала практически коллективным членом «Единой России», поддержав идеологию партии. Это очень отягощает ее переговорную позицию в борьбе с властью за свою концепцию предпринимательства.

И все же при всех трудностях РСПП объединяет крупный бизнес и присутствует в 89 регионах. «Деловая Россия», кстати с очень интересными иногда инициативами и своим видением проблем в области развития экономики, позиционирует себя как представитель среднего бизнеса, а ОПОРа – малого бизнеса. В принципе ничего страшного нет – конкуренция всегда рождает новые хорошие идеи, но такое распыление сил и без того не очень мощного класса, который не сформулировал еще своих правил игры, не выработал инструментов, с помощью которого он тягается с властью за экономический курс страны, конечно, не благо. И задумано оно было на основе принципа «разделяй и властвуй».

Вопросы и ответы

Андрей Коцарев, депутат городской думы, г. Черемхов, Иркутская область:

— Существует такая тенденция: губернатор приглашает представителя финансово-промышленной группы и говорит: «Моя лояльность стоит столько-то. Пожалуйста, выделите на социальные программы эту сумму». Мы понимаем, что это незаконно. В вашей практике были ли такие переговоры и как вы при этом поступали?

Игорь Юргенс:

— Это очевидная коррупция, губернатор же тендер при этом не объявляет. Существует абсолютно понятный критерий социальной ответственности бизнеса: заплатил зарплату по договору, выполнил обязательства, связанные с местными бюджетными и налоговыми обязательствами, выполнил требования экологического законодательства и всё, во всем остальном ты — филантроп или не филантроп. В наиболее продвинутых компаниях существует такая GRI — global reporting initiative. Это разработанная лучшими рейтинговыми и консалтинговыми агентствами отчетность о проделанной социальной работе. Отчетность добровольного типа. Если она у тебя есть и потом ты выходишь, скажем, на рынок займов или становишься публичной компанией и котируешься на бирже, социальная отчетность засчитывается тебе в огромный плюс. На Западе жадность бизнесмена превратили в плюс: если ты хочешь быть больше представленным на рынке и чтобы твои акции стоили дороже, то отчитайся по GRI, больше заплати рабочим, лучше отнесись к экологии, больше отдай в филантропические фонды... Мы к этому идем. На самом высоком уровне власти и бизнеса соответствующее понимание есть. На местном уровне происходит то, о чем вы сказали, и это называется коррупцией.

Алексей Расходчиков, председатель совета Ассоциации предпринимателей Саратовской области:

— Насколько мы знаем ситуацию, ни РСПП, ни ТПП даже вместе с «Деловой Россией» и ОПОРОй не отражают, к сожалению, интересы российского бизнеса в целом, особенно малого бизнеса как самой большой группы. Поскольку РСПП — это все-таки промышленники, а ТПП — очень бюрократизированная структура, которая занимается немножко другими вещами. Но даже такие достаточно серьезные организации сталкиваются с большими проблемами и не имеют серьезного, решающего голоса. То есть о тех инициативах, которые они пытаются лоббировать, даже иногда выступая совместно, в регионах фактически не слышно. Или проходит очень много времени, пока идеи претворяются в жизнь. Можно ли как-то изменить эту ситуацию, чтобы голос бизнеса был услышан?

Игорь Юргенс:

— Ну, раз он не слышен на вашем уровне, значит реально не слышен. Каждая из организаций делает максимум того, что она может сделать. Я уже сказал, что если бы не распыляли силы намеренно, то наш голос был бы слышнее. Что же касается конкретно позиций, которые вырабатываются, когда мы приходим к общему мнению, то, в принципе, здесь многого удастся достичь. Налоговое законодательство, закон о банкротстве, банковская реформа, несмотря на противодействие Центробанка, готовились по предпринимательским

лекалам. К вступлению в ВТО мы тоже не двигались бы, если бы не было сотрудничества между бизнесом и властью. Или вступим совершенно не на тех условиях, которые нам выгодны.

Многое можно делать значительно лучше. Но и то, что сделано, оказывается, не доходит до вас.

Когда Путин принимал «капитанов бизнеса» в 2000–2003 годах (согласен, что они были все из крупного, а не из малого бизнеса), это был, собственно, соответствующий социальный контракт. Президент дал тогда госорганам 18 серьезных поручений. «Учтите замечания бизнеса в Налоговом кодексе». Поручение выполнено. «Учтите замечания бизнеса о процессе вступления в ВТО, организуйте консультации с отраслевыми объединениями». Учтено. Так вот, эти 18 поручений здорово подтолкнули реформу и очень многое было сделано. А после этого власть и бизнес во многом разошлись. Поэтому согласен с вами: раз нашего голоса не слышно, движения вперед нет. Согласен, что надо произрастать и снизу, и сверху. Но без вашей активности, вашего вмешательства в дела всех названных организаций ничего не изменится. Без участия гражданского общества мы тоже не станем сильнее.

Кирилл Алексеев, генеральный директор медиахолдинга «Столица», Республика Саха-Якутия:

– Означает ли сказанное вами, что Россия будет богатеть из года в год почти автоматически, без приложения к этому больших усилий, поскольку растет потребление сырьевых ресурсов и, стало быть, все разговоры про голландские и прочие болезни – это байки от лукавого. Ну и что нам делать со Стабилизационным фондом?

Игорь Юргенс:

– Автоматически никто не богатеет. 20 процентов роста ВВП, которые дают нефть с газом, не просто достаются. Если вы бывали на буровых, то видели, как люди добавляют там стоимость. У нас были лучшие в мире наработки, как пробуриться на 11 километров. Американцы у нас «списывали слова». Это огромная высокотехнологичная отрасль. И почему все время надо себя упрекать: ах, эта голландская болезнь, ах, мы живем на нефтяной игле?! Это огромный труд, огромная промышленность. Когда растет эта отрасль, остальное тоже динамичнее развивается. Она дает тысячи заказов трубникам, машиностроителям, станкостроителям. Машиностроение сегодня одна из быстрорастущих отраслей. Пищевая промышленность, сфера услуг динамично развиваются. Сейчас горячие головы в Госдуме хотят ввести такой налог на добычу полезных ископаемых, что можно зарезать курочку, которая несет золотые яички.

Если не мешать экономике, «голландская болезнь» пройдет и возникнет очень много параллельных диверсифицированных активов как у нефтяников, так и у металлургов, строителей и т.д. Они будут давать заказы остальной промышленности, и она будет тоже расти.

Но это не означает, что относительно малая прибыльность или убыточность вложений в другие отрасли, кроме энергетической, непреодолима. Да, если у меня есть миллион долларов, мне сейчас интереснее вложить его в трейдинг нефти, чем в биотехнологии. Регулируя ставки налогов, ускоряя амортизацию основных фондов, обеспечивая правильную таможенную политику, мы можем с «голландской болезнью» цивилизованно бороться. И государство всем этим

должно заниматься. Оно не должно лезть туда, где что-то растет само, и хорошо растет, а там, где не растет, — немножко подпитать.

Стабилизационный фонд. Сейчас я наивную вещь скажу, но анализ ситуации в послевоенной Европе и в мире в целом показал, что три нации поднялись довольно быстро в силу ряда разных причин, но у всех у них было одно сильное качество: все они сохранили университет, высшую школу. Это Германия, Япония и Россия. Остальные поднимались намного медленнее. Поэтому, с моей точки зрения, Стабилизационный фонд нужно направить в нормальную, реформированную конечно, систему образования и просвещения. Это первый канал, а второй... Что тут выдумывать какие-то «проекты по повышению», когда мы скоро без дорог задохнемся. Государственно-частное партнерство в их строительстве и эксплуатации с использованием средств инвестиционного фонда — абсолютно необходимая вещь. Сейчас строить дороги только на государственные средства нельзя, потому что при строительстве кольцевой дороги вокруг Москвы половина средств была попросту украдена.

Ольга Петрова, пресс-секретарь мэрии, г. Сосновый Бор, Ленинградская область:

— В 2000 году я впервые услышала об идее акционирования атомной энергетики, идее очень новой, неожиданной, и мой собеседник ее достаточно четко обосновал. Пять лет прошло с тех пор, и правительство России приняло решение об акционировании концерна Росэнергоатом, но обосновало это иначе. Главная цель — сделать компанию прозрачной и более привлекательной инвестиционно. Но жизнь не подтверждает таких надежд, вот два примера: Газпром назван одной из самых непрозрачных компаний, а одна из причин того, что случилось в июне в РАО ЕЭС, как раз инвестиционная непривлекательность. И тот же самый человек, который ознакомил меня с идеей акционирования, говорит теперь: да, акционирование необходимо, но с мышлением девяностых годов, которое у нас сохранилось, акционировать атомную энергетику невозможно. Мне бы хотелось услышать ваше мнение на этот счет.

Игорь Юргенс:

— Абсолютно не являюсь экспертом в этой области. Но попытка была. Каха Бендукидзе, который сейчас возглавляет экономику Грузии, приобрел один такой актив и начал переговоры о строительстве ядерной электростанции на частной основе, вполне транспарентной для государства. Мне очень трудно оценить состояние технологической дисциплины на таких объектах, как они будут акционированы, но потенциально это возможно.

Вадим Карастелев, эксперт Новороссийского комитета по правам человека:

— Вы очень хорошо показали, что власть и бизнес могут взаимодействовать и что есть необходимость такого взаимодействия в политическом и экономическом контексте. А вот с точки зрения прав человека? Необходимо ли бизнесу и власти в своем диалоге обсуждать вопросы, связанные с правами человека?

Игорь Юргенс:

— Бизнес отвечает за права человека, которые называются социально-экономическими. Маргинальная рабочая сила не нужна. Не платишь своим рабочим, значит кличешь на себя беду: это обернется сначала забастовочным движением, а потом — падением качества производства, многими другими непри-

яютностями. Это аксиомы для грамотных предпринимателей. Что касается политических прав, то, безусловно, риски предпринимательства намного ниже в странах, где эти права соблюдаются. Уже потому, что в этом случае риски можно просчитать. Поэтому любой здравомыслящий бизнесмен априори вам скажет, что он, конечно, за полную реализацию политических прав человека. Борьба за это напрямую он не сможет, потому что это функция гражданского общества, функция политических партий, а спонсировать борьбу, с моей точки зрения, может и должен.

Антон Горюхов, председатель Саратовского регионального отделения ООО «Деловая Россия»:

— Привлекает ли вас Счетная палата в качестве эксперта по вопросам эффективности государственных инвестиций?

Игорь Юргенс:

— У нас есть договор о сотрудничестве и обмене информацией. В частности, я читал доклад Счетной палаты об итогах приватизации, но он не был опубликован. Тут можно искать много объяснений, но этот доклад говорит о следующем: на 98 процентов все прегрешения, связанные с приватизацией, — это вина коррумпированного чиновничества, которое за откаты раздавало собственность крупными кусками. На 2 процента — вина тех предпринимателей, которые в ходе приватизации поимели много чего. И соответствующий вывод: поставьте жирную точку на истории с приватизацией. Вот такой простой доклад, но восемь раз слушание его переносили в Думе, девять раз — в правительстве: кому-то надо «подвешивать» эту историю с приватизацией.

Да, нас привлекают в качестве экспертов. Не так часто, как хотелось бы, тем не менее Степашин олицетворяет для меня правильную линию в диалоге «бизнес — власть». Палата себя все больше позиционирует как орган защиты прав налогоплательщиков. Мы крупнейшие налогоплательщики, и если правильно будем себя вести, они будут нас защищать.

Давид Хуцишвили, председатель фракции «Тбилиси» в ассамблее (местное самоуправление) г. Тбилиси, Грузия:

— Меня интересует ваше мнение о том, насколько защищен бизнес в России и является ли государство гарантом безопасности частного бизнеса? И второй вопрос: какие меры принимаются государством для формирования среднего класса?

Игорь Юргенс:

— По правам собственности я не могу сказать пока, что государство — гарант, скорее наоборот. Законы в России вообще уже очень хорошие. Западные эксперты их высоко оценивают, от налогового климата до защиты прав собственности. Но правоприменительная практика — никуда не годится.

Приведу один пример. Фирма «Мишлен» производит под г. Орехово-Борисово прекрасные шины — 300 тысяч штук в год. Их вывозят на Украину, здесь торгуют — прекрасно. И предприятие подвергается массированным контрольным проверкам со стороны всевозможных орехово-борисовских органов: за 6 месяцев — 36 проверок! По сути, плохо замаскированное вымогательство денег.

А средний класс растет не под воздействием государства, он растет в результате роста доходов и правильного их инвестирования. Если вы первые свои 10 тысяч долларов заработали, и у вас их никто не отнимает, и в банке все спокойно, и вы на три годика их положили, и вам выдали проценты, и банк не прогорел, вот вы уже и средний класс. Если же вас пугают каждый день или банковским дефолтом, или неблагоприятной обстановкой в стране, вы положите эти деньги на Кипре. Тогда средний класс здесь не появится.

Ростислав Балабан, депутат Дарницкого районного совета, г. Киев:

— Одна из популярных идей новой украинской власти — отделить власть от бизнеса. Если механически это делать, то вместо отделенного бизнеса получится новый бизнес, который готов платить взятки ради каких-то привилегий. Если с вашей точки зрения это корректный вопрос, скажите, пожалуйста, какой механизм вы предложили бы для отделения власти от бизнеса?

Игорь Юргенс:

— Полностью разделить их при той ситуации, которая сложилась в Украине, едва ли возможно. Разделение бизнеса и власти произойдет тогда, когда всё наконец будет строго поделено. Вот это государственное, а вот это частное.

Александр Хрусталеv, помощник депутата Законодательного собрания Ленинградской области:

— Если государство может расправиться с такой нефтяной компанией, как ЮКОС, то тем, кого пока оставили в покое, чего ждать и что делать? Уводить капиталы или еще работать?

Игорь Юргенс:

— Работать. Российские предприниматели так и делают, но и подстраховываются. Думаю, что существуют способы, мягко скажем, диверсификации активов, которые страхуют от повторения судьбы ЮКОСа. Возможно, государство не могло терпеть такого высокомерного, с его точки зрения, Ходорковского. Это отдельная история. Но сейчас, когда шансы уравнинены, здравый смысл говорит о том, что не надо следующего крупного скандала. Потому что, во-первых, власти поняли урок. Во-вторых, они, в основном, поняли правила игры. В-третьих, баланс уже сместился в другую сторону. Вторжение государства в экономику уже сказывается и на темпах роста: было 7 процентов в год, сейчас 5 и то с натягом.

Елена Немифовская:

— Делом Ходорковского государство показало, что закон работает избирательно.

Игорь Юргенс:

— Это очень плохой случай, я уже по этому поводу высказывался много раз. Но есть еще одна сторона проблемы. Не чудовищно ли и то, что с малолетства каждый гражданин Российской Федерации начинает понимать: он живет в обществе, где все решается взяткой. Папа сказал, что я не могу пройти экзамен, надо Марь Иванне принести сто рублей. А в призывном возрасте... Это национальный спорт — уклонение от армии за взятки. Взятка стала для нас абсолютно нор-

мальным явлением. Но спросите любого американца, придет ли ему в голову за превышение скорости дать деньги инспектору? Тюрьма ему, тебе, ужас что! Иногда чувствуешь себя безнадежно. Когда смотришь еще и на нашу историю, которая никогда не была в этом смысле простой. Так что, такими методами, как в сталинские времена, бороться? Тогда мы никогда не доберемся до свободы, которая равна ответственности. Или мы все-таки с этим сможем что-то сделать? Что надо включать? Какой механизм? Религию, зов души, воспитание? Это более сложные для меня вопросы, чем отвратительная история, которую вы упомянули.

Денис Соколов, член правления регионального отделения партии «Новые правые», Санкт-Петербург:

— Сейчас, поскольку во многих регионах идет реформа местного самоуправления, малый бизнес очень активно участвует в выборах в местные органы. У региональных ассоциаций предпринимателей это основное дело — подготовка к выборам и попытка провести своих людей в муниципалитеты первого и второго уровня. Параллельно идет как бы такой бытовой сговор с региональными отделениями «Единой России». Такой поход малого бизнеса во власть — от безысходности: никто не представляет его интересы на местах и он идет во власть сам.

Игорь Юргенс:

— Почему-то считается, что всеобщая управляемость — это сильное государство. На самом деле при якобы повышающейся управляемости сила государства куда-то уходит день за днем. Ну не заменяют демократию политтехнологии! Власть занимается политтехнологиями, а нам надо заниматься демократией. С этим я совершенно согласен.

Александр Радевич, председатель совета городской общественной организации «Центр социальных и образовательных инициатив», г. Ижевск, Республика Удмуртия:

— Хотел бы вас спросить, что должно сделать бизнес-сообщество, чтобы власть была более благосклонна к бизнесу? И второе: может ли, по вашему мнению, некоммерческая организация (НКО) выступать партнером бизнес-сообщества? Даже в ракурсе развития территории, развития государства, потому что все-таки НКО работают в области услуг, и вы знаете, что у НКО нет лобби, нет депутатов для того, чтобы их пустили на рынок услуг. Это было бы эффективно, и они тогда стали бы полноценными экономическими субъектами. Прокомментируйте, пожалуйста, эти два пункта.

Игорь Юргенс:

— Эти два вопроса объединю в один: либеральное развитие общества или патернализм? Или мы доверяем народу и его инстинктам и даем возможность построить, да, ущербную поначалу демократию, но демократию. Или мы все решаем за народ. Либерализм — патернализм, евразийство — западничество. Это из вечной российской истории, ничего мы не придумали. Вдумывайтесь в историю и боритесь за то, что вам больше по душе. Другого рецепта я не могу дать.

Максим Сергеев, депутат городской думы, г. Новоуральск, Свердловская область:

— Игорь Юрьевич, как бы вы расценили перспективу системы венчурных

фондов в России, роль государства в создании этих фондов? И существует ли у нашего бизнеса интерес к этим фондам?

Игорь Юргенс:

— Венчурный фонд по-русски — это накопленные средства, которые можно отпустить в рискованные проекты. Проекты непонятных, не просчитываемых полностью перспектив — с точки зрения инвестиционной отдачи. Государство сейчас готово на целом ряде направлений это стимулировать. Первый шаг — создание специальных экономических зон с особым режимом налогообложения именно для венчурных предприятий.

Евгений Сеньшин, корреспондент отдела политики журнала «Эксперт-Урал», г. Екатеринбург:

— Делом Ходорковского реставрация не завершается? Я хотел бы узнать, сколько еще эта фаза будет длиться? И есть ли угроза ее перетекания в реакцию. Говорят, что в администрации президента есть группы куда более реакционные... Это так?

Игорь Юргенс:

— Насколько я могу судить, Путин человек либеральный. По крайней мере, намного более либеральный, чем его окружение, или, как говорят, либеральней 89 процентов населения Российской Федерации. Это правда. В силу своего опыта работы в ленинградской мэрии, в силу целого ряда других обстоятельств. И я абсолютно уверен, что, несмотря на безусловное желание многих удалить из правительства Грефа, Кудрина, Жукова, они держатся на Путине. То, что есть в нашей стране силы более реакционные и менее цивилизованные, которые не остановятся перед переделом собственности в более жестком виде, у меня нет никаких сомнений. Есть ли у этих сил или будет ли другой путь, кроме рыночной экономики, у меня большое сомнение, — наверное,

нет и не будет. Поэтому, я думаю, исторически, в долгосрочной перспективе, они обречены. А в краткосрочной — возможны всякие неприятности.

Юрий Корнев, депутат Иркутской городской думы:

— Игорь Юрьевич, наметившаяся тенденция огосударствления нефтегазовой отрасли — это стратегия действующего руководства или механизм перераспределения собственности? И второе: если, скажем, победит на выборах не сторонник действующей власти, не потеряется ли у нас Стабилизационный фонд?

Игорь Юргенс:

— Первый вопрос. Две тенденции абсолютно очевидны. Первая — возрастающее понимание политической властью роли стратегически важного ресурса, каковым являются газ и нефть. Это сейчас для России более важное оружие, чем ядерное, в силу тех причин, о которых я уже говорил: это мощный инструмент и международного, и внутреннего влияния. Но с другой стороны, как при смене власти будут вести себя те люди, которые овладели некими активами не совсем правильным путем? Конечно, они будут думать или уже думают, что с ними поступят, как с Ходорковским, поэтому позаботятся о политической крыше на долгий период. Вот эта тенденция очень опасная. Наверняка она есть, я не могу сказать, с кем она отождествляется — персоналии, масштабы цен и так далее, но вот то, что она есть, очевидно, иначе не надо было бы устраивать передачу активов ЮКОСа через какую-то непонятную контору, которая зарегистрирована в Твери в пивной под названием «Лондон».

О Стабилизационном фонде. Если у нас, не дай Бог, произойдет «оранжевая революция», для которой нет никаких предпосылок, будет решение следующей власти, что с ним делать. А так он не может просто исчезнуть.

Глеб Торин, президент Межрегионального фонда развития местных сообществ и инициатив, г. Архангельск:

— Слушая вас, получаешь какой-то колоссальный заряд оптимизма, несмотря на то что риторика иногда достаточно жесткая. Начинаешь понимать, что есть у нас некие ресурсы выживания и процветания, которые мы должны реализовывать. Одна из главных задач, как я понимаю, — начать диалог между бизнесом и гражданским обществом и создать условия консолидации бизнеса ради «производства» гражданского общества. Надо делать так, чтобы государство видело в этом свою выгоду. Не угрозу и противостояние, а пользу. Концепция государства не должна сводиться к его ограничению, надо говорить о модернизации страны. Поэтому два вопроса. Первый: что является исключительным ресурсом государства для модернизации и что является исключительным ресурсом гражданского общества? И второй вопрос: каким образом наладить диалог гражданского общества и бизнеса, учитывая, что гражданское общество такое же коррумпированное, как и все остальное?

Игорь Юргенс:

— Добавить мне нечего. Вопросы риторические. По первой части я абсолютно с вами согласен, потому что я действительно генетический оптимист и считаю, что каждый день перед каждым человеком, и перед каждым президентом, и перед каждым министром есть пункт бифуркации, пункт принятия того или

иногое решения. Каждый день ты можешь принять решение, которое будет двигать дело вперед или назад. Давайте помогать правильным решением.

Наталья Наумова, генеральный директор ООО «Рекламное агентство “Виват”», г. Белгород:

— Сейчас мы говорим о социально ответственном бизнесе. Скажите, пожалуйста, насколько бизнес ответствен за формирование той среды, в которой мы живем? Вот вы являетесь заместителем председателя инвестиционного фонда, не хотели бы вы направить инвестиции на формирование и просвещение гражданского общества, чтобы получить некий элемент стабильности в будущем?

Игорь Юргенс:

— Абсолютно правильно. Безусловно, бизнес должен быть побуждаем к тому, чтобы в филантропических, образовательных, социально ответственных целях он все больше и больше средств направлял на то, о чем вы сказали. В целом бизнес направляет на это до 17 процентов своей чистой прибыли. Показатель для России очень хороший. Выше, чем средний показатель в других странах. Законом же определить, что каждый банк отдаст на создание гражданского общества столько-то денег, невозможно. Становление гражданского общества происходит по мере того, как происходит становление отдельного гражданина. Когда чувство собственного достоинства заставляет что-то делать, а не молчать и согласно кивать, вот тогда и гражданское общество рождается. Такие люди есть как среди предпринимателей, так и среди беднейших слоев населения.

Артем Марченков, консультант и почетный член координационного совета международной сети «Молодежное правозащитное движение», г. Владимир:

— В последние годы растет капитализация российских компаний, соответственно возникает вопрос не просто интеграции в мировые рынки, но и превращения российских по происхождению компаний в транснациональные корпорации. Одна из компаний, о которой мы сегодня говорили, ЮКОС, довольно близко подошла к этой границе и, к сожалению, встретила с политическими ограничителями этого процесса. Потому что глобализация, транснационализация — это одновременно выход из зоны государственного влияния. Однако сейчас ряд других компаний, например ЛУКОЙЛ, РАО «ЕС России», делают активные инвестиции за рубежом. Это процесс объективно обусловленный. Как станут меняться отношения между крупным бизнесом и российской властью по мере того, как этот процесс будет продолжаться?

Игорь Юргенс:

— У власти всегда есть возможности, каким бы глобальным игроком ни была компания, ее остановить. С одной стороны, глобализация, конечно, будет вести к тому, что с ответственным бизнесом ответственное государство будет все больше считаться, потому что это и будет его сила за рубежом, во внешней политике, во внутренней политике. С другой стороны, у государства всегда будет достаточно инструментов, чтобы вновь уравнивать шансы. Поэтому, повторюсь, диалог и взаимодействие бизнеса и власти — объективная необходимость.

*Татьяна Нестеренко,
руководитель Федерального
казначейства*

Бюджетная реформа и Федеральное казначейство

Ф

едеральное казначейство — новый для современной России институт, и мне не раз приходилось сталкиваться с непониманием его роли. Понять ее можно лишь в контексте анализа основных направлений бюджетной реформы. Ибо одно дело — объявить политику реформ и другое — создать инструментарий для ее реализации. Казначейство как раз и является одним из инструментов, посредством которого осуществляется бюджетная реформа.

Почему вообще возникла потребность в бюджетной реформе? Когда все это началось? Ответить на эти вопросы невозможно без анализа источников бюджетного кризиса, побудившего к поиску новых решений в управлении общественными финансами. В свою очередь состояние общественных финансов неразрывно связано с экономическим состоянием государства в целом, поскольку сектор государственного управления, через который происходит перераспределение общественных финансов, является неотъемлемой частью экономики любой страны.

С начала 1970-х годов экономический рост в СССР становился все более аномальным. Доля сырьевых ресурсов в экспорте росла, доля продукции обрабатывающих отраслей падала. Неэффективность социалистической системы хозяйствования, основанной на господстве государственной собственности и управленческой иерархии, обеспечивавшей координацию хозяйственной деятельности прямыми распорядительными актами, стала очевидным фактором. Приведу цитату из книги известного советского экономиста Николая Федоренко «Россия на рубеже веков»: «Ко второй половине 80-х годов наша страна вышла на самые передовые позиции в мире по объемам производства низкокачественной техники. Отставая от США по производству зерна в 1,4 раза, мы опередили их по выпуску тракторов в 6,4 раза, по зерноуборочным комбайнам — в 16 (!) раз. Чтобы произвести столько зерноуборочных комбайнов, сколько их стояло в наших хозяйствах на ремонте в 1987 году, американской промышленности пришлось бы работать 70 лет. Это была экономика планового абсурда, которая не лопнуть не могла. Вот она и лопнула»*.

Вот символ диспропорции всей экономической ситуации. Называется «обогнали!» В стране огромная проблема с производством сельскохозяйственной продукции: импорт

* Цит. по кн.: Е.Т. Гайдар. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005. — С. 336.

зерна, других видов продовольствия резко возрос, экспорт продовольствия сократился, а техника для производства этой продукции простаивала в ремонтных мастерских. Поскольку такая, как есть, она в сущности была не нужна.

При этом надо отметить, что в 1970-е годы цены на нефть в мире были ошеломляюще высокими. Если привести цену на нефть к сопоставимому масштабу, то окажется, что тогда она была даже выше, чем сейчас. То есть в этом смысле условия для развития страны были очень благоприятными. Естественно, как и в большинстве нефтедобывающих стран, наша экономическая и политическая элита полагала, что такое «нефтяное» благоденствие будет бесконечным.

История в данном случае важна для нас не только для того, чтобы понять, почему мы (или наши предшественники) делали те или иные шаги, сколько с позиций потребности осознать, чего нам не стоит делать в будущем, а особенно сейчас, в пору дискуссии по Стабилизационному фонду.

Итак, в 1970-е годы на фоне беспрецедентного роста цен на нефть и дефицита торгового баланса советское правительство, полагаясь на нарастающий объем поступлений от экспорта нефти, по словам Е. Гайдара, наращивает объем иностранных заимствований и одновременно продолжает «субсидировать вассальные режимы, предоставляя им кредиты, шанс возврата которых был невелик»*.

Но вот наступают 1980–1986 годы – сокращение цены на нефть в 6 раз. За шесть лет – в 6 раз! Последний источник, благодаря которому жила экономика Советского Союза, иссяк. Притом что сельское хозяйство на нуле, за импорт нужно платить валютой, а наш экспорт никому не нужен. Возникло резкое отрицательное сальдо торгового баланса, резкий дефицит текущего баланса и, естественно, бюджета.

И еще одна цитата. Весной 1991 года, когда уже абсолютно очевидно началось изменение экономической ситуации, последний глава Кабинета министров СССР Валентин Павлов сказал: «По результатам торговли прошлого года мы стали должниками почти

всех стран, даже Восточной Европы – Чехословакии, Венгрии, Югославии... Если в 1981 году на погашение внешнего долга и процентов по нему мы направляли 3,8 млрд. в свободно конвертируемой валюте, то в текущем году необходимо погасить уже 12 миллиардов. Результаты такого хищнического отношения к национальному достоянию стали сказываться сначала медленно, а теперь – лавинообразно» (доклад премьер-министра СССР В.С. Павлова на V сессии Верховного Совета СССР, 22 апреля 1991 года).

Чем же покрывать возникший дефицит торгового баланса и бюджетный дефицит? За счет сбережений населения, которые были вовлечены в финансовый оборот как активы Сберегательного банка (ведь тогда была единая государственная финансовая система, и бюджет, Сберегательный банк и Центральный банк составляли одно целое). Сейчас спрашивают, куда девались сбережения граждан? Так вот, они и были вовлечены в покрытие того огромного дефицита, который давил на экономику сначала Советского Союза, а потом России. Необходимо было покрывать текущие обязательства, платить заработную плату, платить за импорт, скажем, того же ширпотреба. Дефицит торгового баланса покрывался остатками со счетов экспортеров во Внешэкономбанке. А доходы от экспортных операций, которые совершали хозяйствующие структуры, практически все уходили на хотя бы частичное поддержание платежного баланса. Таков был накал экономических проблем в начале 1990-х годов.

Абсолютный дефицит бюджета усугублялся к тому же кризисом неплатежей. Поскольку денег в экономике не стало, начались различные взаимозачеты, уплата налогов в товарной форме, бартер и т.п.

На фоне товарного дефицита нарастали проблемы с выплатой заработной платы, пенсий и других социальных выплат. Недовольство населения возрастало. В стране начались массовые акции протеста. Что делать?

А делалось следующее. На последнем заседании Верховного совета СССР в 1991 году принимается решение поднять в несколько

* Е.Т. Гайдар. Долгое время. – С. 343.

раз все социальные выплаты. Увеличен минимальный размер оплаты труда, подняты стипендии, пенсии, выплаты чернобыльцам и т. д., то есть на фоне стагнирующей экономики, огромного дефицита бюджета принимаются усугубляющие его популистские решения.

И новый парламент России — Государственная дума, членом которой была и я, — продолжил по существу ту же социальную политику. В 1993 году Госдума принимает беспрецедентное решение по закону о ветеранах, по закону об инвалидах. Причем все это делается с пониманием того, что денег в казне нет. Придумываются новые формы социальных льгот, так называемые натуральные льготы — кому-то предоставляются бесплатно транспорт, коммунальные услуги, телефонная связь...

Причем важно отметить, что натуральные льготы вводятся на фоне провозглашенной новой Конституцией Российской Федерации частной собственности. Очевидно, что приказать «предоставить услугу бесплатно» возможно только при жесткой административной системе, основанной на государственной собственности, а частный предприниматель потребует от власти компенсацию за то, что он исполнил государственное обязательство.

Провозглашенное конституцией признание равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности постепенно приводит к пониманию того, что не может один собственник взять на себя обязательство, а другой нести бремя по его исполнению.

Таким образом, формирование законодательства в социальной сфере и базовых экономических основ нового российского государства шло разнонаправленными курсами. Напряжение возникает и в отношениях «центр — регионы». Молодая страна объявила себя федеративным государством, но что происходит? Центр принимает решение о льготах, а оплачивают их субъекты Федерации. То есть имеют место абсолютно искаженные не только социальные и экономические, но и федеративные отношения.

Далее. В 1991 году принимается закон о кооперативах, рождается банковская система. Но при этом практически нет никаких

требований к капиталу банков, абсолютно отсутствует банковский надзор. Создается лишь некое подобие банковской системы, которая в тот период в основном обслуживает корпоративные интересы, отмывание денег и уход от налогов. За три года число банков в России достигло значительной цифры — 1400.

Поначалу банки обслуживали только счета так называемых коммерческих организаций и, казалось бы, всего лишь иногда усугубляли проблему неплатежей между ними. Но в этот момент произошли серьезные изменения и в функциях Центрального банка. Он перестал обслуживать платежи государства. Согласно конституции, Центральный банк — эмиссионный центр, однако требование об обязательности обслуживания счетов бюджета и бюджетных учреждений только Центральным банком исчезает. Возникает и нарастает процесс перевода бюджетных счетов в коммерческие банки. И помимо того, что банки лопались так же легко, как и создавались, бюджетные деньги просто исчезали, в том числе и на выплату зарплат, тех же пенсий, пособий, оплату гособоронзаказа, коммунальных услуг и т.п. Проблема неплатежей усугублялась.

Она усугублялась не только и даже не столько тем, что бюджетные средства переводились в ненадежные кредитные организации. Главное, что в результате нарушалась одна из основ надлежащего управления общественными финансами — принцип «единства кассы» или «единства счета». Он означает, что в процессе исполнения бюджета все поступления и выбытия денежных средств осуществляются с одного счета, открытого одному органу, выступающему в качестве «кассира» от имени собственника, управляющего общественными финансами. На этот счет поступают денежные средства в процессе управления такими активами, как налоги и сборы, а затем с него производятся выплаты в процессе исполнения расходных обязательств собственника. В такой системе у участников бюджетного процесса должны быть только права на принятие от имени собственника обязательств и право на оплату этих обязательств, а сами денежные средства должны быть сконцентрированы и управление ими должно осуществляться таким обра-

зом, чтобы их всегда было достаточно в момент представления обязательства к оплате. А теперь представьте, что происходит, когда счета бюджетных учреждений рассредоточены в коммерческих банках. На них учитывается не право осуществлять оплату обязательства, а реальные денежные средства, которые переводятся со счета Минфина на банковские счета этих учреждений. А это десятки тысяч банковских счетов и миллиарды рублей. И в одних банках эти деньги лежат не востребованными до момента реального платежа, а у кого-то их не хватает на оплату текущих потребностей. Поэтому и нужно было в определенный момент у одних банков деньги забрать и отдать другим, кто в них нуждается, но это невозможно было сделать в ситуации разрозненных банковских счетов и отсутствия системы управления ресурсами в рамках единого счета.

В результате Российская Федерация, распределив все денежные средства по счетам в коммерческих банках, потом у них же их заимствовала для пополнения ликвидности своего счета.

Таким образом, проблема отсутствия управления ресурсами или управления ликвидностью бюджета, наряду с другими проблемами — неплатежей и неисполнением огромного объема обязательств, о чем говорилось выше, усугубили положение с исполнением бюджета, что привело к росту объема государственного долга и стоимости его обслуживания.

Говорят, что в некоторых странах Восточной Европы экономические реформы прошли намного быстрее. Да, но они происходили быстрее там, где были хотя бы какие-то признаки институтов, необходимых для функционирования рынка: соответствующая судебная система, гражданское законодательство, банковская система. В России ничего этого не было, все формировалось параллельно. Создавались Гражданский кодекс, закон о банках и банковской деятельности, налоговое законодательство и т.д., и все это с ошибками, которые мы сейчас видим.

Наконец в 1998 году был принят Бюджетный кодекс. Я участвовала в его создании как депутат Государственной думы и сегодня ясно вижу необходимость серьезных изме-

нений в этом документе. Но в тот момент это был революционный акт, регулирующий сферы бюджетных правоотношений.

Кроме четкого разграничения прав, обязанностей и ответственности участников бюджетного процесса, описания процессов составления, утверждения и исполнения бюджетов, Кодексом был закреплен *принцип казначейского исполнения бюджета* с соблюдением требований единства кассы.

Таким образом, для федерального бюджета «кассиром», который производит и учитывает все платежи в процессе исполнения бюджета, стало Федеральное казначейство, прямо объявленное таковым в Бюджетном кодексе.

Уже во время завершения работы над Кодексом меня назначили руководителем Федерального казначейства и мне пришлось возглавить работу по реализации законодательных положений на практике. Скоро стало ясно, как все это не просто и что двигаться придется медленно, осторожно, но не отступая в концептуальных вопросах ни на шаг.

Прежде всего необходимо было создать и внедрить концепцию единого казначейского счета (она была утверждена Правительством Российской Федерации в 2000 году). То есть, другими словами, закрыть всем участникам бюджетного процесса отдельные банковские счета и перевести все потоки (и поступление, и выбытие) на единый счет Федерального казначейства. Все федеральные бюджетные организации обязаны отныне открывать свои лицевые счета только в казначействе с правом принятия обязательств, оплата которых осуществляется за счет средств федерального учреждения. Повторяю, любое бюджетное учреждение, в пределах доведенных до него прав, принимает сегодня обязательства (заключает соответствующие договоры и контракты), а после выполнения работ контрагентом по договору представляет платежное поручение в Федеральное казначейство. А оно в свою очередь, выполнив контрольную функцию, направленную на проверку факта возникновения у федерального бюджета обязанности к оплате, производит операцию по списанию средств с единого счета на банковский счет контрагента.

Всё! Деньги меняют собственника и из государственного сектора уходят в реальный сектор экономики.

Сложно и неоднозначно шел этот процесс, и, к сожалению, все еще остается ряд нерешенных вопросов, но принципиальное решение состоялось, что позволило ускорить доступ к ресурсам, необходимым для осуществления платежей, сократить сроки получения отчетности по всем операциям в процессе исполнения бюджета. Кроме того, внедрение данной системы позволило обеспечить соблюдение нормативов распределения доходов между уровнями бюджетной системы, и тот ужас, с которым мы столкнулись в 1998–1999 годах в части образовавшейся задолженности субъектов РФ перед федеральным бюджетом в размере 18 млрд. рублей, сейчас невозможен.

Хочу подчеркнуть: для нас в данном случае были важны не заявления о необходимости бороться с тем или иным негативным явлением в экономике, а поиск надежных инструментов, позволяющих решить поставленную задачу, учитывая, что товарная форма платежей и неденежные расчеты в российской экономике достигали в указанные годы 67 процентов. Причем такие формы расчетов доминировали не только между хозяйствующими субъектами, но и в процессе исполнения субъектами РФ налоговых обязательств перед региональными и местными бюджетами. Чем только не рассчитывались тогда налогоплательщики: углем, электроэнергией, сельхозпродукцией, колбасой, водкой и т.д. Помимо «странно» складывавшихся цен на эту продукцию в то время возникла ситуация, когда у налогоплательщика переплата налога в региональный бюджет (пусть и осуществленная в натуральной форме) всегда сопровождалась недоплатой в федеральный бюджет (поскольку на федеральном уровне было невозможно уплатить налог в виде поставки, например, винно-водочной продукции). Такая ситуация сложилась еще и потому, что в процессе распределения доходов по уровням бюджетов (по нормативам, установленным Бюджетным кодексом) учитывалась не совокупная сумма дохода от упла-

ты налога, поступившего на территории конкретного субъекта, а сумма налога, поступившего от конкретного налогоплательщика. При такой ситуации губернаторы всегда могли оказать давление на налогоплательщика и отдать, например, часть его продукции в счет уплаты налога в бюджет субъекта.

Мы решили изменить этот порядок и вывели налогоплательщика из бюджетных правоотношений по поводу распределения доходов по уровням бюджетов. Его дело — уплатить, а наше — подсчитать, сколько он уплатил, в том числе и в товарной форме; учесть эту информацию при определении общего объема того или иного дохода, поступившего на конкретной территории; определить, как этот доход должен распределяться между федеральным и региональным бюджетами, и то, что полагается субъекту, уменьшить на сумму, эквивалентную товарной поставке от налогоплательщика в пользу субъекта. А все «живые» деньги (как их тогда называли) зачислить на единый счет федерального бюджета. В результате буквально через несколько месяцев у губернаторов остались, грубо говоря, только водка и колбаса. Но ими ведь не выступишь заработную плату врачам и учителям, не выступишь многие другие обязательства бюджета. Заниматься перепродажей всего этого товара? Но цены... кто же его купит по завышенным ценам?! Естественно, поднялся шум, совещания, судебные разбирательства и т.д. Но мы выстояли и выиграли. Через год практика уплаты налога в неденежной форме была ликвидирована, а за ней последовало и общее улучшение платежной дисциплины между хозяйствующими субъектами.

Другой важный аспект в деятельности Федерального казначейства, на котором мне также хотелось бы остановиться, связан с особенностью самого закона о бюджете. Ведь закон, особенно в части расходов, устанавливает не какие-то необязательные к исполнению нормы, а вполне конкретные ограничения на осуществление тех или иных выплат.

Организовать эффективную систему контроля за исполнением законодательных положений постфактум невозможно —

всегда будет поздно. Поэтому казначейство стало контролировать соблюдение всеми участниками бюджетного процесса закона о бюджете на стадии, предшествующей платежу (предварительный контроль).

Раньше, когда бюджетные средства переводились на банковские счета бюджетных учреждений (например, на оплату труда), они могли быть потрачены на что угодно, поскольку банки не являются участниками бюджетного процесса и не обязаны контролировать, на что тратят деньги бюджетополучатели. Вот и получалось, что закон о бюджете жил своей жизнью, а бюджетополучатели – своей. При этом вполне допускаю, что бюджетные учреждения поступали разумно, и деньги, которые они получали на оплату труда, направлялись ими, скажем, на оплату коммунальных услуг. Только к закону о бюджете и к той политике, которая заложена в бюджете парламентом, это не имеет никакого отношения. Из-за отсутствия контроля за исполнением бюджета невозможно было установить, где существуют просчеты в бюджетной политике, а где нарушение закона допускалось неправомерными действиями самих государственных служащих.

И только когда Федеральное казначейство на стадии предварительного контроля стало отслеживать и санкционировать все платежи, не допуская при этом нецелевого использования бюджетных средств, стали очевидны в том числе и те пороки, которые заложены в самом бюджете. В связи с чем и начались острые дискуссии о необходимости бюджетной реформы, а именно о переходе на среднесрочный бюджет и создании иных организационно-правовых форм учреждений, оказывающих государственные услуги, об изменении бюджетной классификации и других направлениях бюджетной реформы, формализованных в Постановлении Правительства Российской Федерации № 249 от 22 мая 2004 года.

Иными словами, на практике был подтвержден уже давно известный факт, что любая норма может совершенствоваться, если есть инструмент, посредством которого можно обеспечить ее соблюдение. Если бы не было механизма, способного жестко

контролировать нормы бюджетного законодательства, то никто бы о них и не вспоминал, и о необходимости бюджетных реформ никто бы не говорил.

Сейчас я лично с удовлетворением не только наблюдаю, но и сама участвую в создании нового бюджетного законодательства. И сделано уже очень многое.

На первое место в тех решениях, которые приняты сегодня в рамках изменений бюджетного законодательства, я поставила бы впервые введенный у нас институт расходных обязательств.

Благодаря этому институту на смену длительным и безуспешным попыткам создания в масштабе всей страны системы минимальных государственных стандартов, предназначенных для установления нормативов финансовых затрат, необходимых для формирования расходной части всех бюджетов существующей системы, пришел принцип формирования расходов бюджетов, изложенный в статье 65 Бюджетного кодекса. Согласно этому принципу, формирование расходов бюджетов всех уровней осуществляется в соответствии с расходными обязательствами, обусловленными установленным законодательством Российской Федерации разграничением полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Чтобы проиллюстрировать реальную объективность этого решения, достаточно даже беглого анализа тех десятков тысяч судебных актов, которые, я уверена, поступали не только в адрес федерального правительства, но и субъектов, и муниципалитетов.

Тупиковость описываемой ситуации была связана даже не столько с объемами так называемых властных мандатов, сколько с полной неразберихой в вопросе: кто отвечает по тем или иным обязательствам? На этом фоне федеральный закон о федеральном бюджете принял абсолютно несвойственную ему функцию – приостановить те или иные положения законодательства, которые порождают обязательства на федеральном уровне. Неконституционность этой функции закона о федеральном бюджете была подтверждена, в частности, решением Конституционного суда по делу

Жмаковского, которое состоялось в 2004 году*.

Что сделано для выхода из сложившейся ситуации? Изменена концепция. Бюджет вторичен, обязательства первичны. Все обязательства связаны непосредственно с тем уровнем публичной власти, который их объявляет. Объем обязательств подлежит учету, и поэтому все они переводятся в денежную форму. Такой подход делает более ответственной социальную политику и при безусловном исполнении обязательств явно повышает доверие населения к власти.

Как бы сейчас ни критиковали правительство за просчеты, допущенные в монетизации льгот (на мой взгляд, отдельные просчеты можно и нужно исправлять), но с точки зрения стратегии это решение было неизбежным.

Наряду с нормативными правовыми актами, призванными упорядочить бюджетный процесс, в последнее время было принято также еще одно очень важное решение, оказывающее влияние на макроэкономическую ситуацию в стране. Это решение о создании Стабилизационного фонда. Смысл его заключается в создании устойчивости бюджетной системы, способной в случае падения цен на нефть обеспечить исполнение текущих и будущих обязательств.

Ситуация с большим профицитом бюджета, связанным с высокими ценами на нефть, типична для многих стран-экспортеров, а точнее — моноэкспортеров, причем не только нефтяных. СССР, как я уже говорила, пережил однажды такое «благоденствие», и мы знаем, чем оно закончилось.

Во всех странах-экспортерах всегда идут дискуссии вокруг «излишков» денег, как бы они ни назывались: Фонд будущих поколений, Нефтяной фонд Норвегии, Постоянный фонд Аляски, Общий резервный фонд и т.д. Но при этом в них всегда присутствует главная составляющая: возможность и объемы эмиссионного финансирования экономики. Деньги Стабилизационного фонда по своей природе не отличаются от

других и требуют обычного решения — напечатать их побольше и запустить в экономику. Но ведь под эту денежную массу в России не создано добавленного продукта. Именно в этой плоскости нужно вести дискуссию об использовании средств Стабилизационного фонда с открытым и откровенным ответом на вопрос о последствиях эмиссионной политики.

Все эти вопросы, на которых я остановилась, — построение бюджетной политики, создание инструментов для ее реализации, — требуют очень кропотливой работы практически по всем направлениям жизни общества.

Разумеется, не все сразу получается. Желание найти политические компромиссы иногда приводит к тому, что те или иные важнейшие решения откладываются. Поэтому главное, на мой взгляд, — достоверная картина происходящего. В отношении бюджета достоверная информация о его исполнении — самая важная составляющая всего процесса принятия решений о тех или иных изменениях в налоговой и бюджетной политике.

Можно еще многое рассказать о той реформе, которая проводится в сфере бюджетного учета, о реформе бюджетных учреждений. Но все это уже частности по сравнению с тем, о чем говорилось выше.

На мой взгляд, и это отмечается многими наблюдателями, одна из реально происшедших реформ в России как раз бюджетная реформа. Уверена, что даже если завтра нам не будут поступать доходы от нефти, созданные инструменты позволят продолжать оплату возникших обязательств. Этому будет способствовать многое, что уже сделано: и Стабилизационный фонд, и пересмотр обязательств, и создание единого счета Федерального казначейства. Система управления ликвидностью единого счета казначейства создает условия для эффективного управления финансами: заимствовать, когда денег не хватает, размещать их, когда средства свободны. То есть грамотно использовать созданные механизмы, развивать то, что достигнуто.

* В жалобе А.В. Жмаковского, уволенного с военной службы, оспаривалась конституционность положений федеральных законов о федеральном бюджете, которыми приостанавливается действие других федеральных законов.

*Михаил Кожокин,
первый вице-президент
Компании развития
общественных связей
(КРОС)*

СМИ и бизнес в России

Изучение средств массовой информации в современной России как самостоятельной отрасли бизнеса позволяет нам понять как особенности развития отечественных СМИ, так и одновременно их «включенность» в глобальные процессы, свойственные массмедиа во всем мире.

В 1991–1992 годах в России произошли кардинальные изменения. Во-первых, возникли рыночные отношения. Их нередко называют «искаженным рынком», «неразвитым рынком», «диким рынком», и многие из этих определений верны. Но суть от этого не меняется: в стране возникли и утвердились товарно-денежные отношения, несвойственные советскому периоду.

Во-вторых, началось формирование демократического устройства общества и государства. О его характеристиках могут долго спорить носители разных политических или идеологических воззрений, но факт остается фактом: и разделение властей, и возникновение СМИ как четвертого, относительно независимого института общества — все это произошло после 1991 года.

Чем были наполнены последующие годы? Содержание процессов в экономике и в государственном развитии после 1992 года определяется ключевым понятием — разгосударствление. Деньги, капитал можно было брать только из одного базового источника — у государства, ибо иных реальных источников капитала не существовало, что, к слову сказать, стало экономической основой беспрецедентного расцвета коррупции и воровства.

СМИ играли важнейшую роль одного из главных инструментов психологической ломки людей, убеждающего их в том, что возникновение частного капитала возможно и необходимо. Более того, сами СМИ пытались возглавить процесс разгосударствления, приватизации и, что примечательно, одновременно являлись его субъектом.

Первой массовой пиар-кампанией была кампания, пропагандирующая ваучерную приватизацию. На это совершенно официально целевым назначением направили часть денег Мирового банка, выделенных на приватизацию. Именно тогда в российские СМИ пошли первые массированные финансовые вливания. Журналисты обнаружили, что можно писать за приличные деньги, даже не очень-то поступаясь своей совестью, и их заработки начали расти буквально на глазах.

Одновременно в профессиональной среде произошел процесс разделения на журналистов и менеджеров-бизнесменов от СМИ. Как говорил Наполеон, каждый солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл. У нас же считается, что каждый журналист должен мечтать стать главным редактором. Во все нет, ведь главный редактор — это всегда или менеджер, или человек, сочетающий навыки и журналиста, и менеджера. Признание журналистского таланта — это популярность среди читателей или зрителей, признание таланта главного редактора или директора — это деньги, позиционирование СМИ, умение заставлять людей работать.

В начале 1990-х многие руководители газет поняли, что, помимо дополнительных заработков от пиар-кампании, идущий в стране процесс приватизации дает им возможность акционировать предприятия. Началось массовое акционирование газет, теле- и радиоконпаний. Некоторые из них реализовали модель, по которой контрольный пакет акций получил трудовой коллектив. К примеру, в газете «Известия» это привело в 1997 году к полному финансовому коллапсу и смене собственника. Был приглашен ЛУКОЙЛ, выкупивший 40-процентную долю акций, потом ОНЭКСИМ-банк, который выкупил контрольный пакет акций.

Другие СМИ взяли на вооружение иную модель, ярким примером которой является «Московский комсомолец». В частной собственности Павла Гусева, блестящего менеджера, организатора и главного редактора, оказались все акции трудового коллектива. Там появился единоличный владелец, и он показал себя как очень эффективный и успешный собственник.

Так средства массовой информации оказались и объектом, и субъектом экономических отношений.

На современном этапе мы видим, что СМИ — это нормальная отрасль предпринимательства, но, тем не менее, отличающаяся от всех остальных производственных видов деятельности. Отличие принципиальное: это бизнес, работающий с общественным сознанием, что предполагает совершенно иную структуру взаимоотношений как внутри самого этого бизнеса, так и его положение на рынке.

Если нарисовать систему функционирования СМИ во всем мире, то она может выглядеть как четырехугольник с разновеликими сторонами.

Одна сторона — интересы акционера, собственника. Они существуют во всех развитых странах, и ни одно, даже западное, издание не публикует критические материалы о своем собственнике. Исключений из правила нет — это закон рынка. Собственник — это сторона четырехугольника, которая очень часто является главенствующей.

Вторая сторона — интересы рекламодателей. Тех, кто приносит в СМИ деньги. Отчасти это относится и к потребителям информации, то есть к читателям, слушателям, зрителям.

Третья сторона — собственно интересы потребителя информации, аудитории конкретного СМИ.

Четвертая сторона — интересы творческого коллектива и/или главного редактора.

Правильно спроектированное соотношение этих четырех сторон и составляет основу успешности того или иного медийного проекта.

Примеров можно приводить очень много. Например, секрет успеха газеты «Ведомости» в Москве очень прост. Читатели и рекламодатели здесь совпадают — это по сути одна и та же прямая. Средний и крупный бизнес получает из газеты бизнес-информацию и сюда же приносит рекламу. Отличный бизнес-

проект! Треугольник всегда устойчивее, чем четырехугольник. В свое время точно по такой же модели развивался «Коммерсантъ».

В «Московском комсомольце» интересы акционера и главного редактора во многом совпадают. Павел Гусев — человек, который блестяще почувствовал и понял жизнь мегаполиса. А мегаполис, особенно такой, как Москва, купающийся в деньгах и имеющий избыточные финансовые ресурсы, нуждается в голосе. «Московский комсомолец» заговорил языком обитателей московских улиц. Этот проект тоже успешно развивается.

Таковы законы медиабизнеса, которые нам, журналистам, порой тяжело понять. И в этом пространстве особое место занимает проблема свободы слова. Существует ли свобода слова и чем она ограничивается? Вот соотношением величины сторон описанного четырехугольника и регулируется степень свободы слова каждого журналиста.

Говоря о свободе слова, нужно иметь в виду и такой фактор, как емкость нашего внутреннего рынка рекламы. Ведь основной источник дохода СМИ — это деньги рекламодателя. Количество СМИ, живущих за счет собственно продажи изданий, в России крайне мало, потому что система дистрибуции, особенно печатных СМИ, в стране тотально разрушена. В себестоимости газет и журналов стоимость доставки в два, а то и в три раза превышает редакционные расходы.

Емкость внутреннего рынка, динамика его развития всегда прогнозируема. Динамичнее всего в России развивается рынок рекламы в Интернете — он удваивается каждый год. Абсолютные цифры не так уж велики, но по темпам роста это действительно самый динамичный рынок. Следом идет телевидение, далее — радио и, наконец, печатные СМИ. Интернет — одно из самых ярких проявлений глобализации, затрагивающей медиасообщество. Это огромный медийный ресурс, и он будет развиваться. Широкое распространение Интернета неизбежно повлияет на характер и содержание газет, радио, телевидения, так же как появившееся в свое время телевидение принципиально изменило печатные СМИ.

Что касается печатных изданий, капитал, в том числе и западный, приходит в первую очередь в гляцевые журналы, где наиболее высока норма прибыли, а только затем уже в еженедельные и ежедневные газеты. Такова природа капитала: производством добавленной стоимости занимаются люди, которые прежде всего нацелены на получение доходов. Потом уже идет все остальное — понимание того, что нужно думать об обществе, о стране, о выстраивании общих законов и правил общежития.

Поэтому когда мы говорим о кризисе печатных СМИ, то имеем в виду скорее кризис качественной ежедневной прессы. Рекламодателю этот сегмент менее всего интересен, в том числе и по причине общей апатии в обществе, и в силу особенностей развития рынка в нашей стране.

Общероссийский рынок СМИ еще очень слабо развит, происходит его регионализация. Поэтому во многих случаях легче выживать региональным газетам — простеньким и дешевым. Кроме того, местным читателям подчас важнее знать, сколько стоит картошка в соседнем райцентре, чем федеральные новости. Пример несколько утрированный, но это реальность. И ее надо учитывать, четко определять позиционирование СМИ с учетом аудитории.

В чем преимущества и, напротив, уязвимые места региональной прессы? На региональные издания «наезжают» чаще, у них меньше возможностей «увер-

нуться», но степень тяжести «наезда» неизмеримо ниже, чем на федеральную печать.

На общероссийском уровне «цена ошибки» выше — это судьбы уже не десятков людей, а сотен и даже тысяч. Убедительный пример — холдинг Гусинского «Медиа-Мост». Хорошо продуманная компания, четкое позиционирование, работа на новое успешное сословие, возникшее в России. Но была допущена стратегическая ошибка в бизнес-планировании. Руководство холдинга сделало ставку на выход на Нью-Йоркскую фондовую биржу и предполагало осуществить это приблизительно весной 1999 года. Это позволило бы привлечь финансовые дешевые ресурсы и рассчитаться с теми государственными или полугосударственными кредитами (от Газпрома и Внешэкономбанка), которые были получены за политический лоббизм. Но в августе 1998-го наступил дефолт и Гусинский не успел выскокить из ловушки. Одна ошибка в бизнес-планировании мгновенно обнаружила изъяны и внутренние противоречия конструкции в целом. Нельзя брать кредиты у государства и при этом быть независимым от него! Вторая ошибка — неверная ставка на выборах. Государственная машина заработала в обратную сторону. «Наезд» оказался тяжелейшим и затронул судьбы многих талантливых журналистов.

С другой стороны, в Москве у журналиста, несогласного с позицией СМИ, есть свобода выбора. Его региональным коллегам куда как тяжелее. Хотя это зависит от конкретного субъекта Федерации. К примеру, на Алтае есть хороший устойчивый медийный бизнес-холдинг «Алтай-пресс». Много лет назад его руководители из идейных соображений начали издавать общественно-политическую газету. Потом поняли, что на этом можно построить бизнес, получили льготный кредит, смогли создать нормальную типографию, запустили линейку «желтых» изданий и в то же время сохранили качественную общественно-политическую газету. Только на седьмой-восьмой год существования она стала прибыльной. Но так грамотно поставить дело удастся далеко не всем.

В течение ближайших нескольких лет в России будет востребовано в лучшем случае одно общенациональное (распространяемое в большинстве субъектов Федерации) качественное печатное издание, вряд ли больше. Телевидение и Интернет будут давать более яркую картину событий, более оперативные комментарии и более детальную информацию.

Экономическая состоятельность тесно связана с четким определением ниши, в которой ты работаешь. При этом степень свободы любого издания коррелируется с его экономической состоятельностью.

Другим фактором, ограничивающим свободу слова, является возрастание роли государства, которое мы наблюдаем на протяжении последних лет. С момента начала приватизации его «руководящая и направляющая роль» осуществлялась через механизм коррумпирования журналистов. Президентские выборы 1996 года были одним из факторов формирования этой целостной системы, хотя тогда абсолютное большинство российских СМИ поддерживали Бориса Ельцина осознанно, а деньги были приятным, но не первым аргументом. Информационные войны 1997 года укрепили эту систему. Однако после президентских выборов 2000 года, когда пришел конец медиаимпериям Березовского и Гусинского, началось разрушение прежних принципов ее функционирования: роль манипулятора СМИ сейчас все активнее берет на себя государство — вместо частного бизнеса, что было характерно для эпохи Ельцина.

Роль государства в российской экономике всегда была гипертрофированной, на протяжении столетий: и в царские времена, и при большевиках, и даже в постсоветскую эпоху через госбюджет шло перераспределение абсолютного большинства финансовых потоков страны. Но до 2000 года чиновничество в силу ряда причин активной работой со средствами массовой информации не занималось.

Сегодня рычаги влияния, давления на СМИ огромны. Отлажены технологии «вбрасывания» огромных денег в те или иные СМИ. Государственная «заказуха» стала существенным элементом бюджета многих газет. На региональном уровне идет финансирование из местных бюджетов либо через дружеские коммерческие структуры. Являются ли эти проблемы характерными только для нашей страны?

Мы не оригинальны и в этом смысле ничем не отличаемся от очень многих государств мира. Особенно если сравнивать не с Швейцарией или со Швецией, а с Бразилией, Аргентиной, африканскими странами.

Хотя развитие наших средств массовой информации повторяет судьбу и некоторых европейских стран — к примеру, Италии начала 1970-х годов. Проблемы итальянских СМИ того времени очень похожи на наши: в большинстве своем они были «под бандитами», журналисты брали деньги и писали заказные статьи. Затем наступил период, когда крупный бизнес стал выкупать средства массовой информации. Итальянские СМИ, как и российские, были распределены между крупнейшими финансово-промышленными группами. Но там руководители ФПГ быстрее, чем наши олигархи, стали считать деньги. Они поменяли менеджмент и сказали: «Мы не будем вас дотировать. Вы должны приносить нам прибыль. И поэтому, пожалуйста, занимайтесь маркетингом, социологией и т.д.» Правда, это закончилось тем, что значительная часть медийных ресурсов оказалась в руках Берлускони.

Россия во многом является уникальной страной, но общие законы развития рыночных институтов работают и у нас. В этом и сложность, и интерес, и залог того, что мы можем нормально развиваться. Если рынок будет уничтожен (что вряд ли) или серьезно деформирован (что возможно), тогда развитие СМИ может идти по деформированному пути, что мы и наблюдаем на протяжении последних нескольких лет.

Конкуренция на медиарынке у нас существует и даже усиливается. Помимо обычной внутренней рыночной конкуренции, существует конкуренция с западными холдингами. Но есть и еще одна конкурентная сила, возникшая из-за искаженности нашего российского рынка: мы конкурируем с административным ресурсом, причем не только на региональном уровне. Существует такой элемент демпинга, как партийные газеты. Например, издания «Единой России», на которые тратятся огромные деньги, рассылаются по бесплатной подписке по всей стране.

Тем не менее российские журналисты делают огромную очистительную работу. СМИ — это прежде всего канал общения между обществом и государством. Власть или хочет слышать сигналы, идущие от общества, или блокирует эти каналы. Сейчас они активно цементируются. Власть старается получать только ту информацию, которая ей приятна. Но честная журналистика — один из элементов функционирования демократического общества — существует, и мы стараемся делать свою работу, сообразуясь с законами совести, а не только с законами рынка.

*Клас Эклунд,
ведущий экономист
Скандинавской ассоциации
банков (Швеция)*

Драматический треугольник. Некоторые тенденции развития современной мировой экономики

Предлагая читателю свои размышления о современной мировой экономике, я считаю важным сконцентрировать внимание прежде всего на драме, происходящей в треугольнике США – Европа – Китай.

Мировая экономика развивается достаточно быстрыми темпами. За три прошедших года превышены темпы роста экономики последних 35 лет. Основные локомотивы ее развития – США и Китай. Иногда говорят, что Китай можно воспринимать как маленькую экономику, так как это бедная страна. Действительно, ВВП Китая в наши дни примерно такой же, как у Франции, однако темпы развития этой азиатской державы опережают европейские во много раз. Таким образом, то, что происходит в Китае, а также в Индии, – это огромный прыжок, значимый для всей мировой экономики. Несколько десятилетий назад мировая экономика прирастала в среднем по одному проценту в год, а в Китае и в Индии, странах с населением более миллиарда человек в каждой, сегодняшний прирост ВВП составляет 10 процентов в год, причем в абсолютном выражении это в 100 раз больше, чем во время промышленной революции XVIII века.

Несмотря на это в мире сегодня очень низкий уровень инфляции. В целом с точки зрения глобальной экономики за последние 40 лет на Западе не было такой низкой инфляции, как сейчас, и к тому же это сочетается с низкими процентными ставками, что для меня, например, как для банкира, важно. Таким образом, на первый взгляд, мировая экономика выглядит очень здоровой.

Однако проблема, тем не менее, существует. Низкая инфляция, низкие процентные ставки означают, что в современном мире огромное количество денег, огромный поток ликвидных активов, которые перетекают с одного рынка на другой. И оттого там и тут возникают разного рода «мыльные пузыри», происходят фондовые скандалы, скачки на финансовых рынках и т.п. Иными словами, когда мы наблюдаем явный отток капитала в Азию, приходится говорить о неравновесности мировой экономики.

Это общий обзор того, о чем я буду говорить дальше.

Чем был вызван быстрый рост? Если вы сложите Россию, Китай, бывшие страны социалистического блока, Индию, которая тоже была отчасти плановой экономикой, и Вьетнам, то обнаружите, что фактически в мировую экономику вошло более двух миллиардов человек, что, разумеется, не могло не сказаться в том числе и на общемировой системе оплаты труда. Сегодня, после выхода названных стран на международную арену, «старые» державы должны прилагать намного больше усилий, чтобы быть успешными в конкурентной борьбе.

За последние 10 лет мы наблюдали фантастические успехи в области информационных технологий, телекоммуникаций, их удешевления. Это, в частности, означает, что люди могут быть сотрудниками одной компании, живя на разных континентах. Каждая компания сегодня имеет доступ к новейшим технологиям и тем самым получает возможность производить более дешевые продукты. Еще один момент — дерегулирование экономики, начавшееся с реформ Тэтчер в Великобритании и Рейгана в США и сопровождающееся появлением новых профессий, предприятий, финансовых рынков. И наконец, следует упомянуть более стабильную по сравнению с 1960-ми — 1970-ми годами макросреду с независимыми центральными банками, то есть правительственным финансированием.

Все вместе это создает общую благоприятную среду для развития, рождает прорывы в технологиях, а следовательно, и более высокую производительность труда. Таковы основные причины быстрого роста мировой экономики.

Вместе с тем, несмотря на рост, в западных странах наблюдается, как я уже сказал, низкая инфляция. Что, замечу, противоречит исторической экономической практике и отнюдь не всегда является благом, как может показаться на первый взгляд. Когда инфляция стремится к нулю, как в Швеции, Англии, Франции, то исключительно низкие процентные ставки заставляют финан-

совые рынки перемещаться в те области, где доходность сравнительно высокая. А погоня за высокими доходами, естественно, порождает постоянный переток капиталов из одной страны в другую, что в конце концов и приводит к созданию «мыльных пузырей», как мы наблюдаем это, например, в США.

Может показаться странным, что именно банкир критикует эти нервные и напряженные финансовые рынки, ведь для нас здесь открываются источники дохода. Однако в целом это вряд ли можно назвать благоприятной тенденцией для развития мировой экономики. В Европе, например, введение единой валюты, несомненно, было обусловлено необходимостью сохранения капиталов.

Теперь о каждом из названных выше регионов — США, Европе и Азии.

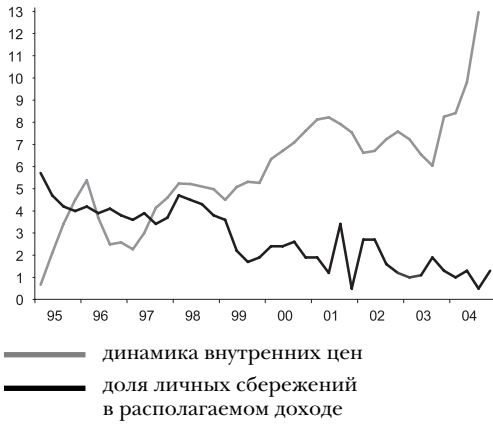
Начнем с США, поскольку именно эта страна первой начала двигаться к дерегулированному рынку. Как известно, в 1970-х годах в Штатах случилась стагнация, или стагфляция, как ее еще называют, сопровождавшаяся высоким уровнем инфляции. Рональд Рейган взял курс на дерегулирование экономики, снизил налоги, и это создало импульс для развития, поддержанного революцией в информационных технологиях, в которой США выступали как авангард благодаря высокому профессионализму кадров и капиталам. Речь прежде всего идет, конечно, о производстве.

Возьмем для примера сельскохозяйственную компанию *Wholmart*. Почему эта компания столь успешна? Потому что она исключительно эффективно использует возможности глобализации и очень удачную систему логистики, что также связано с информационными технологиями.

Кроме этого, в США достаточно высокий уровень роста численности населения, что в принципе может быть основой прироста американской экономики в течение ближайшего времени на 3–4 процента в год. Однако в США есть и большая проблема, а именно низкий уровень личных сбережений населения. Фактически в США живут в счет будущего, как бы занимая деньги у следующих поколений (график 1).

График 1

**ВНУТРЕННИЕ ЦЕНЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ
В США В 1995–2004 гг. (в %)**

Если вы сравните США с Европой, то за последние 15 лет США росли в экономических категориях быстрее, за исключением одного года, когда Европа обогнала Штаты. Это был, кстати, год террористических атак на США. ВВП на душу населения за последние 30 лет в Европе ниже, чем в США. В 1970-х годах все верили, что европейцам удастся сократить дистанцию, однако этого не произошло. Почему?

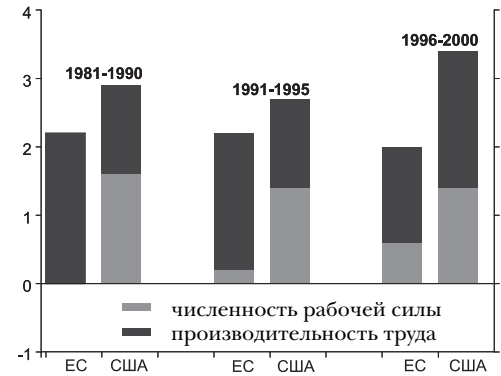
Потому что несмотря на общий рынок в Европе он все еще небольшой в сравнении с США и все еще фрагментирован. Преодолению этого мешает множество препятствий, в том числе культурных (например, наличие разных языков), но обусловленных также и высокой регулируемостью рынков, политикой в этой сфере. Самый наглядный пример — сельское хозяйство. Европейские страны создают между собой различные барьеры протекционистского характера, они не дерегулируют сельскохозяйственный рынок. Рынок трудовых ресурсов здесь также гораздо более жесткий, чем американский. В Европе не реагируют столь же оперативно, как в Америке, на различные рыночные изменения. Ежегодный рост ВВП в европейской экономике составляет 1,5–2 процента при стареющем населении.

Еще одна причина: европейцы, если это возможно, предпочитают не работать. 30 лет назад они работали столько же, сколько и

американцы, — приблизительно 1900 часов в год, а сейчас — 1500 часов. В Америке же ничего не изменилось. Пассивность европейцев имеет свои причины — высокие налоги на доходы населения и высокие выплаты тем, кто не работает. То есть нас как бы побуждают работать меньше, что, естественно, тоже отражается на экономическом росте. Таким образом, помимо прочих факторов, лидерство США обусловлено как продолжительностью рабочего дня, так и более высокой производительностью труда по сравнению с Европой (график 2).

График 2

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СТРАНАХ
ЕС И В США В СРЕДНЕМ ЗА ГОД (в %)**

Источник: Министерство финансов Великобритании

Еще один фактор — заработная плата. Рабочая сила в странах Европы стоит дорого. Поэтому на европейский рынок будет оказываться очень сильное давление, чтобы он стал менее регулируемым и более гибким, отвечая на вызовы со стороны США, Восточной Европы и Китая.

Что можно сделать? Все экономисты сейчас говорят одно и то же: нужно, прежде всего, лучше финансировать систему образования и развивать исследовательские работы. Из десяти крупнейших университетов в мире восемь — американские. Надо добавить различные научно-исследовательские и образовательные центры. В США сильная конкуренция между частными структурами за профессоров, за таланты, вызревающие в этих университетах. В Ев-

ропе же в основном все оплачивается государственными структурами, поэтому конкуренция практически отсутствует, во всяком случае она недостаточно жесткая.

Серьезная проблема — взаимосвязь налогов и социальных программ, формирование оптимальных пропорций в этой сфере. В России часто говорят о государстве шведского типа и что вам хотелось бы реализовать шведскую «экономическую модель». Если вы одновременно хотите иметь еще и шведские налоги, тогда я вас пойму. Иначе это не сработает. Если «средний швед» получает повышение зарплаты на 100 крон, то 65 крон из них должен отдать в виде налогов государству. Многие экономисты знают, что высокие налоги препятствуют гибкости и росту экономики.

Еще одна проблема — либерализация иммиграции. Чтобы заботиться о престарелых, строить больницы, дороги и т.д., Европе требуется больше рабочих рук. А это значит, что и в этой сфере нам необходима некая комплексная реформа, нацеленная на создание более гибкого рынка труда. То есть нужно как можно больше работающих и платящих налоги людей.

Что происходит с этим перечнем проблем? В политической сфере практически ничего. Бывший канцлер Германии, например, пытался реформировать рынок труда, но его усилия оказались тщетными. В Европе постоянно возникают политические кризисы. Та стратегия, которая должна была привести к изменениям, реализуется непоследовательно: пакт о стабильности лежит в руинах (из-за недоверия малых стран к большим), «Лиссабонский процесс» застопорился, Конституция ЕС не принята, планы по защите собственных трудовых ресурсов на какое-то время заморожены. В общем, пока не понятно, в каком направлении Европа движется, по крайней мере в краткосрочной перспективе, особенно когда меньшинство входящих в ЕС стран может препятствовать процессу его модернизации, например блокировать членство Турции в Евросоюзе. Не говоря уже о падении доверия к евро как ва-

люте и продолжающейся бюджетной войне стран ЕС в связи с устаревшей политикой в области сельского хозяйства.

Итак, почему Европа не может стать достаточно крупной силой на мировой арене и в

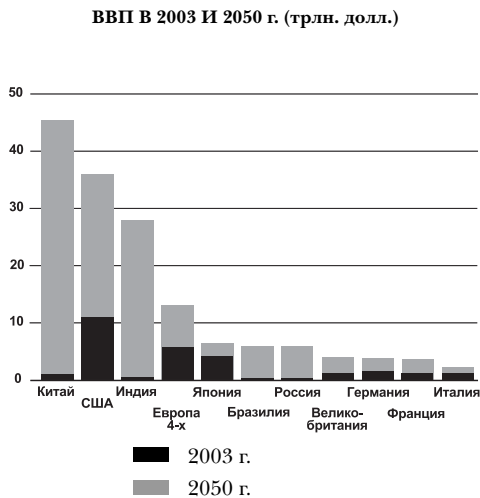
Серьезная проблема – взаимосвязь налогов и социальных программ, формирование оптимальных пропорций в этой сфере

настоящее время центр тяжести смещается в Азию? Есть две причины. Во-первых, демографическая ситуация. Во многих европейских странах коренное население не только стареет, но и сокращается. Становится все меньше немцев, итальянцев, сейчас их меньше, чем 30 лет назад. Во-вторых, сказывается недостаток политической воли. Мы видим это по результатам референдумов и политике отдельных национальных государств, которые предпочитают оттаивать лицом к лицу со своими внутренними проблемами, не заглядывая в будущее. Нужна коллективная солидарность, но она отсутствует. Почему нет единства в Европе? Не знаю. Может быть, действительно существует некий «синдром Брюсселя» как результат того, что нам слишком быстро навязали систему Евросоюза и люди к ней просто не адаптировались.

Третья часть глобального треугольника — Азия, где локомотивом является Китай. Там совершенно иная картина. Экономический рост в этой стране в течение нескольких лет составлял 7–8 процентов в год, а сегодня он достигает 10 процентов. Имеется целый ряд структурных причин для того, чтобы ситуация развивалась в том же направлении. Перечислю основные: приток прямых иностранных инвестиций, высокий уровень личных сбережений (каждый китаец пытается накапливать средства, тогда как в Америке никто этим не озабочен), дешевая рабочая сила, быстрый рост располагаемого дохода, вступление в ВТО, развитие образования и «приток мозгов». Предполагается, что 400 млн. китайских крестьян переедут в

ближайшие годы из деревень в город, что повлечет за собой всплеск образования, и в результате Китай будет выдвигаться на позицию образованных стран. Начались банковская и валютная реформы, будут открываться границы. Быстрый рост производительности труда вызовет серьезные изменения в экономике, в социальной сфере, в международных отношениях. Поэтому неудивительно, что уже сейчас большое число европейских предприятий производит свои товары в Китае. Все это, конечно, меняет мировой экономический баланс (график 3).

График 3

Если все хорошо посчитать и принять во внимание, что в Китае, а также в Индии уровень цен и издержки производства гораздо ниже, чем в Европе, то неизбежно встает вопрос: что будет дальше? Экономисты считают, что через 40 лет китайская экономика станет самой крупной, на втором месте будут США, рядом – Индия, а все остальные окажутся намного позади. И при этом они уверены, что такие страны, как Китай, Индия, Бразилия и Россия, займут более высокое геополитическое положение*. Экономическая мощь России будет увеличиваться, потому что она является

уникальным поставщиком энергоресурсов. Такова долгосрочная преспектива: рост США, сравнительно быстрый рост Японии и медленное развитие, если не стагнация, Европы. Остановлюсь на дисбалансе между Азией и Америкой, поскольку именно об этом идут серьезные дискуссии.

Посмотрим на платежный баланс Америки. В последние десять лет его дефицит постоянно увеличивался. Сегодня он составляет около 6 процентов от ВВП. Но при этом американцы не занимаются сбережением средств, прибегая к их заимствованию. За счет чего происходит финансирование экономики? На графике 4 мы видим приток прямых иностранных инвестиций (третья кривая линия). Какое-то время здесь наблюдалась позитивная тенденция, то есть иностранцы вкладывали средства в экономику Америки, но с 2001 года эти инвестиции снижаются и даже начал происходить их отток из страны.

График 4

Самый серьезный вопрос – это приобретение американских ценных бумаг. Японцы, тайцы, корейцы, китайцы, центральные банки этих стран покупают ценные государственные бумаги США, чтобы поддержи-

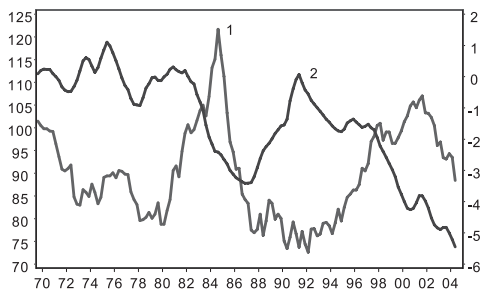
* См., в частности: Сергей Васильев. Геополитическое и геоэкономическое положение России в середине XXI века. // Общая тетрадь. – М., 2005, № 2 (33). – С. 25–36.

вать стабильность собственных валют. И, конечно, это приносит положительные результаты. Но невозможно поверить в то, что это будет продолжаться, потому что если будет падать американский доллар, то упадет и стоимость этих ценных бумаг. А падать он должен.

График 5 отражает американский платежный дефицит на протяжении 35 лет на фоне колебания курса доллара. Здесь также обнаруживается очевидная связь между курсом доллара и дефицитом. Прежде чем уменьшится дефицит, доллар должен существенно упасть, и в последние годы, как мы видим, он падал, но не столь значительно. Ему еще падать и падать, чтобы кривая, отражающая состояние платежного баланса, пошла вверх. То есть вывод такой: несмотря на то что динамика экономического развития США имеет определенную закономерность, либо должен произойти какой-то кризис, либо доллар должен резко упасть, ничего иного не предвидится.

График 5

**ДИНАМИКА ВАЛЮТНОГО КУРСА
И ПОСТОЯННОГО БАЛАНСА США**

1 — взвешенный по торговле валютный курс (левая ось) в %

2 — текущий платежный баланс (правая ось) в % от ВВП

Почему это нервирует очень многих людей? Потому что преодоление дисбалансов может быть связано с принудительными действиями США. Пытаясь защитить себя, они поднимают тарифы, например, на китайский уголь и прочее. То есть торговый дефицит США ведет к политическим требованиям протекционизма. То же самое от-

носится к Европе, потому что там большая безработица и вместе с тем существует опасность выведения производства за пределы региона. Не говоря уже о политическом кризисе. Все это может в конце концов иметь отрицательные последствия.

Что нужно предпринять, чтобы решить все эти проблемы? В идеальном случае всем трем регионам нужно менять свою экономическую политику, причем скоординированно. Америка, в частности, должна ужесточить свою тарифную политику, чтобы уменьшить импорт и позволить доллару упасть ниже. Европе следует больше заниматься структурными реформами и больше импортировать. Что касается Азии, то здесь напрашивается переоценка и изменение стратегии роста: азиатским странам необходимо ревальвировать свои валюты, чтобы увеличить экспорт. Все экономисты об этом знают, и все центральные банки хорошо представляют, как это делать. Об этом написаны тома, но тем не менее успехов пока немного — в связи с политическими тенденциями.

Однако есть все же и признаки положительных процессов. В Китае, например, началась валютная реформа, и мне кажется, что довольно скоро эта страна придет к более гибкому обменному курсу, который хорошо скажется на мировом валютном рынке. Но это только первый нерешительный шаг, хотя и в правильном направлении, на пути всеобъемлющей реформы. В США федеральный банк постепенно движется к более высоким учетным ставкам, что даст возможность уменьшить импорт и поправить все остальное. В целом в мире происходят сейчас и другие изменения, дающие некоторые надежды на лучшее будущее, но при сохраняющихся одновременно факторах риска, поскольку многое зависит от того, снизятся ли внутренние цены, упадет ли доллар, следует ли ожидать резкого скачка процентных ставок, вырастет ли протекционизм, ожидает ли Европу застой?

Предложенное мною подобие диагноза и прогноза, позволяющее, как полет на вертолете, обозреть поле мировой экономики, разумеется, не претендует на точный прогноз в деталях.

Концепция модернизации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС и заключения Соглашения о продвинутом партнерстве, учреждающем ассоциацию

Авторский коллектив:

руководитель проекта д.п.н. Арбатова Н.К. (Комитет «Россия в объединенной Европе»),

д.э.н. Борко Ю.А. (Ассоциация европейских исследований),

д.ю.н. Кашкин С.Ю.,

к.ю.н. Калинин П.А. (Международный центр партнерства и развития Россия–ЕС),

д.ю.н. Энтин М.Л. (Фонд европейского права)

«Проблема-2007»

30 ноября 2007 г. завершается срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, подписанного 24 июня 1994 г. и вступившего в силу 1 декабря 1997 г. Соглашение было заключено сроком на 10 лет с возможной последующей ежегодной автоматической пролонгацией, если ни одна из сторон не будет заявлять о его денонсации. Соответственно первоначальный срок действия СПС истекает в 2007 году. В связи с этим партнерам предстоит ответить на следующий вопрос: на какой правовой базе будут развиваться их отношения после 2007 года?

Вплоть до недавнего времени как в Брюсселе, так и в Москве считалось само собой разумеющимся, что действие СПС будет автоматически продлеваться из года в год, как это предусмотрено статьей 106 СПС. В 2003 г. в Москве, а затем в Брюсселе и в ряде столиц государств-членов началось обсуждение альтернативного варианта – подготовки и подписания нового долгосрочного соглашения сразу же или вскоре после окончания срока действия СПС. В апреле 2005 г. этот вариант впервые стал предметом обмена мнениями между президентом В.В. Путиным и председателем Европейской комиссии Ж.М. Баррозу, прибывшим с рабочим визитом в Россию.

СПС, несомненно, сыграло важнейшую роль в развитии взаимоотношений между Европейским союзом и Россией:

- положило начало повороту к качественно новым отношениям между недавними противниками в холодной войне – к отношениям партнерства и сотрудничества;
- создало политико-правовую базу этих отношений, определило их принципы и цели, основные области конструктивного взаимодействия, учредило институты сотрудничества;
- за годы действия СПС Стороны прошли немалый путь от учредительного документа и первых политических деклараций к реальному сотрудничеству в

различных областях экономики, политики и культуры, накопили большой практический опыт совместной работы, заметно подняли планку взаимопонимания и взаимного доверия;

– логическим следствием этого прогресса, достигнутого на основе СПС, стало согласие Сторон придать своим отношениям характер стратегического партнерства.

Вместе с тем уже сейчас, за два с лишним года до завершения срока своего действия, СПС не отражает в полной мере ни тех существенных изменений, которые произошли в России, в ЕС и в мире, ни опыта, достигнутых результатов и новых задач их сотрудничества.

Ныне, через 11 лет после подписания СПС:

- ◆ в России созданы основы рыночной экономики и политической демократии; страна вступила в период экономического роста, продвижения к социальной и политической стабилизации. Кроме того, к 2007 г. Россия, скорее всего, вступит в ВТО;
- ◆ в рамках ЕС построен экономический и валютный союз, введена единая валюта – евро, число его членов увеличилось с 15 до 25, созданы механизмы общей внешней политики и общей политики безопасности и обороны. В 2007 г. завершится уже вторая волна современного расширения Союза (присоединятся Болгария и Румыния), и, вполне вероятно, к середине 2007 г. вступит в силу или будет близка к окончанию ратификации Европейская конституция;
- ◆ человечество убедилось в том, что холодная война сменилась не согласием и миром между народами, а новой волной насилия, принявшего формы региональных войн, межэтнических конфликтов, международного терроризма, транснациональной преступности;
- ◆ отношения партнерства и сотрудничества между ЕС и Россией стали повседневной практикой. Более того, их совместная инициатива – создать в будущем четыре общих пространства – выводит отношения между партнерами на качественно новый уровень. Такое состояние отношений правильно было бы характеризовать как «стратегическое партнерство», «тесное партнерство» или «продвинутое партнерство» (*cohesion partnership* – *англ.*). Вместе с тем такое партнерство требует адекватного оформления не в виде политических договоренностей, каковыми являются – при всей их авторитетности – Совместные заявления саммитов Россия – ЕС, а в полноценном юридически обязательном для Сторон договоре.

Различными политическими силами и в России, и в ЕС «проблема-2007» воспринимается по-разному. Одни вполне удовлетворены состоянием отношений между Россией и ЕС и не желают что-либо менять в СПС. Другие, напротив, исходят из того, что новые вызовы требуют и новых подходов и откладывать поиски решения «проблемы-2007» «на потом» было бы близоруко. Со временем она лишь приобретет еще большую остроту. Важно не допустить, чтобы порождаемые ею разногласия стали детонатором очередного кризиса в отношениях между Россией и ЕС.

Руководствуясь этими соображениями, Комитет «Россия в объединенной Европе» призывает общественность России и стран ЕС незамедлительно приступить к публичным дебатам по «проблеме-2007» и выносит на открытое обсуждение свое видение концептуальных основ ее возможного решения. Авторы данного документа предлагают свой вариант решения.

Варианты решения «проблемы-2007»

Относительно дальнейшей судьбы СПС возможны три варианта договорного оформления отношений между ЕС и Россией после 2007 года:

1. Продление действия СПС, как это предусмотрено статьей 106 данного Соглашения, вплоть до того времени, когда Стороны сочтут целесообразным заменить его новым соглашением.

2. Внесение в существующий текст Соглашения изменений и дополнений, учитывающих современный уровень «продвинутого сотрудничества» и реальные перспективы развития отношений на 10–15 лет вплоть до создания ассоциации.

3. Подготовка нового соглашения, которое полностью заменит СПС, как только оно будет подписано и ратифицировано Россией, Европейским союзом и его государствами-членами.

Конечно же, если не подвергать СПС изменениям, сохранится прежняя формула взаимоотношений «партнерство и сотрудничество». Действующее Соглашение до конца свой потенциал еще не реализовало и вполне применимо на ближайшие пять лет. Тем более что сейчас до конца не ясно, готовы ли партнеры подписать широкомасштабное, амбициозное соглашение, предусматривающее более ответственные и широкие взаимные обязательства из-за глубоких разногласий по ряду важных вопросов их внутренней и внешней политики и все еще существующего дефицита взаимного доверия.

С юридической точки зрения, если СПС сохранит свое действие в первоначальном виде, а современные отношения станут строиться на параллельно существующих соглашениях, то по истечении незначительного периода его положения могут стать просто ФУС (фактически утратившими силу), а реальные отношения будут развиваться на базе нескольких связанных между собой актов. Тем не менее, исходя из курса на развитие стратегического, продвинутого партнерства, соответствующего долгосрочным и жизненно важным интересам Сторон, а также из того, что практически все разделы и большинство статей СПС нуждаются в коренной переработке, авторы данной концепции убеждены в том, что более целесообразными и перспективными являются варианты 2 и 3. Ассоциация может и должна стать логическим итогом развития современных отношений РФ и ЕС.

Сегодня бытует ошибочное мнение, будто главное различие между партнерством и ассоциацией заключается в том, что ассоциация предусматривает в качестве конечной цели членство в Европейском союзе. Не исключая в конечном итоге в отдаленной перспективе и такое развитие отношений России и ЕС, необходимо указать, что данное утверждение является ложным. Известны три типа соглашений об ассоциации, которые имеют разные названия и содержание: Европейское соглашение (для стран Центральной и Восточной Европы), Соглашение об ассоциации и стабилизации (для Западных Балкан), Европейско-Средиземноморское соглашение (для стран Южного Средиземноморья). В первой статье каждого из этих документов говорится, что «настоящее соглашение устанавливает ассоциацию» с ЕС. В Европейских соглашениях о перспективе членства в ЕС говорилось и в преамбулах, и в первых статьях. В первых статьях Соглашений об ассоциации и стабилизации с Македонией и Хорватией ничего не сказано об их возможном вхождении в ЕС, но в преамбулах они все же названы потенциальными кандидатами. Что касается Соглашений об ассоциации со средиземноморскими странами, то перспектива их членства в ЕС не рассматривается.

Самым главным отличием СПС от соглашений об ассоциации является отсутствие в СПС положений о либерализации движения товаров, лиц, услуг и капиталов между Сторонами. СПС в большинстве случаев предлагает вместо этого режим наиболее благоприятствуемой нации.

Несмотря на то что СПС упоминает, в качестве конечной цели партнерства, о создании зоны свободной торговли, положений о практических шагах в этом направлении СПС не содержит. Ассоциация же зиждется на зоне свободной торговли. Соглашения об ассоциации предусматривают, в своем большинстве, план-график постепенного (10–12 лет) снижения таможенных пошлин и эквивалентных сборов вплоть до их полного устранения, отмену количественных ограничений на импорт и экспорт и равнозначных мер, а также запрет дискриминационного налогообложения в зависимости от места происхождения товаров. Отсутствие подобных положений в СПС создает значительные трудности для полной реализации целей этого Соглашения.

Теоретически заключение нового договора между Россией и ЕС – Соглашения об ассоциации (*вариант 3*) – являлось бы наилучшим сценарием, но практически он не реалистичен в силу ряда причин. На сегодняшний день существует также множество политических факторов, негативно влияющих на процесс продвижения России и ЕС к созданию зоны свободной торговли и, соответственно, установлению ассоциации между ними.

Со стороны ЕС звучит критическая оценка многих аспектов внутренней и внешней политики Президента и Правительства РФ. В Европе упрекают российское руководство в прямом отступлении от ценностей и принципов, положенных в основу партнерства и сотрудничества между РФ и ЕС. Серьезные разногласия существуют по ряду вопросов принципиального характера, особенно таких как пути развития и институциональные формы демократии, защита прав человека, борьба с терроризмом. В Европе все еще сохраняется высокий уровень недоверия к российской политической элите и сомнение в окончательном европейском выборе России.

В России обеспокоены наметившимся структурным кризисом в самом Европейском союзе, трудностями адаптации новых государств-членов к условиям единого внутреннего рынка и действующим нормам законодательства ЕС, плохой демографической ситуацией в ЕС, провальной иммиграционной политикой государств-членов, ростом национализма и радикализма в Европе. Серьезные разногласия между государствами-членами существуют в области внешней политики вообще, и в подходах к отношениям с Россией в частности. Такое положение вещей в свою очередь подрывает доверие к европейским структурам со стороны российского руководства. Наблюдается взаимное недовольство Сторон политикой друг друга в отношении стран СНГ. Обе Стороны сохраняют низкую оценку эффективности бюрократического аппарата друг друга. У России сложились непростые отношения с новыми государствами-членами, входящими в так называемое балтийское ядро Евросоюза.

В таких условиях ратификация нового соглашения между Россией и ЕС при отказе от пролонгации СПС не имеет шансов, прежде всего, по политическим причинам. Существуют и другие объективные препятствия для отказа от пролонгации СПС:

- опасность временного правового вакуума, который неизбежно затронет интересы и отдельных российских граждан, и РФ в целом;
- разрушение цепочки торговых соглашений, связанных с СПС (соглашения по текстилю и стали);

— опасность слома или, по меньшей мере, серьезного нарушения всей только-только сложившейся практики применения Соглашения.

В первую очередь имеется в виду прецедент Европейского суда по «делу Симутенкова», предоставивший российским гражданам, работающим в государствах — членах ЕС, право напрямую ссылаться на ст. 23 СПС в национальных судах государств-членов в целях защиты своих трудовых прав от дискриминации по признаку гражданства. Значение этого прецедента состоит в том, что впервые европейские институты повернулись лицом не к политическим институтам российской власти, а к обычным гражданам России.

*«Продвинутое партнерство»
требует адекватного оформления
в полноценном юридически обязательном
для Сторон договоре*

Конечно, можно аналогичные положения предусмотреть и в новом соглашении, которое заменит СПС. Но тогда суду нужно будет снова подтвердить прямое действие этих положений. Это займет какое-то время, на период которого российские граждане вновь окажутся бесправными.

Возвращаясь к «проблеме-2007», хочется отметить, что с юридической точки зрения наиболее оптимален второй вариант решения — не полная замена Соглашения, а внесение изменений и дополнений в СПС. Заключение такого Соглашения разумно также и потому, что действующее СПС вполне пригодно к адаптации к новым реалиям европейской жизни.

По мнению чиновников из Минэкономразвития РФ, Россия готова и может приступить к переговорам о создании зоны свободной торговли с ЕС сразу же после вступления в ВТО. При этом хорошо продуманное и правильное поступательное создание такой зоны свободной торговли ни в коем случае не будет идти вразрез экономическим и торговым интересам России, а, наоборот, будет соответствовать им.

То, что современные положения СПС можно и нужно реформировать и развивать, видно даже без учета «проблемы-2007».

Вместе с тем необходимо категорически отвергнуть идею заключения вместо СПС нового Соглашения о сотрудничестве, наподобие соглашений, заключаемых ЕС с латиноамериканскими странами, государствами Центральной Африки и Океании. Это более низкий уровень сотрудничества, нежели даже «партнерство и сотрудничество», по существу равнозначный откату во взаимоотношениях между ЕС и РФ на уровень конца 1980 годов.

**Что должно предусмотреть
Соглашение об изменении и дополнении СПС?**

1. Преамбула должна содержать четкую формулировку о том, что Россия является развитой страной, в которой заложены основы рыночной экономики и политической демократии. В преамбуле необходимо отразить также высокий уровень современного партнерства, построение четырех пространств, вступление России в ВТО, упомянуть о новых угрозах и, в первую очередь, о борьбе с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения.
2. Конечной целью обновленного Соглашения является построение ассоци-

ации. Такая ассоциация должна базироваться на концепции продвинутого партнерства, основой которого, в свою очередь, являются четыре общих пространства. Авторы данной концепции исходят из следующих представлений об этих пространствах.

Общее европейское экономическое пространство предполагает:

- свободное движение товаров, услуг, людей и капиталов;
- наличие единых правил и норм, обеспечивающих осуществление указанных четырех свобод и равенство условий конкуренции;
- гармонизацию законодательства и тесную кооперацию в других областях экономической и социальной политики в той мере, в какой это необходимо для функционирования общего экономического пространства.

Общее пространство свободы, безопасности и правосудия предполагает:

- свободу движения, проживания и занятий, включая профессиональную деятельность граждан государств – членов ЕС и России в пределах этого пространства на тех же условиях, какие предоставлены гражданам данного государства, включая их трудовые и социальные права;
- равное обеспечение личной безопасности граждан государств – членов ЕС и России, где бы они ни проживали в пределах данного пространства;
- сближение законодательства и практики осуществления правосудия в России и в ЕС, а также тесное и постоянное сотрудничество органов правосудия, в том числе в борьбе с трансграничной организованной преступностью.

Общее пространство внешней безопасности означает:

- регулярный диалог по всем вопросам международных отношений, внешней политики и безопасности – в первую очередь безопасности в Европе и в прилегающих к ней регионах, – осуществляемый в рамках постоянно действующих механизмов;
- совместные позиции и совместные акции в области внешней политики и безопасности, если и когда Россия и ЕС сочтут это целесообразным или необходимым;
- теснейшее сотрудничество в предупреждении и противодействии международному терроризму;
- сотрудничество в военной области, в том числе с целью проведения совместных миротворческих, спасательных или гуманитарных операций.

Общее пространство научных исследований, образования и культуры подразумевает:

- тесное и систематическое сотрудничество в отраслях фундаментальной и прикладной науки на основе совместных многолетних рамочных программ и совместного финансирования, а также гармонизированного законодательства, гарантирующего, в частности, право интеллектуальной собственности;
- формирование общеевропейского образовательного пространства на основе Болонского процесса, включая сближение систем образования, широкий обмен преподавателями, студентами и аспирантами, взаимное признание дипломов о высшем образовании;
- создание максимально благоприятных условий для развития культурного обмена, взаимного ознакомления с культурой европейских народов, формирования в широких слоях населения сознания общности европейской культуры при всем ее национальном многообразии.

3. Название СПС изменить, например, на «Соглашение о продвинутом партнерстве, учреждающем ассоциацию».
4. Раздел I «Общие принципы» преобразовать в раздел «Общие принципы и цели», включив в него нынешнюю статью I и дополнив его рядом положений

ний с учетом накопленного опыта и новых задач «продвинутого партнерства».

5. Раздел II «Политический диалог» необходимо дополнить статьей, в которой определяется дополнительное содержание такого диалога, включающего «развитие новых форм сотрудничества в целях решения общих задач и противостояния новым угрозам, в частности проблем обеспечения мира и безопасности, борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью, а также поддержку демократии и прав человека». По сути, новая статья юридически фиксирует и закрепляет современный уровень политического диалога Сторон.
6. Структуру СПС следует изменить: после раздела о политическом диалоге, который надо преобразовать в раздел о политическом диалоге и сотрудничестве, следует поместить четыре раздела, посвященных построению каждого общего пространства России и ЕС. Как вариант, можно внести изменения в раздел VII «Экономическое сотрудничество», полностью приведя его в новой редакции, разбить этот раздел на четыре главы, по одной на каждое пространство. Соответственно по каждому пространству сформулировать положения, полностью отражающие содержание принятых в мае 2005 г. «дорожных карт». Конкретизировать положения, посвященные четырем пространствам, можно в специальных протоколах, прилагаемых к Соглашению, или в отдельных соглашениях по этим пространствам, или в каких-то иных документах, например в годовых программах первоочередных действий, утверждаемых и контролируемых Постоянным советом сотрудничества.
7. В разделе об общем экономическом пространстве предусмотреть пункт о составлении плана-графика полной либерализации торговли товарами в течение 10–12 лет.
8. Комплексу проблем, возникших вокруг Калининграда, можно посвятить отдельный протокол или декларацию в виде приложения к обновленному Соглашению.
9. Представляется крайне важным развивать сотрудничество в области законодательства. Статья 55 изменяется и дополняется положениями о постепенном (в два этапа) сближении российского законодательства с законодательством Сообщества на основе специальной индикативной программы, разрабатываемой совместно Сторонами. При этом продолжаются мероприятия по уже гармонизированным сферам и идет распространение гармонизации на новые сферы. Механизм гармонизации целесообразно закрепить в специальном соглашении о применении статьи 55, заключение которого в будущем должно предусматривать СПС.
10. Положения о финансовом сотрудничестве должны учитывать финансовый механизм европейской политики добрососедства.
11. Соглашение должно быть заключено на неограниченный срок.

Конечной целью обновленного Соглашения является построение ассоциации

Андрей Перла,
независимый политический
консультант (Самара)

Россия – демократическая страна

Важнейшая социально-экономическая новация российской политики – решение президента потратить 135 млрд. рублей не на инвестиции и не на проведение институциональных реформ, но на прямую помощь наиболее бедным согражданам. Обсуждать ее будут еще очень долго – как минимум пока 135 млрд. рублей не закончатся и не придет время приняться за следующую часть Стабилизационного фонда. И естественно, что либералы как в российском правительстве, так и в оппозиции разными способами выразили свое несогласие с этим решением. Кажется, относительное сочувствие президенту, если не считать записных апологетов, выразил только Евгений Ясин, заметивший в ряде интервью, что сейчас не время для реформ, а время «подкормить» самых бедных на предмет уменьшения «индекса Джини»*.

Гораздо менее естественно, что никому ни из оппонентов, ни из сторонников президента Владимира Путина не пришла в голову простая мысль: будучи российским публичным политиком, президент не мог принять другого решения. Долг политика, избранного российским народом, – делить государственные богатства «по справедливости», то есть мелкими (на крупные просто ресурсов не хватает) частями раздавать их наиболее нуждающимся. Никакого другого мандата российские избиратели своим избранникам не выдают.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к характеру требований, предъявляемых российскими активными избирателями к кандидатам в ходе выборов любого уровня, а равно и к действующему «начальству». Встречи с избирателями в России (по крайней мере, если речь идет о тех кандидатах, кто действительно способен выигрывать выборы) всегда или почти всегда представляют собой аттракцион невысказанной щедрости. «Мы благоустроим, починим и заменим, а также добьемся увеличения социальной помощи вам лично и вашей социальной группе. Мы уже начали это делать: тут построили заново детскую площадку, там покрасили стены в подъезде на средства своих фирм, а вот сюда доложим из бюджета, дайте только избраться». Характерно, что, вопреки распространенному мнению, такие обещания почти всегда исполняются. Депутаты всех уровней, мэры городов и губернаторы прекрасно понимают, что именно ради выполнения этих обещаний, в отдельности мелких, а в целом невероятно дорогих, им и позволяют занимать высокие кресла.

Что мэры! И последняя телевизионная встреча президента с народом, по сути, была такой же встречей с избирателями –

* Индекс Джини, или коэффициент распределения доходов, – статистический показатель, применяемый для выявления различия в доходах групп населения. – Прим. ред.

просто во многих местах сразу. Туда провезти воду, здесь оказать еще какое-то благодеяние, там пообещать прибавку, а тут сообщить, что вопрос о прибавке к социальным выплатам уже решен. Оппозиционеры упрекали В.В. Путина, что ничего кроме этого он своему народу не сказал, но разве подавляющее большинство его избирателей хотело просить или даже потребовать чего-то другого?

Вся разница между федеральным и местным политиком оказывается в том, что на уровне отдельного города речь идет о распределении сравнительно небольших средств местного бюджета, полученных в виде налогов от местных предпринимателей, а на уровне государства российского перераспределяются пресловутые «сверхдоходы» от экспорта углеводородов. Разница чисто количественная — независимо от объема, ни один бюджет в России не может быть никаким иным, кроме как «социальным». Иначе говоря, главная задача составителей и исполнителей любого бюджета — в максимальной степени исполнить запросы тех, кого принято называть «социально незащищенными». На самом деле только они и защищены, по крайней мере на уровне перераспределения накопленных властями средств: именно расходы на прямые выплаты этим людям в бюджете любого уровня, включая самые напряженные, с сумасшедшим дефицитом принято обозначать как «защищенные». Иначе говоря, на социальную помощь разного рода тратятся основные средства и усилия власти, а все остальное создается и финансируется по «остаточному принципу». Абсолютно все, а инвестиции и институциональные реформы — в последнюю из последних очередей, ибо таков мандат, выданный на выборах любого уровня каждому народному избраннику. Сначала — нам должное, а уж потом в свободное от этой, основной, работы время можешь играть в свои высокоумные бирюльки... Понятно, что «на бирюльки» сил и средств не хватает никогда.

Получатели социальной помощи — главные. Они — суверен политической власти и подлинники владельцы богатств страны. Все остальные либо их слуги, либо доноры.

С точки зрения «классической», или марксовой, политэкономии это означает, что относительно бедные электорально активные граждане — пенсионеры, бюджетники и прочие получатели государственной соци-

альной помощи — стали в современном российском обществе классом эксплуататоров. Никакого парадокса — именно в их пользу нанятые ими служащие, чиновники, перераспределяют прибавочный продукт, созданный другими. Конечно, поскольку эксплуататоров много, каждому из них достается по чуть-чуть. А как иначе, если эксплуатируемых, тех, кто создает богатства, гораздо меньше, чем эксплуататоров. Конечно, поскольку работа по перераспределению созданных богатств очень сложна и ответственна, а контроль над ней ничтожен, распределяющие бенефиции живут гораздо лучше бенефициаров. Но стоит сравнить, какое богатство вороватые (что поделаться!) приказчики оставляют себе и сколько отправляет по назначению — «нашим бедным», — как все становится на свои места. Отберите завтра все, что есть у всех «олигархов», всех обитателей подмосковной Рублевки и всех региональных баронов, — собранное покажется каплей по сравнению с морем благ, которое изливается на бедных уже сегодня.

С точки зрения политической это означает, что Россия является подлинной демократией хотя бы в том смысле, что государство исполняет здесь пожелания большинства активных избирателей. Конечно, речь идет о старой, едва ли не античного типа демократии. В самом деле, в Риме едва ли не главной обязанностью избранного и, особенно, избираемого руководителя было обеспечивать плебс хлебом и зрелищами, что характерно, за собственный счет. Не этим ли заняты и наши кандидаты и наши «консулы», «преторы» и «народные трибуны»? И, поскольку они заняты только этим, круг замыкается и выход из него на какой-то иной уровень государственной политики невозможен. Гражданин, начавший обеспечивать себя самостоятельно, теряет интерес к выборам, так как в русле «политического» ему никто ничего не может предложить, так как вся политика «заточена» под распределение социальной помощи.

С чем и приходится себя поздравить. Разве что ситуация изменится, когда «средний класс», эксплуатируемые нового времени составят абсолютное большинство. А до того момента — пожалуйста в слуги народа, граждане политики, политтехнологи и прочие.

Россия — демократическая страна.

Власть здесь выполняет волю народа. Ту, которую народ способен выразить.

Кому вольготно на Руси?

*Александр Волков,
доктор исторических наук*

Статья Андрея Перлы о современных общественных отношениях в России подводит к такому пониманию их сути: инвалиды, пенсионеры, дети, а также низкооплачиваемые трудящиеся, вроде учителей и врачей, — это эксплуататоры, следовательно, Березовский, Абрамович, Дерипаска, Алекперов, а также высокооплачиваемые трудящиеся, вроде политтехнологов, — это эксплуатируемые. Почти Маркс, только «перелицованный», то есть сшитый наизнанку.

Статья, похоже, писалась в ироничном ключе, это понятно, значит, не все принимай всерьез. Но ведь этот жанр имеет свои законы, и если автор приводит в доказательство своих тезисов цифры и факты, они должны подпадать под действие этих законов и быть столь же строгими, как в научной статье.

Уже в начале своих размышлений автор сообщает о «решении президента» «потратить 135 млрд. руб. не на инвестиции и не на проведение институциональных реформ, но на *прямую помощь наиболее бедным согражданам*». (Курсив мой. — А. В.) Не могу понять, что это за цифры. Нашел в Интернете неоднократно повторенное сообщение с теми же цифрами, но с совсем иным адресом и смыслом инвестиций: «При втором чтении проекта федерального бюджета на 2006 год В. Шуба и депутаты от партии «Единая Россия»... провели поправку по увеличению расходов на социальные проекты... В результате принятия поправки планируемый объем финансирования национальных проектов увеличится на 18,6 млрд. рублей и составит 135 млрд. рублей. Из этих средств около 63 млрд. рублей будет направлено на **развитие здравоохранения**, 22 млрд. рублей — на реализацию программы «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», 31 млрд. рублей — на **развитие образовательной системы**, более 19 млрд. рублей планируется направить на **агропромышленный комплекс**». (Выделено мною. — А. В.)

Как видим, речь идет не о «помощи бедным гражданам», а о четырех национальных проектах — в сферах здравоохранения, образования, обеспечения жильем и развития агропромышленного комплекса. Очевидно, что это касается **всех граждан**, а не только бедных. И можно лишь посетовать, что денег на все это отпущено совсем не густо. В прошлом году одна только Москва потратила на социальные программы, без сельского хозяйства, примерно такую же сумму.

Случайная это ошибка или автору сначала пришла в голову его концепция, а потом он искал под нее цифры? Не знаю. Но дальше он излагает ее последовательно.

Вот речь идет о «долге политика, избранного российским народом». В чем же этот долг? По представлениям Перлы, народ отводит политику одну главную обязанность — делить государственные богатства

«по справедливости», то есть мелкими частями раздавать «**наиболее нуждающимся**». По гениальной в своем роде формуле американского социолога Г. Лассуэлла, политика и впрямь

*От государства часто ждут чего-то,
что давно можно делать самим,
организуясь через институты
гражданского общества*

есть процесс определения того, «кто получает, что, когда и как». Но автор утверждает, что у нас все делается «в пользу бедных».

Андрей Перла «возмущен», что наш избиратель требует только улучшения своей жизни, разного рода социальных благ и доволен лишь тогда, когда что-нибудь благоустроят, починят, скажем, построят детскую площадку или покрасят стены в подъезде — «разве подавляюще большинство... избирателей (спрашивает он) хотело бы просить или даже потребовать чего-то другого?» Ведь вот «инвестиций в институциональные реформы» они не требуют. Или «чего-то другого», скажем — больше танков для народа, авианосных крейсеров или гаубиц, о которых еще Черномырдин говорил: «Ну, не нужны нам гаубицы». Ненормальный народ, правда?

И вот этим ненормальным требованиям якобы подчиняется бюджет, поскольку «главная задача составителей и исполнителей любого бюджета в максимальной степени исполнить запросы тех, кого принято называть “социально незащищенными”». И именно «расходы на прямые выплаты этим людям преобладают в бюджете любого уровня». Но так ли это? Посмотрите бюджет любого года и сравните, что выделяется «этим людям» и что, скажем, силовикам. Мягко говоря, у автора и здесь передержка.

Короче, таким способом обосновывается точка зрения, что весело и вольготно на Руси живут только «относительно бедные и электорально активные граждане — пенсионеры, бюджетники и прочие получатели государственной социальной помощи», которые «стали в современном российском обществе классом эксплуататоров».

Замечу, что пенсия по природе своей и сути — это вовсе не социальное пособие, а пролонгированная, перераспределенная во времени заработная плата человека. Другое дело, что в России ее превратили не в пособие даже, а в подачку, унижающую людей. Что им самим особенно заметно, как ни парадоксально, при «индексации», то есть при повышении на какую-нибудь тридцатку. Да еще тогда, когда об этом торжественно объявляет президент. Это касается и некоторых других форм социальных выплат.

Разговор собственно о статье вроде бы можно было на этом и закончить, если бы сквозь ее умышленно эпатажные формулировки не просматривалось то, о чем как раз стоит говорить — действительно актуальные и болезненные проблемы.

Прежде всего, то, что наши власти, как и в прежние, советские, времена, склонны к патернализму, а в обществе действительно сильны иждивенческие настроения. Дело даже не столько в том, что от государства часто ждут чего-то, что давно можно делать самим, организуясь через институты гражданского общества, а то и просто на основе личной иници-

ативы и предприимчивости. Главное как раз в том, что патернализм принимается как норма. Патернализм как опека граждан в любых делах, от бизнеса до быта, которая на самом деле сковывает инициативу людей.

Правители будущих поколений, писал в свое время Токвиль, будут не столько тиранами, сколько «наставниками». Потакая желанием людей и используя затем их зависимость, «наставники» отнимут у народа свободу. Он предвидел пришествие своего рода демократического деспотизма в виде государства-благодетеля, которое заботится о безопасности граждан, предусматривает и обеспечивает их потребности, берет на себя руководство их основными делами, управление промышленностью, дележ их наследства... Такая опека «постоянно противодействует тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство...» Это реальная проблема, заслуживающая особого обсуждения.

Также актуален вопрос и о перераспределении народных богатств, затронутый автором статьи. Перераспределение неизбежно, без него общество существовать не может, это уже не аксиома, а банальность. Вопрос же, во-первых, в том, как оно происходит — на основе принятой обществом системы и законов или произвольных решений отдельных лиц либо групп лиц. Вот как раз во втором случае оно и перерождается в подачки, причем подачки корыстные, имеющие целью собственную выгоду распределителей. Это прямо связано и с популизмом, о котором говорит Перла, явлением, конечно, крайне нежелательным и опасным для общества. Во-вторых, вопрос в мере, в масштабах, опять-таки в системе перераспределения, когда не допускалось бы превращения его в уравнивательность. А это происходило не только у нас. Экономисты Швеции, в частности, много внимания уделили этой проблеме тогда, когда искажения в этой сфере подорвали так, казалось, успешно функционировавшую «шведскую модель». Острота проблемы в России сейчас возрастает в связи с тем, что население стареет, и каждый работающий кормит и будет кормить все больше нетрудоспособных.

Наконец, проблема понимания сути и совершенствования демократии. Слишком большой вопрос, чтобы рассмотреть его полноценно в этих заметках. Но, соглашаясь и в данном случае с иронией автора по поводу российской демократии, подчеркнул бы, что уже невозможно согласиться с тем, будто «народ всегда прав» и «глас народа — глас Божий», то есть будто бы следование его воле неизбежно и всегда благо. Тот же Токвиль предупреждал, что любить демократию надо умеренно. Но ведь и то верно, что лучшего не придумано, что альтернатива демократии — авторитаризм и тоталитаризм могут вдохновлять только тех, кто рассчитывает занять в такой системе место повыше. Или не представляет, что это такое, не испытал на себе. Может быть, жизнеспособная и созидательная демократия — это постоянный поиск ее форм, адекватных своему времени и обстоятельствам?

Заставив размышлять над этими вопросами, Андрей Перла сделал полезное дело. Но вывод напрашивается немного другой, чем у него: вольготно чувствует себя на Руси пока только власть.

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах

Ричард Пайпс. Я жил. Мемуары непримкнувшего.

Перевод с английского.

«Осторожно, Пайпс!» Таким заголовком отметила 18 февраля 1981 года газета «Правда» назначение историка, советолога, профессора Гарвардского университета Р. Пайпса руководителем отдела по восточноевропейским странам и СССР в Совете национальной безопасности (СНБ) при Президенте США Р. Рейгане. Советским властям была хорошо известна бескомпромиссная позиция Пайпса по отношению к наращиванию военной мощи СССР, его агрессивной экспансии в мире, тоталитарного образа правления, подавления гражданских свобод. Эти свои взгляды новый советник Рейгана продвигал среди чиновников госдепа, СНБ, ЦРУ, а также в советологическом сообществе и в общественном мнении США, склонных скорее к умифотворению советской сверхдержавы и уступкам в обмен на иллюзорные гарантии безопасности. Такую же, если не более лояльную, позицию занимало большинство западноевропейских союзников США в НАТО. Автор знакомит с коллизиями в американско-советских отношениях в кульминационный период холодной войны, с нравами администрации президента, где решения зачастую принимались вопреки здравому смыслу и диктовались личными амбициями политиков и экспертов.

«Я стремился к свободе, а не к власти, – так объясняет Р. Пайпс решение оставить госслужбу и вернуться в Гарвард, где наиболее полно мог реализовать свое право, которое считал главным в жизни – «независимость взглядов, неприятие «коллективного мышления»». Потребность ставить личную свободу выше иных жизненных ценностей несомненно пришла к Р. Пайпсу в самый трагический период его биографии, когда в 1939 году он, шестнадцатилетний еврейский юноша, чудом выбрался с родителями из оккупированной фашистами Польши, избегав участия многих своих родных и близких друзей, сгоревших в пламени холокоста. Нравственный долг перед памятью о них был, по признанию автора, одним из главных мотивов, побудивших его написать свои мемуары.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Оглядываясь на почти восемьдесят прожитых мною лет, я прихожу к выводу, что гораздо выше, чем власть, деньги или славу, ценю независимость, бескомпромиссное право быть самим собой в словах и делах. Мне в принципе все равно, согласны со мной другие или нет, но я испытываю яростное негодование, если кто-то оспаривает мое право на эти убеждения и взгляды, так как подобное давление оскорбляет меня до глубины души. Отстаивание этого права часто доставляло мне неприятности, потому что общество вообще, а также общественные группы, к которым принадлежит человек в силу какой-либо деятельности, организации, религии и так далее требуют от него подчинения. Но я никогда не сожалел о том, что оставался верен самому себе.

В более широком смысле жизнь научила меня тому, что люди совершенно непредсказуемы: невозможно предвидеть, что они сделают, или понять мотивы поступка. По этой причине я настроен весьма скептически к попыткам по-

стичь поведение человека, как отдельно взятого индивидуума посредством психологии, так и массы людей посредством политической науки или социологии. Наука исследует явления, которые носят линейный и предсказуемый характер, в то время как поступки людей случайны и беспорядочны. Мне кажется, что садоводство (как и история) дает наилучшую подготовку к политике. Садовник знает, что растения можно выращивать только в определенных условиях: если их высадить в плохую почву или в неподходящем климате, они чахнут и погибают. Выращивание растений, таким образом, означает сотрудничество между человеком и растениями, а не управление, которое возможно в отношении более инертной материи.

Для тех из нас, кому судьба подарила возможность выбирать свое будущее, а таких меньшинство на земле, важно решить на раннем этапе жизни, к чему мы стремимся, и затем реализовать задуманное. Я уверен, что никакие чуждые мотивы, особенно деньги, не должны отвлекать человека от его предназначения. У нас должны быть обязательства — по отношению к людям, работе, убеждениям, определенным местам. Меня удручает стремление современных молодых людей к свободе от всяких обязательств, к намерению всегда получать выгоду для себя. Достойная жизнь никогда не достигается таким образом.

Чувства Жорж Санд, о которых я где-то прочел и записал, отражают и мою философию жизни: «Человек становится счастливым благодаря собственным усилиям, когда он знает, что ему необходимо для счастья: простота вкусов, некоторая доля мужества, определенное самоограничение, любовь к труду и прежде всего чистая совесть».

Что касается смысла жизни, если вообще уместна такая постановка вопроса, то я должен оказать, что, поскольку боязнь смерти и любовь к своим детям — это наши самые сильные эмоции, единственной целью может быть лишь стремление жить и производить потомство. Мир, похоже, так устроен, что все сущее в нем стремится к продолжению себя, но зачем, для какой цели? — это остается скрытым от нас.

Когда мы молоды, нам, например, очень важно одобрение старших. Когда я учился на первом курсе в колледже, меня «затащили» к себе четыре из пяти студенческих землячеств. Было приятно чувствовать свою популярность, но меня расстраивало, что одно из них все-таки не хотело принять меня. Сейчас меня намного меньше беспокоит, что люди обо мне думают, так как я знаю, что враждебность очень часто вызвана причинами, не имеющими прямого отношения ко мне: завистью, предвзятостью или непониманием. Мои ожидания от жизни, мои пристрастия и неприязни, мои опасения и надежды в прошлом существенно отличаются от нынешних.

Что же до смерти, если подумать о ней, то это такое же чудо, как и рождение, если не большее, потому что мы ничего не можем с ней поделать, разве что отсрочить ее на какое-то время. Когда я шел по Брэдл-стрит в Кембридже на похороны моего отца на кладбище Маунт Ауберн прекрасным весенним днем 1973 года, я испытал странное чувство религиозного восторга, сходного с тем, которое испытал при рождении моего первого сына. Человек, достигший определенного возраста, знает, что он живет в условиях отсроченного смертного приговора. Подсознательно человек начинает в душе прощаться с друзьями и с самыми любимыми вещами — с летним домом, книгами и произведениями искусства, семейными фотоальбомами — и задаваться вопросом, кому это достанется после его ухода из жизни и что с этим сделают.

Когда же придет смерть, мои сожаления будут такими же, как и у Праксилы Сикионской, греческой поэтессы V столетия до нашей эры.

Самое восхитительное из того, что я оставляю, — это солнце;

А самое прекрасное после него — это мерцающие звезды и лик луны;

Но также и огурцы, которые созрели, и груши, и яблоки.

Свобода и ответственность дилетанта

*Сначала мысль воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтуня старая, затем
Она, подвемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.*

(1838)

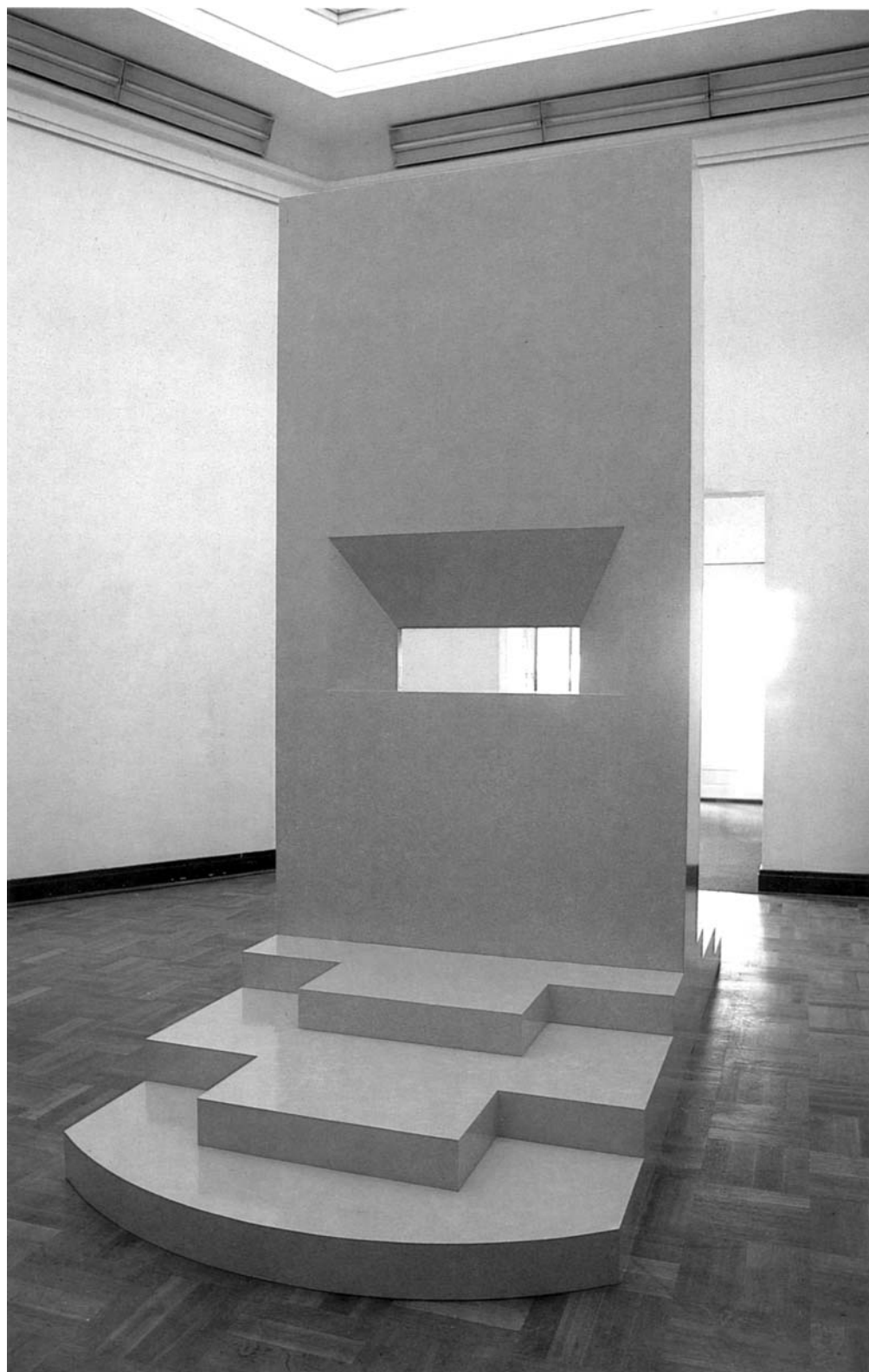

*Максим Трудалов,
редактор отдела
«Комментарии»
газеты «Ведомости»*

Продукцией журналистов всегда кто-нибудь недоволен. Автор приведенного стихотворения поэт Евгений Баратынский поместил журналистику на нижнюю ступень в литературной иерархии. Конечно, это стихотворение было репликой в полемике о роли поэзии, а не журналистики. Тогда спорили о том, что «лучше» — проза, поэзия или публицистика. Модно становилось отказывать поэзии в серьезности, говорить, что стихи — безделица, а проза и публицистика — это серьезно и важно. Баратынский коротко и ясно объяснил, что к чему.

Ведомое всем

С тех пор эта ситуация изменилась не качественно, а количественно. «Давно уж ведомого всем» стало так много, что необходимость в услугах по сбору и обработке информации выросла и будет расти. Журналисты являются и будут оставаться посредниками между узким кругом осведомленных и гораздо более широким кругом «неосведомленных». Между немногими носителями информации и «массой». Спрос на новости и популяризацию будет существовать, поскольку большую часть наших знаний о мире мы, к сожалению, получаем не от специалистов, а от популяризаторов, от посредников.

«Журналистика — это способ мышления, — пишет профессор Кеннет Миноуг в статье о журналистике «Власть без ответственности» (*The New Criterion*. — 2005, vol. 23, № 6). — Это мышление доминирует на телевидении и в индустрии популяризации знаний. Специалист может избежать прессы в своей области, но как только он выходит за ее пределы, он попадает в поток популяризованной мысли». Информации настолько много, что мы можем получить ее только с помощью журналистики, ведь никому не под силу освоить университетские курсы по всем предметам. А значит, наши представления об окружающей действительности настолько же надежны, насколько надежны журналисты.

Помимо понятного и неизбежного упрека в поверхностности, в списке претензий к журналистам еще очень много пунктов. «Пресса непропорционально негативна, — говорил на Давосском мероприятии, посвященном свободе прессы, американский конгрессмен-демократ Барни Фрэнк, которому, казалось бы, полагается защищать четвертую власть. — Журналисты заняты созданием новостей на пустом месте, причем негативных, поскольку бред продается лучше, чем качественное освещение событий. Обсуждение, кстати, называлось «Переживет ли демократия свободу СМИ». Еще претензии: безответственность, недобросовестность, ангажированность либо политическая, либо корпоративная, либо и та и другая вместе.

Есть известные и давно работающие способы лечения этих недугов. Некоторой страховкой от безответственности служит опасность судебного преследования. Проблемы, связанные с недобросовестной репортерской работой, можно минимизировать, строго спрашивая исполнения внутренних этических правил. Это, впрочем, не всегда работает даже в таком развитом медийном пространстве, как американское. Последний громкий пример — история репортера газеты *New-York Times* Джейсона Блэра, который в течение четырех лет занимался плагиатом, выдавая чужие материалы за свои. Против ангажированности, как известно, до определенной сте-

пени помогает честное ведение издательского бизнеса, именно издательского, а не какого-либо другого. Это когда журналисты конкурируют между собой за своевременность подачи новостей и качество комментария, а не за кошельки лоббистов и политиков. Деньги при этом, в идеале, зарабатываются на честной рекламе и продаже редакционного продукта.

Системные проблемы

Даже идеальное средство массовой информации — принадлежащее издательской компании, имеющее строгий кодекс, соблюдающее высокие журналистские стандарты и ответственно относящееся к законодательству, — не изживет до конца всех упомянутых недостатков. Это проблемы системные. Создать средство массовой информации, которым все будут довольны, невозможно. Оно тогда перестанет быть либо средством, либо массовым, либо информацией.

Причина простая: от прессы (как, к слову, и от бизнеса в целом, если речь идет о так называемой социальной ответственности) все хотят разного.

Владельцам издательского бизнеса нужна, возможно, большая доля рынка, дешевая рабочая сила, прибыль; редактору — с одной стороны, эксклюзивные новости, лучшая, а значит, и дорогая рабочая сила; с другой — влияние; журналист, с одной стороны, стремится к конкурентному первенству в своей области и высокой зарплате, с другой (иногда) — к получению высокооплачиваемой работы в бизнесе, часто в области связей с общественностью.

Игроки рынков, политики, все те, о ком пишет пресса, с одной стороны, желают позитивных новостей о себе, с другой — максимальной объективности о других. Аудитория в целом, с одной стороны, хочет платить за объективную информацию, с другой — любит читать плохо проверенную информацию, слухи и разоблачения.

А есть еще интересы общества в целом, которое хотело бы контроля над чиновниками и бизнесом со стороны прессы, честной

конкурентной среды, которая порождает качественную прессу.

Нетрудно увидеть множество конфликтов интересов внутри каждой из групп, а также и между ними. Интересы акционеров могут противоречить интересам редактора, стремление к влиянию может противоречить стремлению к объективности. Объективности могут противоречить планы журналиста получить работу в бизнесе или политике. Желание получать позитивную информацию о себе несовместимо со спросом на негатив по поводу всех остальных.

Осознанный конфликт

Конфликты интересов, составляющие суть профессии, должны быть осознанными, чтобы работа строилась не на самообмане, а на осознанном выборе. Руководитель средства массовой информации лучше выявит миссию своего проекта, найдет ему место на рынке и обозначит для себя поля, в которых конкурировать стоит, и те, в которых не стоит, если четко определит свои координаты по отношению к следующим крайностям.

Легко представить себе график, одна ось которого представляет собой шкалу свободы, а другая — степень ответственности за сказанное. При 10 баллах свободы и «нуле» ответственности мы получим площадную ругань перед максимально большой аудиторией, например по центральному телеканалу. И наоборот, при низкой свободе и высокой ответственности за сказанное получим пресс-релиз. Где-то посередине и нужно искать оптимальное для каждого СМИ — в зависимости от жанра, качества и количества аудитории — соотношение свободы и ответственности.

При этом уровень свободы всегда будет сдерживаться рисками, связанными с ответственностью — перед законом, перед читателем, перед рынком, перед источниками информации. В зависимости от того, на какой объем рисков издание готово идти, определится и уровень самоограниче-

ний. Причем в определенной правовой среде и при определенных задачах СМИ эта внутренняя «цензура» может оказаться более жесткой, чем внешняя. В каких-то случаях журналист вынужден делать выбор между стремлением к объективности и желанием помочь политику или не навредить какому-нибудь общественному делу. Во многих случаях еще одним аспектом выбора в системе координат свобода/ответственность, является выбор альтернативы между независимостью и ангажированностью. Так что вопрос внешней цензуры, с точки зрения профессиональных проблем, наименее интересен.

Похожее упражнение можно проделать и с другими осями координат — например, найти нужную точку между глубиной и шириной охвата темы. То есть между уходом в суть проблемы и необходимостью коротко и интересно подать историю для определенной аудитории. Есть еще множество дилемм, с которыми журналист и редактор сталкиваются каждый день — выбор между стремлением к объективности и красотой подачи; между честностью и обязательствами перед источниками информации; между точностью в деталях и обобщением; между фактом и мнением.

Более четкое самоопределение СМИ на рынке поможет не только издательскому бизнесу, но и обществу. Поскольку прессу как профессиональную корпорацию могут объединить в институт лишь общие меры и стандарты, например общее представление о важности различения между фактом и мнением, отказ от заказных публикаций, честная конкуренция на рекламном рынке. Место, выбранное изданием в упоминавшейся системе координат, будет вполне индивидуальным, важно, чтобы шкалы были общими. Дело не в воспроизведении стереотипных общих мест, а в осознании общих ценностей. Это не противоречит идее конкуренции, а лишь устанавливает понятные правила игры, как раз и необходимые для добросовестной конкуренции. Без общих правил пресса, при всех упомянутых системных противоречиях, не будет ни профессией, ни институтом общества.

Павел Воронин: «Я воинствующий консерватор»

Время часто выбирает политиков вопреки советам политконсультантов. Рисунок жизни 38-летнего депутата Госдумы Павла Воронина, выпускника Школы, часто кажется заданным игрой судьбы. Но сквозь контуры его биографии, как на негативе, проступают черты особенного, трудно определяемого таланта. Политика сравнительно нового типа — народного (не путать с популистским). Два года назад Павел Воронин разозлил номенклатуру Ставропольского края, выдвинув себя в депутаты Госдумы по одномандатному округу в последний день регистрации кандидатов. О подробностях думской кампании вспоминать не любит. Жену и троих детей пришлось прятать, а о том, в какое из 300 сел избирательного округа он приедет через час, из соображений безопасности не знали даже помощники.

Жители консервативного сельского Юга, выбравшие новичка Воронина из восьми кандидатов, — самая сложная для манипуляций политтехнологов публика. Долго присматриваются, зато если поверят, то навсегда. В математике, ушедшем в бизнес, южане увидели человека, который думает как они, и не потому, что так решили пиарщики (да и кампанию Павла вел его брат, директор местной радиокomпании Игорь, тоже выпускник Школы, а не лихие заезжие умельцы). Скорее жизнь вытолкнула наверх успешного менеджера, сумевшего в своем мировоззрении органично остаться «плотью от плоти» народа.

В двадцать лет ставропольский парень не знал точно, кем хочет стать. И потому, окончив ПТУ(!), поступает... на один из самых сложных факультетов Московского университета — вычислительной математики и кибернетики. Говорит, понравились Воробьевы горы. С этого момента жизнь Павла не раз будет походить на подъем по крутой лестнице, когда видишь только ближнюю ступеньку.

пень, не зная, как выглядит следующая. Но точно знаешь, что должен одолеть и ее. Сам себя он называет фаталистом и повторяет поговорку «Господь смеялся на небе, когда слушал, как люди планируют свои дела». Но добавляет и вторую часть личной формулы: «Ты должен прикладывать усилия, чтобы чего-то достичь».

Окончив учебу, Павел увлекается экономикой и поступает в аспирантуру экономического факультета МГУ. Защитив диссертацию, выигрывает конкурс Инкомбанка на должность управляющего (вице-президента) ставропольского филиала. Только на второй день по возвращении на родину понимает, что предстоит управлять не отделением банка, а огромной «дочкой» — сельхозпредприятием. За год команда «Агроинкома», начав с операций «купи-продай», создает крупное производство: выпускает 15 процентов российских средств защиты растений, строит машинно-технологическую станцию, берет в аренду 15 тысяч гектаров земли.

Общественная карьера никогда не входила в планы Воронина. Он приходит в политику, опять-таки решая сиюминутную задачу: «Нас достаточно сильно прессовали местные чиновники. Им было непонятно, как какие-то пацаны успешно работают без крыши». Возникла управленчески нестандартная, по-южному хитрая идея вступить в известную партию, чтобы отвести желающих от наезда возможным политическим скандалом.

Роман с «Яблоком» был недолгим. Павел пошел к правым из личного уважения к Явлинскому как экономисту. Но быстро разочаровался: «Приезжает член политсовета партии в край и отказывается встретиться с местными однопартийцами только потому, что его ждет обед с губернатором». Правда и за короткую «яблочную» историю Воронин успевает стать лидером регионального отделения партии, привлечь в нее несколько известных в крае людей, провести на выборах в областное законодательное собрание четверых из восьми выставленных кандидатов (не получив из Москвы ни копейки для поддержки).

Первый шаг к собственной депутатской карьере делает в порядке эксперимента. Как на любом перепутье, ему «было интересно». Предстояли выборы в городскую думу Ставрополя. Павел посмотрел на кандидатов: «Я бы им зерно на элеваторе не доверил принимать». Самовыдвиженец Воронин с легкостью взял в два раза больше голосов, чем ближайший соперник. За три года превратил свой округ в образцово-показательный: построил штук 20 детских площадок, положил асфальт, капитально отремонтировал несколько домов, убедил местных предпринимателей заниматься благотворительностью.

Решение пойти в Госдуму было уже вполне осознанным, тем более что к тому времени Павел окончил Московскую школу политических исследований. Победивший в одномандатном округе депутат Госдумы Воронин вступает во фракцию «Единая Россия». Отнюдь не из конъюнктурных соображений: например, на заседании фракции, где обсуждалась реформа ЖКХ, предложил главе Минрегионразвития Владимиру Яковлеву уйти в отставку: «Я же работал в городе, знаю реальные проблемы, которые концепция реформы не решит».

Центристская платформа оказалась наиболее адекватна южному мировоззрению — консервативному по определению, когда изначальная стабильность жизни не располагает к резким движениям ради умозрительных идей. «Я воинствующий консерватор. Мне нравится идеология большой сильной родины, у кото-

рой великая цель», — говорит Павел. Для Воронина, еще в безденежной юности отказавшегося работать за границей («понял, что ни в какой другой стране жить не смогу»), это не просто слова. Но ни в коем случае и не псевдоимперский фанатизм.

«Для меня неприемлем национализм «Родины». Их националист — это человек, который ненавидит людей другой национальности и ненавидит людей своей национальности в том случае, если они не разделяют его взгляды. Это люди, которые раскачивают ситуацию в стране». Слова Воронина, как всегда, не модная позиция, а взгляд, сформированный в том числе и избравшей его «землей»: «У нас на Ставрополье всегда жили татары, армяне. В селе, где живет моя бабушка, очень много чеченцев и даргинцев. Люди говорят: они живут как мы, а если и возникают какие-то проблемы, значит, все мы вместе что-то недоглядели».

«Земля» ведет его в повседневной депутатской работе. Сегодня он как член бюджетного комитета пытается найти золотую середину между рыночными взглядами успешного менеджера и «наказом» консервативной земли. Ему близка теория Кейнса — сочетание экономической свободы и государственного регулирования в разумных, необходимых для эффективного развития пределах. Воронин участвовал в разработке законопроекта о квотах для сельхозпроизводителей, предполагающем, что государство, выкупая часть продукции, может поддержать село, как это делается в любой стране на Западе. В рамках межфракционной аграрной группы пробивает возможность удешевления сельхозпродукции за счет снижения тарифов на топливо (или выплаты компенсации за повышение цен на него).

Казалось бы, логика явного управленческого таланта должна была привести Воронина на стезю партийного функционера. Но, вжившись в новое для себя положение, он неожиданно обретает себя в новом качестве, которому пока трудно подобрать точное определение. Сам Павел называет себя публичным политиком, который отличается от аппаратчиков или лоббистов тем, что умеет разъяснить избирателям суть сложных решений ясным языком, просто формулирует политические нюансы.

Внешне новый зигзаг его судьбы выражается в том, что фракция все чаще выставляет, что называется, на публику именно Воронина, казалось бы, не самого опытного по сравнению с многими «медведями». (Посвященные в железную дисциплину единоклассников знают, как много делающих карьеру депутатов тщетно мечтают попасть в списки выступающих от имени партии.) «Людам не интересна динамика цен на мировых биржах, им интересно, сколько будет стоить хлеб и молоко. Мне нравится переводить сложную политику на простой, понятный каждому язык». Амплуа, банальное для западной демократии, действительно сравнительно ново для страны, где власть не утруждает себя обязанностью рассказывать гражданам о нюансах очередной реформы. Это ошибка, на которой погорело целое поколение российских правых. Воронину эта роль дается легко — ему не нужно «учить текст слов», топ-менеджер с двумя высшими образованиями всегда был своим парнем для земляков, исправно выбиравших его в условиях жесткой конкуренции. Почти исчезнувший (или только нарождающийся?) тип народного политика.

Социализм

Истоки социализма

Исторические корни социализма как метаидеологии весьма глубоки, некоторые исследователи обнаруживают их уже в платоновском диалоге «Государство». Первоначальные варианты социализма были *утопическими* — это понятие происходит от названия классического произведения «Утопия», написанного Томасом Мором (1478–1535). Социалисты-утописты XVI столетия, к которым, наряду с этим мыслителем, причисляют автора трактата «Город солнца» Томмазо Кампанеллу (1568–1639), выдвигали идеи общественной собственности и упорядочения жизни социума в соответствии с единым стандартом. В своих теоретических построениях они шли от идеала замкнутой патриархальной общины к идеалу более крупного и открытого политического образования — города или федерации городов, а также к признанию важнейшей роли государственной власти в утверждении основ разумного общественного строя.

В качестве целостной системы убеждений, политической идеологии социализм оформился в XVIII столетии. Социалистическая мысль, подобно мысли либеральной или консервативной, испытала сильнейшее воздействие Просвещения и рожденной им Французской революции. Социализм с его жаждой всемирного общественного переустройства напрямую связан с *просвещенческим культом свободной личности*, ниспровергающей абсолютные начала и превозносящей человеческое своеволие. В своем экономическом аспекте социалистическое учение развивалось в качестве реакции на экспансию индустриального капитализма, причем первоначально идеологи социализма выражали интересы мелких ремесленников и лишь позже — интересы рабочего класса. Именно с наступлением эпохи мо-

дерна — «современности» — социализм, будучи ее прямым порождением, вошел в число ее важнейших метаидеологий.

В начале XIX века Клод Анри де Сен-Симон (1760–1825), Шарль Фурье (1772–1837), Роберт Оуэн (1771–1858) разрабатывали идеи социализма критико-утопического толка. Странники данной разновидности социализма исходили из закономерности смены форм собственности и основанных на них форм хозяйствования, а первоочередной задачей считали создание крупного общественного производства, базирующегося на *свободном труде*. Эти мыслители отстаивали принцип распределения «по способностям» и рисовали чудесные картины будущего, в котором люди наслаждаются материальным изобилием и безграничным развитием личности. Именно благодаря их творчеству сам термин «социализм» в 1830-е годы вошел в политический и научный оборот.

Важно отметить, что движущей пружиной общественно-исторического развития социалисты-утописты считали не «материальные условия освобождения» и не «классовую борьбу», но смену религиозных и нравственных идей, утвердившихся в обществе. В пролетариате они видели не борца, но страдальца. Они полагали, что сотрудничество между пролетариатом и буржуазией вполне возможно и его главной «скрепой» способна выступить религия. Таким образом, утопический социализм стремился построить совершенную социальную систему исходя из принципов разума, справедливости и свободы. Благожелательное отношение к масштабным социальным переменам и подчеркивание их гуманитарной основы сближало первых социалистических теоретиков, как это ни парадоксально, с основателями либерализма. По замечанию русского философа Николая Бердяева (1874–1948), «социализм рождается на той

же почве, на которой рождается индивидуализм, он есть также результат атомизации человеческого общества».

Следующее поколение социалистов, прежде всего Карл Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895), отдавая должное социалистам-утопистам, тем не менее резко критиковали их за «фантастическое стремление возвыситься над борьбой классов». С появлением марксизма в социалистической мысли возобладал детерминизм материалистического толка, принижающий роль нравственных и духовных факторов общественного прогресса, что довольно резко обострило ее противостояние с альтернативными воззрениями на общество.

Понятие и основные ценности социализма

Социализм — понятие многоплановое, объединяющее в себе несколько значений. Прежде всего, это *идеал общественного устройства*, отрицающий частную собственность и индивидуализм; в данном отношении он выступает антитезой либерализму. Кроме того, социализм, как было отмечено выше, — это оформившаяся в XIX веке *политическая идеология*. Далее, в трудах Маркса и его последователей социализмом называют *нижнюю фазу коммунистической общественно-экономической формации*. Социализмом также именовали *общественный строй*, который базировался на политических, социальных и экономических представлениях Маркса и Ленина и который после 1917 года оформился в Советском Союзе, а затем в государствах «социалистического лагеря». Наконец, под социализмом понимают *одну из тенденций развития общества индустриального типа*; такая интерпретация социализма связана с функционированием национальных моделей «государства всеобщего благосостояния» (или «социального государства»), наибольшую известность в ряду которых приобрел «шведский социализм». Социалистическая идеология в своем клас-

сическом варианте, сложившемся в XIX столетии, базируется на нескольких ключевых ценностях. Это, прежде всего, приоритет *общественной собственности* над собственностью частной. Его утверждение на практике предполагает либо национализацию частной собственности в пользу «социалистического государства», либо же ее обращение в совместное, акционерно-кооперативное владение. Социалистическая идеология руководствуется *классовым подходом*, постулирующим в качестве ценности защиту интересов неимущих методами революционной борьбы. Среди социалистических ценностей есть также идеал *равенства*, причем речь идет о «равенстве результатов», а не о «равенстве возможностей», о котором говорят либералы. Наконец, традиционная идеология социализма подчеркивает преобладание *коллективных* интересов и потребностей перед *индивидуальными* интересами и потребностями.

Марксизм

В специфической и весьма популярной для своего времени форме теория социализма была развита Марксом и Энгельсом. Марксизм представлял собой политическую идеологию, основные положения которой можно свести к следующим принципам: материалистическое и диалектическое понимание истории; неприятие капитализма из-за отчуждения пролетариата от продукта его труда; необходимость классовой борьбы с целью искоренения частной собственности; и, наконец, достижение коммунизма как конечного идеала и цели общественного развития. Фундаментальным в доктрине Маркса был также тезис о том, что ни одна общественная формация не может появиться раньше, чем в недрах старого общества созреют условия для ее существования. В работе «Критика Готской программы», опубликованной в 1981 г., Маркс попытался обосновать наличие переходного периода между капиталистическим и коммунистическим обществом, причем, по его

словам, государство, существующее в течение этого периода, «не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*».

Для большевиков были характерны максимализм во всех сферах социальной жизни и вера в абсолютное преимущество насильственных и революционных действий

Маркс как мыслитель сформировался благодаря наследию Великой французской революции с ее пафосом эмансипации человека и превращения народных масс из объекта в субъект исторического творчества. Эти задачи, по мнению родоначальника марксизма, мог разрешить только пролетариат, выступавший главным носителем гуманистических ценностей. Огромную роль в становлении Маркса сыграли Мартин Лютер (1483–1546) и Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831). При этом Маркс, в отличие от зачинателя протестантизма, видел счастье не в «милости божьей», но полагал его вполне земным, материальным, воплощаемым в бесконфликтном социалистическом обществе. Соответственно и гегелевская диалектика применялась им не столько для анализа духовных процессов, сколько в приложении к материальной жизни. Фактически, синтезировав достижения немецкой идеалистической философии, британской политической экономии и французского утопического социализма, Маркс выступил в роли творца новой религии, о чем неоднократно писали русские исследователи марксизма, в частности Бердяев.

Принято считать, что в творческом содружестве основателей марксизма Энгельс играл второстепенную роль. В советском общественном мнении, однако, он имел статус «признанного вождя и учителя пролетариата». Его собственные произведения защищали и популяризовали идеи Маркса; в сво-

их поздних работах Энгельс доказывал приемлемость *революционного насилия*, а также изображал будущее коммунистическое общество, в котором государство отмерло са-

мо по себе, экономика имеет плановый характер, а противоречия между городом и деревней уничтожены. Выступая энергичным сторонником принудительного переустройства мира, Энгельс оказал огромное влияние на русских революционеров.

После кончины Маркса созданная им идеологическая и мировоззренческая система активно распространялась сначала германской, а затем и иной европейской социал-демократией. В 1864 году узкий круг последователей Маркса, в основном эмигрантов из разных стран, основал в Лондоне I Интернационал (Международное товарищество рабочих). Примерно в то же время по всей Европе началось интенсивное образование социалистических партий, причем в некоторых странах они добились значительных политических успехов. Так, образованная в 1869 году социал-демократическая партия Германии, несмотря на противодействие властей, на выборах в рейхстаг в 1877 году получила полмиллиона голосов избирателей и более десяти депутатских мандатов. В 1881 году она насчитывала 312 тысяч, а в 1890-м — более 1420 тысяч членов. Аналогичные процессы происходили и во Франции, где в 1906 году социалисты получили 54 места в нижней палате парламента, а к 1914 году увеличили свое представительство до 106 депутатских мандатов. Даже в США, где социалистическая идея никогда не была столь популярной, как в Европе, в 1912 году в социалистической партии состояли 150 тысяч членов.

Период между мировыми войнами был отмечен острыми разногласиями между умеренными и радикальными социалистами. Экстремистов представляло *коммунистическое движение*, после победы русской револю-

ции набиравшее силу по всему миру и объединившееся вокруг учрежденного Лениным в 1919 году III (коммунистического) Интернационала. Коммунисты обличали представителей II (социалистического) Интернационала, основанного в 1889 году, фактически распавшегося в 1914-м и реконструированного после 1918 года, как «социал-изменников», в то время как ортодоксальные марксисты отвечали им обвинениями в забвении изначально присущих социализму, по их мнению, демократических традиций. Впрочем, несмотря на этот раскол, способствовавший последующему триумфу фашизма, в некоторых странах социалистам в межвоенный период даже удалось возглавить правительства. С 1919-го и вплоть до начала 1930-х годов они оставались ведущей политической силой Германии. Социалистическая по духу лейбористская партия дважды – в 1923 и 1929 году – формировала правительство Великобритании. В 1936 году социалисты обеспечили формирование кабинета Народного фронта во Франции. Правда нигде, за исключением Швеции, социалистическим правительствам не удалось выдержать испытания Великой депрессией.

Марксизм-ленинизм в Советском Союзе

В марксистской интерпретации социалистической идеологии наиболее радикальным вариантом был *большевизм*, возникший как течение политической мысли в России в 1903 году после раскола Российской социал-демократической рабочей партии. Виднейшим деятелем большевизма и основоположником советского коммунизма стал Владимир Ульянов (Ленин) (1870–1924). В отличие от Маркса и Энгельса этот человек, оказавший огромное влияние на историю XX столетия, являлся не только теоретиком, но и практиком социалистической революции. Поскольку он стал основателем первого в мире «государства рабочих и крестьян», просуществовавшего на протяже-

нии нескольких десятилетий, его следует считать не только политическим мыслителем и философом, но и крайне удачливым политическим технологом.

Опираясь на учение русских народников о социальной революции, Ленин «обогастил» его положениями о классовой борьбе и неизбежности диктатуры пролетариата. Он обосновал идею о том, что при вступлении капитализма в империалистическую стадию переход к новому обществу возможен даже в *наиболее отсталых* капиталистических государствах. Именно таким слабым звеном, по его мнению, была Россия, которую Первая мировая война поставила на грань национальной катастрофы. Сложившаяся тогда внешне- и внутривнутриполитическая ситуация обеспечила большевикам благоприятные предпосылки для завоевания власти, успешного подавления буржуазии, организации нового хозяйственного уклада. В новой системе, полагал Ленин вслед за Марксом, пролетариат призван руководить народными массами, а марксистская партия выступает направляющей и мобилизующей силой диктатуры пролетариата. Главным инструментом для разрешения классовых противоречий в российском обществе соратники Ленина объявляли *гражданскую войну*.

Для большевиков были характерны максимализм во всех сферах социальной жизни и вера в абсолютное преимущество насильственных и революционных действий в сопоставлении с эволюцией и поступательными реформами. Ленинизм с самого начала отличался воинственно-непримиримым отношением к любому инакомыслию и не признавал компромиссов с «врагами». Подобные установки базировались на *учении об особой авангардной роли коммунистической партии*, сформулированном Лениным на основе работ народника-радикала Петра Ткачева (1844–1885). Представляя собой организацию профессиональных борцов, такая партия немногочисленна по составу. Она подчиняется железной дисциплине, которая строится на обязательном исполнении решений центра рядовыми члена-

ми. Именно партия определяет курс общественного развития, убеждая население в его правильности и преодолевая всякое несогласие. «Партия нового типа, костяк которой составляли профессиональные революционеры, явилась той силой, благодаря которой всего лишь через тридцать лет после Октября треть человечества оказалась под властью коммунистических режимов, — пишет британский историк Эрик Хобсбаум. — Вера и безоговорочная преданность штабу мировой революции в Москве давали коммунистам возможность видеть себя частью всемирной церкви, а не секты». Иными словами, ленинское учение о партии сыграло фундаментальную роль в практике социалистического строительства не только в Советской России, но и за ее пределами. Именно оно обосновывало сращивание партийного аппарата с государственными органами, подавление иных взглядов и мнений, приоритет принуждения над прочими методами социальной мотивации.

После победы большевистской революции Ленин сформулировал программу действий новой государственной власти в России. Прежде всего, полагал он, необходима «диктатура пролетариата», ибо старое государство «буржуазной диктатуры» подлежит разрушению. Для полного подавления буржуазии надо предусмотреть изъятие в правах и свободах в отношении эксплуататоров, угнетателей, капиталистов. Поскольку, согласно Марксу, государство все равно отомрет само по себе, следует ликвидировать не только атрибуты буржуазного государства, такие как разделение властей, всеобщее избирательное право, политические свободы, многопартийность, но и атрибуты государственности вообще — профессиональную армию, полицию, чиновничество. «Освобожденный» народ, полагал Ленин сразу после октябрьского переворота, не нуждается в управлении в прежнем смысле слова. Действительно, среди людей, которые тогда заняли высшие государственные должности, широкой популярностью пользовались анархистские идеи.

Надо отметить, что в самом конце жизни Ленин серьезно пересмотрел свои прежние взгляды. В частности, он отошел от поддержки идеи исключительно плановой и полностью государственной экономики. Ученые до сих пор спорят, можно ли говорить о разработке «поздним» Лениным нового государственного проекта, но как бы то ни было, даже если он и имел место, реализовать эту программу не удалось. Уже в первые послереволюционные годы большевики перешли к всеобъемлющему государственному насилию и построению тоталитарного государства, которое жестко контролировало все стороны общественной жизни. Были уничтожены любые признаки самостоятельности низовых партийных организаций и местной власти (советов). В партии резко вырос вождизм. Началось усиленное развитие военно-промышленного комплекса. Левые лозунги комбинировались с идеями государственного патриотизма при отказе от идеи мировой революции. Сформированная на данной практике идеология была названа *марксизмом-ленинизмом*, а сами политические новации связаны с именем Иосифа Сталина (1878–1953).

Произведения Сталина были введены в канон марксистско-ленинского учения, который составляли труды Маркса, Энгельса и Ленина, уже в 1930-е годы. Марксизм-ленинизм претендовал на открытие и обоснование основных законов развития общества. В этом ряду выделялись неизбежность смены капитализма социализмом, мирное соперничество стран с различным общественным строем, возрастание роли народных масс в истории, закономерное обострение классовой борьбы в международном масштабе. Идеологи марксизма-ленинизма считали его мировоззрением, приводящим в действие все скрытые до тех пор «пружины» общественной жизни. Следует, однако, признать, что в реальности эвристические возможности этого учения были довольно ограниченными.

Что касается исторического значения марксизма-ленинизма, то сегодня в гумани-

тарных науках преобладает убеждение в том, что он оказался пригодным в первую очередь для отсталых стран, поскольку именно в них с его помощью решались задачи запаздывающей и потому ускоренной

Социализм в настоящее время претерпевает довольно существенные метаморфозы, суть которых сводится к размыванию базового ядра социалистических установок и ценностей

модернизации. «Социализм в его коммунистической разновидности обещал быстрый и безболезненный выход из порочного круга хронического угнетения и доиндустриальной нищеты, — пишет Ральф Дарендорф. — Но в результате народы третьего мира заполучили и диктаторов, и нищету». Практическая реализация этой модели доказала свою неэффективность не только в СССР, но и в других странах так называемого реального социализма.

С завершением сталинского периода и вступлением социализма в полосу прогрессирующей стагнации марксизм-ленинизм постепенно превращался в набор начетнических догм, обязательных для изучения, но не разделяемых ни политическим классом, ни подавляющим большинством населения. После распада Советского Союза и провозглашения государственного суверенитета России носителем социалистических идей выступает, прежде всего, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), которая в 1990-е годы являлась единственной по-настоящему массовой политической партией, пользующейся и сегодня существенной электоральной поддержкой. Правда ее нынешние установки не имеют ничего общего с радикализмом большевиков-ленинцев: партия более не призывает к революционному перевороту, широко использует в своей деятельности компромиссы с властью, опирается на легальные политические практики и поддержку некоторой части бизнес-сообщества.

Неомарксизм

Процесс переосмысления основополагающих постулатов марксизма начался едва ли не сразу после того, как новое учение оформилось концептуально. Уже в 1860-е годы, вопреки положениям «Манифеста Коммунистической партии» (1848), сам Маркс заявил о возможности мирного, эволюционного перехода к социализму в наиболее развитых странах,

включая Великобританию и США. Именно этот тезис лег в основу *ревизионизма* — доктрины, разработанной сподвижником Энгельса, немецким марксистом Эдуардом Бернштейном (1850–1932) в начале XX века и завоевавшей прочные позиции в рабочем движении накануне Первой мировой войны. Избавляясь от своего революционного пафоса, марксистская ортодоксия приспособилась к потребностям капиталистического общества. Институциональным воплощением новых тенденций стала деятельность II Интернационала, разрешившего в 1904 году входившим в него партиям участвовать в буржуазных правительствах.

В результате, подобно либерализму и консерватизму, социализм пережил довольно фундаментальные трансформации, в ходе которых данная идеология усваивала элементы иных школ и течений мысли. Одним из синтетических направлений, оформившихся в результате этого весьма противоречивого процесса, стал *неомарксизм*, последователи которого, не принимая марксистское учение в целом, широко заимствовали у Маркса положения, казавшиеся им наиболее верными и привлекательными. Одновременно на протяжении минувшего столетия активно работали и те идеологи, которые занимались коррективкой классического марксизма в надежде приспособить его к новым вызовам и противоречиям общества. Коммунисты-ленинцы, однако, причисляли к ревизионистам и тех и других.

Между двумя мировыми войнами весьма оригинальную концепцию марксизма разработал Антонио Грамши (1891–1937), итальянский коммунист, мыслитель и политик, взгляды которого приобрели широкую популярность среди итальянских и европейских левых. По его мнению, реальность опровергла многие положения Маркса; в частности, такая участь постигла тезис о том, что исторический процесс определяется развитием производительных сил. Грамши считал, что прямое столкновение старого и нового, подобно тому как это было в России в 1917 году, перестало быть эффективным. На первый план вышла «позиционная война» за доминирование в гражданском обществе, а это предполагает его «интеллектуально-моральную реформу», то есть систему мероприятий, направленных на трансформацию политико-культурных основ общества.

Примерно в то же время в Германии была сформулирована так называемая *критическая теория*, также явившаяся одной из разновидностей неомарксизма. Все ее авторы работали в Институте социальных исследований во Франкфурте, который был закрыт после прихода Гитлера к власти в 1933 году. Основателем Франкфуртской школы считается Теодор Адорно (1903–1969), а ее ведущими представителями — Макс Хоркхаймер (1895–1973), Герберт Маркузе (1898–1979), Эрих Фромм (1900–1980).

Критическая теория являла собой одну из вариаций марксистской идеологии, однако начала она именно с критики последней. Объектом переосмысления стал, прежде всего, экономический детерминизм, который обращал приоритетное внимание на экономическую сферу, упуская из виду другие аспекты социальной жизни. Маркс называл культуру «надстройкой» над «экономическим базисом», и критическая теория в принципе не отвергала этот тезис. Однако, сохраняя интерес к проблеме господства, франкфуртская школа воспринимала его не как экономическое, но как культурное доминирование. По мнению «критических теоретиков», подавлением человека в

современном мире занимается прежде всего «массовая культура». Одна из главных проблем современности, таким образом, заключается в том, что в мире модерна *господство стало настолько тотальным, что вообще перестало выглядеть как господство*. Оно более не рассматривается как угроза личности или предпосылка отчуждения, оно становится просто *данностью*. В результате люди теряют ориентацию, перестают понимать, каким должен быть окружающий мир. Соответственно переход от доминирования обмана и слепой подчиненности к просвещению и освобождению делается возможным благодаря критической процедуре, позволяющей людям «очистить» источники собственных представлений о мире. Понятно, что марксизм, истолкованный таким образом, предстал не столько прикладным, сколько гносеологическим учением, из-за чего критическую теорию не слишком поощряли в странах «реального социализма».

Во второй половине XX века коммунистическая ортодоксия, настаивавшая на «чистоте» марксистско-ленинской доктрины, уже не могла противостоять регулярно повторяющимся попыткам «осовременить» Маркса. Причем идейные сражения по этому поводу нередко выливались в реальные политические конфликты, как это было в Югославии в 1948 году, в Венгрии в 1956-м, в Чехословакии в 1968 году. В конечном счете ревизионизм в разнообразных своих проявлениях сыграл заметную роль в разрушении идеологических основ социалистической системы, ускорив ее дискредитацию и последующее крушение.

Будущее социализма

Наряду с прочими идеологиями социализм в настоящее время претерпевает довольно существенные метаморфозы, суть которых сводится к размыванию базового ядра социалистических установок и ценностей. На этом фоне во второй половине прошлого века возникали и крепили нерадикальные

партии и движения, руководствующиеся, тем не менее, социалистическими программами. Сейчас они последовательно придерживаются легальной электоральной практики и отрицают революцию как способ завоевания власти. Программные установки «новых» социалистов включают в себя политический либерализм, многоукладную экономику, социальное государство, равенство. Правда при этом речь идет о равенстве косвенном, достигаемом в результате реализации разнообразных социальных программ. В настоящее время партии и движения подобного толка входят в состав Социалистического интернационала, образованного в 1951 году.

С уверенностью можно говорить о том, что в своем первоначальном виде социалистическое учение сохранилось только в странах третьего мира, где оно поддерживается хронической отсталостью и бедностью населения. Причем здесь популярны наиболее примитивные формы социализма, например маоизм, сложившиеся в результате адаптации этой идеологии к крестьянской и мелкобуржуазной среде. Как это ни парадоксально, но наблюдаемый в государствах мировой периферии генезис социалистических идей и настроений представляет собой естественную реакцию консервативного, по сути, сознания на разрушение традиционных ценностей, которое стимулируется глобализацией. (Таким же образом столетие назад модернизация «заразила» социализмом российское крестьянство.) Другим продуктом эрозии социалистической идеологии стало ее обогащение либеральными сюжетами и мотивами, в минувшем столетии распространенное в ведущих странах Запада. Эта разновидность социализма ныне приобрела бесспорную респектабельность, сделавшись, как говорилось выше, одним из ответвлений либеральной мысли. По мнению довольно многочисленных мыслителей левого и леволиберального толка, провал советского эксперимента не означает невозможность других видов социализма. Один из ключевых элементов социалистического дискурса — замена стихийного и бесконт-

рольного развития общества развитием, которое направляется и планируется, — все шире используется в самых разных общественно-политических контекстах, причем в условиях глобального мира этот процесс становится еще более интенсивным. Либеральная идеология, в XX столетии взявшая на вооружение некоторые важнейшие постулаты социалистического и даже марксистского наследия, обеспечила социализму не только концептуальное бессмертие, но и весьма благоприятную политическую перспективу.

Литература

- Т.А. Алексеева. *Современные политические теории*. — М.: РОССПЭН, 2000.
- Н.А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. — М.: Наука, 1990.
- А. Грамши. *Тюремные тетради*. — М.: Политиздат, 1991.
- Категории политической науки*. — М.: РОССПЭН, 2002.
- В.И. Ленин. *Государство и революция*. — Полн. собр. соч. — Т. 33.
- К. Маркс, Ф. Энгельс. *Манифест Коммунистической партии*. — Собр. соч. — Т. 4.
- В. Межуев, Б. Славин. *Диалоги о социализме*. — М., 2001.
- Р. Пайпс. *Коммунизм*. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.
- И.В. Сталин. *Вопросы ленинизма*. — М., 1947.
- Э. Хобсбаум. *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991)*. — М.: Независимая газета, 2004.
- И. Шафаревич. *Социализм как явление мировой истории*. — Paris: YMCA-PRESS, 1977.
- Й. Шумпетер. *Капитализм, социализм и демократия*. — М., 1995.
- Ф. Энгельс. *Развитие социализма от утопии к науке*. — Собр. соч. — Т. 19.
- Modern Socio-Economic Doctrines and Reform Movements // *The New Encyclopaedia Britannica*. — 15th ed. — Vol. 27, p. 393–435.

Ирина Бусыгина
Андрей Захаров

Аудит государственно-политической системы России (парламент)

*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
образования
Института социологии РАН*

В исторической науке принято было считать, что одно «поколение» составляет приблизительно 20–30 лет. Если учесть, что историческое время постоянно ускоряется, а в век глобализации – сжимается, то возрастной критерий актуального «поколения» сокращается по крайней мере до 15–20 лет. Именно таков срок нашего российского транзита. Начавшись с перестройки в середине 1980-х, он вылился в беспрецедентные для России общественно-политические реформы рубежа столетий. «Поколение реформ» миновало свой возрастной рубеж и этого уже самого по себе достаточно, чтобы, оглянувшись, понять и оценить свершенное, прежде всего по сегодняшним его результатам – по тому, какую общественно-политическую систему мы выстроили.

О необходимости взвешенного и вдумчивого анализа тех процессов, которые происходят в последнее время внутри российских властных институтов, говорилось и говорится много. Однако первый опыт такого исследования обнаружен лишь в 2005 году. По инициативе руководителя института «Общественная экспертиза» Игоря Яковенко пару лет назад был начат масштабный и весьма амбициозный по своим задачам и объемам проект аудита государственных, политических и общественных институтов сегодняшней России.

Изданный первый том посвящен деятельности Федерального Собрания РФ*. В ближайшем будущем планируется исследование Правительства РФ, судебной власти, регионов России, СМИ, политических партий, профсоюзов и правозащитного движения. Словом, всей совокупности того, что можно назвать новой институциональной матрицей России.

Исследуя деятельность обеих палат российского парламента, авторский коллектив преследовал цель не только собрать и проанализировать так называемую парламентскую статистику, но и понять, насколько действительно сегодняшний парламент действует сообразно универсальным принципам, а именно:

* «Не место для дискуссий». Аналитический доклад «Демократический аудит деятельности Государственной думы и Совета Федерации с декабря 2003 года по июль 2005 года». – М.: Институт «Общественная экспертиза», 2005. (Большая часть глав книги написана Л. Левинсоном.)

- 1) конкурентности (плюрализм мнений и борьба идей);
- 2) представительности (насколько отражены интересы избирателей);
- 3) ответственности (насколько предвыборные программы и обещания соответствуют текущей деятельности парламентариев);
- 4) эффективности (какова «законопроходимость» и т.д.).

Авторы провели громадную работу, ее результаты дают основания для серьезного, объективного взгляда на «успехи» действующего парламента.

Сегодняшнюю Государственную думу, в отличие от предшествующих, по их мнению, характеризуют:

- искажение волеизъявления избирателей, когда одни партии в Думе оказались «недопредставленными», а «Единая Россия» — рекордно «сверхпредставленной» (набрав 37,6 процента голосов, она заняла 67,6 процента мест в нижней палате);
- фактическая однопартийность (оппозиция с трудом набирает не более одной пятой парламентских голосов);
- практическая однопалатность (назначенный «сверху» Совет Федерации нижней палатой Федерального Собрания *de facto* не принимается в расчет);
- недвусмысленная трансформация парламента в орган-придаток верховной исполнительной власти;
- склонность (и готовность) выступать санкционирующим органом любых (вплоть до противоречащих «букве и духу» Конституции) реформ и действий.

Этот список фундаментальных свойств сегодняшнего парламента можно продолжить, но и приведенного вполне достаточно, чтобы констатировать определенную стагнацию на пути развития парламентаризма в России, или, другими словами, откат страны по этому направлению от статуса «частично свободной» в сторону приближения к типу «несвободных стран». Можно спорить с жесткостью подобного утверждения, но, к сожалению, пока тенденция такова.

Не имея возможности в деталях рассмотреть все наблюдения и рассуждения авторов книги, остановлюсь лишь на эвристичных и самых интересных мыслях и подходах, которые, как мне кажется, важны для нас — граждан России — не только концептуально, но и методически, то есть с точки зрения того, каким образом мы и впредь можем осуществлять гражданскую экспертизу — мониторинг и оценку, диагноз и прогноз — государственных и общественных институтов России.

Действует ли сегодняшняя Дума по «новым» правилам игры? Однозначно — да, считают авторы книги. Все началось уже в первый год работы сегодняшней нижней палаты, когда произошло мгновенное и резкое усиление роли Совета Госдумы, а оно в свою очередь привело к сокращению свободы профильных комитетов и подавлению политической активности депутатов. Подспудно Совет Госдумы из координирующего органа превратился в руководящий центр, а по сути — в центр принятия решений.

Ранее все политические решения принимались почти исключительно в парламентских комитетах, теперь же их маневр резко сужен. И все это происходит под бдительным контролем одной партии. Парламент стал декоративным и соглашательским, подконтрольным исполнительной власти, он практически отстранен от процесса формирования правительства, не корректирует правительственную политику.

Подобное положение дел не могло не сказаться на законодательной деятельности нижней палаты. Так, например, существенно преобразилась сфера прав граждан:

- а) «референдум» стал практически неисполнимым актом волеизъявления людей;
- б) «политическая партия» в новой системе координат становится недостижимой утопией;
- в) «беспартийному политику» дорога в Думу заказана;
- г) «избирательные блоки» попросту запрещены.

Тем самым условия политической конкуренции в стране изменены до неузнаваемости и, соответственно, открыта дорога к «присвоению» власти. Первые шаги в этом направлении уже сделаны: полномочия президента укреплены и расширены, контроль над Счетной палатой существенно усилен, а созданная Общественная палата, когда нужно, будет демонстрировать «общественную легитимацию» властных действий, а в иных случаях имитировать общественное недовольство.

По отношению к гражданам Госдума, умело руководимая властью, постоянно усиливает антисоциальный крен, в отношении же чиновничества (и прежде всего его высшего эшелона) недвусмысленно наращивает льготы и повышает «довольствие». Законодательно оказались закрепленными и ущемления в области гражданских и политических прав россиян, нередко прикрываемые борьбой с терроризмом или нелегальной иммиграцией.

Исследуя законотворческую активность депутатов Госдумы, авторы книги используют шкалирование в области законодательных инициатив и предлагают читателю полный депутатский список, ранжированный в зависимости от этого индекса. При пересчете получается, что только чуть больше 8 процентов депутатского корпуса постоянно занимаются законотворчеством, и их активность может быть определена как «очень высокая». Около 10 процентов депутатов обладают «высокой» активностью, 23 процента — «средней» (более одной законодательной инициативы за весь исследуемый период), у всех остальных она либо низкая (не более одной инициативы), либо и вовсе отсутствует (треть депутатского корпуса)*.

Правда внимательный анализ показывает, что не все так однозначно. К примеру, среди депутатов с очень высокой законотворческой активностью есть и такие, кто ни разу не выступал в обсуждениях, в том числе и по собственным законодательным инициативам, что свидетельствует скорее в пользу активности штата помощников (и экспертов), чем самого депутата. Однако важнее подчеркнуть, что в целом законодательная инициатива в Госдуме принадлежит той части депутатского корпуса, которая имеет возможность «согласования» своих инициатив с исполнительной властью, что однозначно указывает на общий вектор нынешнего российского законотворчества.

По подсчетам авторов книги, сегодняшняя Дума приблизительно в два раза «быстрее» предыдущей. Что само по себе, может быть, и неплохо, если бы в этой «скорости» не просматривалась определенная негативная логика*. Индекс авторской «законопроходимости» по фракциям выглядит следующим об-

* При этом надо учитывать, что законодательная активность оппозиционных партий и независимых депутатов — за редким исключением — просто блокируется. Даже в тех случаях, когда правительство готово поддержать инициативу депутата не из «своей» партии, она крайне редко получает площадку для обсуждения.

** «Высокие показатели в номинации «скорость» далеко не всегда свидетельствуют о качестве работы... вносится множество сырых, некачественных проектов... Вредит обществу Дума начинает тогда, когда штамует такие проекты, как о референдуме или о «монетизации льгот», когда принимаются судьбоносные законы, редким депутатом прочитанные до конца, когда законы принимаются за один день — и в первом чтении, и в целом» (с. 96–97).

разом: ЕР – 40,13 процента, «Родина» – 13,82 процента, КПрФ – 10,53 процента, ЛДПР – 20,28 процента, независимые – 27,24 процента (с. 109). Сообразно индексу «послушности», лидируют, естественно, депутаты из партии-монополиста, за ними следуют либерал-демократы; минимальная послушность у независимых депутатов, нулевая у парламентариев из фракции КПрФ.

«Каждый депутат – индивидуальность», – пишут авторы книги (с. 217) и, тем не менее, предлагают читателю весьма показательную типологию современных российских депутатов. Разумеется, каждая типология предполагает некоторое огрубление объекта исследования, особенно это заметно, когда мы имеем дело с «живым материалом». Подобные типологии всегда вызывают ожесточенные споры, несогласие со стороны тех, кто был отнесен к тому или иному типу. И все же именно в «типе» отчетливо проявляется природа того явления, которое подвергается анализу. В данном случае речь идет о *качестве* депутатского корпуса, о преобладании в нем тех или иных групп, представленности интересов и т.д. Вот как выглядит типология депутатского корпуса, разработанная авторами книги.

«Депутаты-чиновники». Для этого типа характерна заданная функциональность деятельности, склонность к бюрократическим методам работы, строгая

приверженность к иерархическим законам номенклатуры. Политическая позиция этих депутатов всегда «согласована», они излагают лишь официальное мнение, сочетая, правда на словах, риторику критики и самокритики. В отряде «депутатов-чиновников» представлены так называемые статусные депутаты, они занимают «центристские» позиции, легко меняют партийную принадлежность и выстраивают свою работу в зависимости от официального мейнстрима. В них чаще всего «отсутствует» политик, хотя они и могут быть весьма эффективными с точки зрения проходимости законов.

«Депутаты-политики». Эти парламентарии принципиально не похожи на своих коллег депутатов-чиновников: они самостоятельны в выстраивании своего парламентского статуса, полемичны, публичны, откровенно демонстрируют свои властные амбиции, что, впрочем, не мешает им порой имитировать политическую деятельность (игра по чужим правилам, сговоры, наигранная оппозиционность и т.д.). Среди лидеров правящей партии почти нет политиков, зато они неплохо представлены в рядах «родинцев», коммунистов и независимых депутатов.

«Депутаты-законотворцы». Они постоянно вовлечены в правовое регулирование, руководство рабочими группами по подготовке законопроектов. Они гибки, готовы к компромиссам и вовсе необязательно юристы по профессии. Для них крайне важна административная подпорка, поскольку для проходимости их законов необходима еще и внешняя поддержка. Среди законотворцев есть и небольшая группа «графоманов», которые пользуются депутатской площадкой для выдвижения экзотических (порой совершенно бессмысленных, но эпатажных) законодательных идей.

«Депутаты-лоббисты». Это — традиционный для российского парламента тип депутата, ориентированного на парламентскую деятельность как на бизнес. Хозяйственники, отраслевые менеджеры, да и просто активные лоббисты используют свой статус для «протаскивания» или блокирования тех или иных законов, поправок. Часто они работают на интересы администрации и правительства, партикулярные интересы российского предпринимательства. И если сегодня ведомственный лоббизм развивается по убывающей, то региональный по-прежнему еще силен, особенно когда дело доходит до распределения бюджетных денег.

«Депутаты-популисты». Каждый публичный политик за пределами Думы, разумеется, может играть на популярных в народе идеях, однако и в парламенте такой тип не является редкостью. Популист, сколотивший свой политический капитал на упрощенчестве, псевдознании «как надо» и «кто виноват», оккупирует парламентскую трибуну для политического разыгрывания — критики правительства, разжигания националистических настроений и т.д.

«Депутаты-призраки». Они немногочисленны, но их фактическое отсутствие на заседаниях Думы весьма красноречиво. Они «не замечены» ни в каких видах и формах парламентской работы, хотя их карточками умело пользуются коллеги по фракциям.

«Депутаты-статисты». По подсчетам авторов книги, это самая значительная «фракция» в сегодняшнем парламенте (более полутора сотен депутатских кресел). В отличие от «призраков» они дисциплинированы, посещают зал заседаний, дежурят на «пленарках», исправно «нажимают на кнопки». Но... никаким образом не проявляют себя профессионально, если под профессией иметь в виду ответственное исполнение депутатских обязанностей и полномочий.

«Депутаты-хулиганы». Они — немногочисленны, но зато, когда в них просыпается хулиганское «актерство», то оно надолго остается в памяти людей, со-

здавая определенное негативное впечатление в массовом сознании о деятельности всей Думы. Драки, словесное хулиганство, ксенофобия и многое другое делает этот немногочисленный тип запоминающимся в народной молве.

«Авторитетные депутаты». Есть в Думе депутаты, тесно связанные с организованной преступностью. Разумеется, без судебного расследования они не могут быть открыто обвинены в этом, но то, что в прошлой и настоящей жизни их биографии тесно переплетались с организованной преступностью, выдает их политическое поведение и особенный стиль.

«Депутаты-правозащитники». Это почти «вымерший класс» депутатов в сегодняшней Думе. Частично это связано с непрохождением демократических партий, частично с тем, что собственно внутривластьное пространство перестало быть переговорной площадкой между политиками и правозащитниками (а еще шире — с институтами гражданского общества в целом).

«Народные депутаты». Часть одномандатников по инерции еще ведут «дела» своих избирателей, защищают их в регионах, активно проводят встречи и приемы. Впрочем, уже сегодня они в абсолютном меньшинстве, а с введением в стране пропорциональной системы, видимо, и вовсе «вымрут».

Подобная депутатская типология (при всех ее ограничениях и авторском схематизме) свидетельствует в пользу неутешительной экспертизы относительно вектора, по которому идет развитие нижней палаты Федерального Собрания. Сформулируем лишь два самых фундаментальных вывода:

- российский парламентаризм, к сожалению, почти не развивается ни институционально, ни профессионально (институционально он существенно ослаб по сравнению с прошлыми Думами, а профессионально значительно «посерел»);
- российский среднестатистический парламентарий в общей массе воспринимает свой сегодняшний депутатский статус как промежуточный (а то и просто случайный), не считает его сущностной характеристикой своего биографического проекта.

Независимому аналитику подобного рода умозаключения могут показаться чересчур оценочными и, возможно, даже предвзятыми. Возможно, все не так уж плохо. Но даже наличие в парламенте единичных «профессионалов» не способно ни политически, ни культурно вытянуть нижнюю палату до уровня зрелого и состоявшегося института. Его будущая судьба, особенно в связи с переходом на пропорциональную систему выборов, туманна и призрачна. Как учреждение фасадной демократии российский парламент вряд ли сохранит еще имеющийся у него ресурс публичности, чтобы выполнять свою главную миссию в системе разделения властей. Визируя принятые вовне законодательные решения и лишь имитируя их обсуждение, он не выдерживает сегодня даже поверхностного теста на соблюдение принципа верховенства права в собственном законотворчестве.

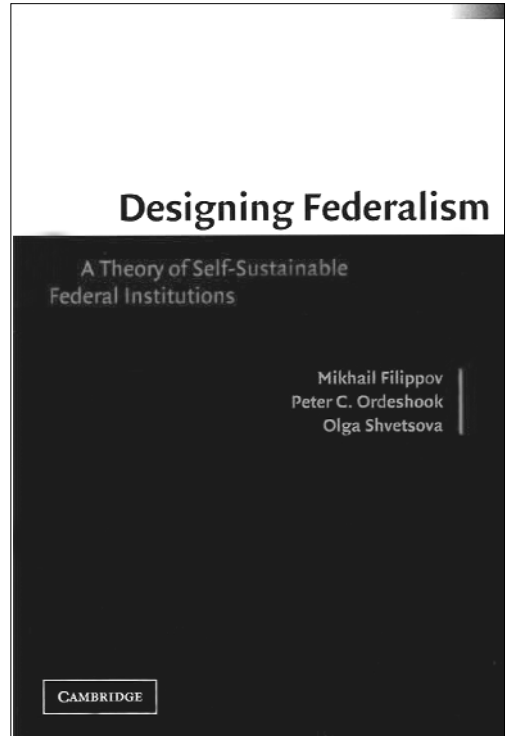
Можно счесть оговоркой случайно брошенной спикером нижней палаты фразой о том, что парламент — «не место для дискуссий». Но именно она свидетельствует об опасности превращения парламента в институт-неудачник. Опасно то, что обычный россиянин окончательно может разувериться в его политическом и публичном потенциале. Если обе эти тенденции в ближайшей исторической перспективе полностью синхронизируются, если реальность и представление о ней совпадут, то для возрождения имиджа российского парламента потребуются поистине титанические усилия.

Российский федерализм: *in memoriam*

M. Filippov, P. Ordeshook, O. Svetsova.
Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 384 p.

В то время как в России федерализм сдает свои последние позиции, не выдерживая испытания всепроникающей «вертикалью», за пределами нашей страны наблюдается все более горячий интерес к федералистской идее и роли ее в эпоху глобализации. Пока мы занимаемся сосредоточением власти, остальной мир, или, по крайней мере, лучшая его часть, власть рассредоточивает и расплывает, передавая значительные фрагменты суверенитета наднациональным структурам. Все большее число специалистов, вслед за американцем Даниэлем Элазаром, констатирует — и приветствует — разворачивающуюся в мире «федералистскую революцию». Путинская Россия, однако, не то что Россия ельцинская; если совсем недавно мы с неприличным, порой, восторгом заимствовали те или иные элементы заграничного политического опыта, то теперь с таким же рвением отторгаем чужеродные очевидности.

Печальная история отечественного федерализма является одним из убедительных свидетельств того, до какой степени иным — «самобытным» — сделался сегодня российский политический дискурс. Проблемы, обсуждаемые на Западе, все менее волнуют нашу интеллектуальную элиту, не говоря уже о наших обывателях. Общее европейское, демократическое, ценностное пространство мысли, хорошо или плохо выстраиваемое в последние десятилетия, дало основательную трещину. Мы все меньше и меньше понимаем, о чем думают, как говорят и что делают на Западе. Читая рецензируемую книгу, чувствуешь себя кем-то вроде гостя с

другой планеты. Хотя, собственно говоря, это сугубо научная публикация: речь в ней — о федеративном дизайне, о том, как делается подлинная федерация, что она собой представляет и из каких элементов состоит.

Авторы дотошно препарируют федеративную государственность, в итоге показывая, что это не машина, но живое тело, где все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Помимо исключительно интересного общего подхода к теме книга любопытна своими частностями. Это нечто вроде энциклопедии: если вы хотите разобраться в современном федерализме, без этого текста никак не обойтись. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство — на российские его

импликации. На протяжении всего повествования постоянно подчеркивается, что работающая федеративная система требует соблюдения ряда довольно простых правил, которые в России постоянно нарушаются. Говоря кратко, дело сводится к следующему: а) нужна эффективно функционирующая партийная система; б) нужна политическая конкуренция; в) нужны гарантии представительства интересов субъектов на общегосударственном уровне. Как же на этом фоне выглядит наша страна?

Во-первых, за годы экспериментирования с федерализмом в Российской Федерации, несмотря на регулярно проводимые выборы, так и не сложилась стабильная партийная система. У нас, как иронично отмечают авторы, просто не улавливают связь между системой выборов и становлением партий. Поскольку президентские и парламентские выборы разведены по времени, в сочетании с пропорциональной системой избрания в Государственную думу партии оказываются всего лишь инструментами для продвижения кандидатов в президенты. Более того, замещение должностей путем выборов на региональном и местном уровне практически не практикуется: в регионах избирают лишь законодателей и губернаторов. В итоге во всех наших 89 легислатурах всего 3709 мест, в то время как в крошечной Швейцарии на уровне кантонов избирают 2979 представителей. В итоге формируется патронажная политика, в центре которой не политические программы, а персоналии.

Во-вторых, как отмечают авторы, региональная власть, наличие которой в федеративном государстве обязательно, в России более коррумпирована, нежели власть центральная. Лучшим средством борьбы с коррупцией является политическая состязательность, но, чтобы ее стимулировать, местные элиты должны видеть, за что можно состязаться. В условиях «вертикали», однако, для подобных стимулов просто не остается места. Что же касается пропорциональной системы, то в России она не способствует становлению настоящих пар-

тий, поскольку тотально контролируется сверху. В ходе создания конституции проблемы федерализма были на втором плане, и поэтому российские партии рассматривают федерализм в лучшем случае как неизбежную обузу. Поэтому нижняя палата Федерального Собрания традиционно выступает в централистском духе: заседающие там партии просто не имеют корней в регионах. А в верхней палате партий вообще нет. Из-за их отсутствия у губернаторов, собственно, и не было возможности сопротивляться натиску центра, координируя свои действия.

В-третьих, при возведении российского конституционного здания не были учтены некоторые ключевые принципы федеративного дизайна. В частности, в изгнании губернаторов из парламента можно было бы усмотреть приближение к американской модели сената, но это не так из-за статьи 105 Конституции РФ, позволяющей Государственной думе двумя третями голосов преодолеть вето Совета Федерации — палаты регионов. Иными словами, располагая «контрольным пакетом» голосов в нижней палате, с мнением региональных представителей исполнительная власть может вовсе не считаться. Для федеративного государства такое положение является большой редкостью.

Продумывая все прочитанное, неизбежно приходишь к выводу о том, что российский федерализм новейшего времени был, по-видимому, явлением случайным, а его крах — запрограммированным. Причин этого более чем достаточно, и говорить о них следует в другом месте. Но такой вывод иначе как печальным не назовешь, поскольку за ним скрывается все то же, столь знакомое российское дерзание жить не «вдоль», как все, но «поперек», по особому штату. Остается надеяться, что федерализм наш умер не навсегда, ибо стране нашей — и это не подлежит сомнению — его кончина ничего хорошего не сулит.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Человек второго плана в истории. Выпуск 2. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2005. – 328 с.

Когда советская власть начала валиться, наши историки ощутили небывалый подъем. Еще бы, и у них (точнее, у нас) появилась возможность по-настоящему ИЗУЧАТЬ историю, не корректируя факты в соответствии с генеральной линией! Однако новообретенная свобода, как водится, имела свою темную сторону, и она проявилась очень скоро.

Падение режима сопровождалось крушением исторического материализма. Воспитанные в условиях идеологической герметичности, советские историки внезапно оказались открыты всем теоретическим ветрам. Осмысление исторического процесса вне установленных сверху жестких рамок было не просто непривычным – оно представлялось немислимым. И советская историография умерла.

Методологический кризис в соединении с материальными тяготами 1990-х годов привел к деградации академической историографии в России. Спрос на знания о прошлом стал удовлетворяться авторами, не имеющими понятия об истории как области научного знания – и так остается по сей день. Даже оставая в стороне адептов «альтернативной истории» – академика Фоменко и ему подобных, надо признать, что профессиональный уровень большинства нынешних историописателей безнадежно низок.

Тем не менее академическая историография в России не погибла. На рубеже веков творческая активность профессиональных историков заметно возросла. Ее результаты не слишком интересуют «широкую общественность», но они уже есть. И что особенно важно: возрождение академической историографии началось не только в столице, но и в регионах.

Одним из центров этого возрождения стал Ростов-на-Дону. В 2003 году здесь стартовал исследовательский проект «Человек второго плана в истории». Инициаторы и руководители проекта – группа преподавателей исторического факультета РГУ: методолог профессор Н.А. Миненков, германист В.С. Савчук, исследователь русской культуры А.В. Корневский, молодые медиевисты А.Е. Иванеско и Н.А. Трапш. Они принадлежат к трем разным поколениям ростовских историков, но объединены общим стремлением к поиску новых подходов к постижению прошлого.

Сама по себе идея изучения истории через личности людей, игравших «вторые» роли, заставляет вспомнить о Фернане Броделе и о втором поколении школы «Анналов». Основной посыл авторов проекта в том, что дух времени точнее всего проявляется в тех «активистах», которые были на втором плане. «Первые», как правило, персонажи уникальные, а потому не совсем типические. Кроме того, личности первых всегда мифологизированы, что мешает адекватному восприятию исторической реальности. «Вторые» же лишены подобных деформаций, а их реальная значимость зачастую оказывает

ся не меньшей, а то и большей, чем первых. Нельзя сказать, чтобы идея была совсем уж новой: биографии «вторых» и ранее становились предметом научного или художественного изучения*. Но ростовские историки первыми поставили изучение «вторых» в центр исследования.

Правда здесь возникает ряд проблем, первая из которых состоит в сложности определения объекта. Как рассчитать исторических деятелей на первый-второй? Кто имеет право на включение в целевую группу? Когда проект начинался, у его авторов не было точных ответов на этот вопрос. Первый сборник «Человек второго плана в истории» вышел в Ростове в прошлом году и представлял собой пилотное издание. Круг проблем и сюжетов был там лишь контурен, подбор персонажей выглядел во многом эклектично. Однако это было лишь начало.

Ростовчане сумели быстро оценить сильные и слабые стороны первого сборника, а потому второй получился куда более проработанным и стройным. Появилась довольно логичная типология «вторых», на основе которой сборник был структурирован: «Неоднозначность трактовок и множественность конкретно-исторических ипостасей данного феномена побудила составителей сборника к выделению в его составе тематических блоков, объединяющих статьи, сходные по особенностям и характеру представленных в них персонажей, а также по подходам к их исторической роли», — пишут в предисловии к сборнику Н.А. Миненков, А.В. Кореневский и А.Е. Иванеско (с. 7). И структура получилась удачной, поскольку сборник не «разваливается» на отдельные статьи, а выглядит единым целым, несмотря на географическое и хронологическое разнообразие, грозящее эклектикой: Древний Рим и средневековая Чехия, Россия времен Великих реформ Александра I и Галлия эпохи Великого переселения народов, викторианская Англия и ельцинская Россия...

Составители сборника разделили «вторых» на семь категорий, соответствующие которым персонажи имелись во все века. Во-первых, несостоявшиеся «первые» — те, кто имел шанс оказаться на первом плане, но не сумел им воспользоваться (например, лучший полководец и несостоявшийся преемник императора Августа (Октавиана) М. Випсаний Агриппа). Во-вторых, «первые», сначала проявившиеся в качестве «вторых» и в этом качестве забытые. Такие как М.Т. Лорис-Меликов, чья «диктатура сердца» 1879–1881 годов напрочь затмила его немалые заслуги на посту кавказского генерал-губернатора. В-третьих, люди, не ставшие первыми из-за того, что оказались в тени более ярких личностей, как, например, Джеймс Милль, которого затмил его сын Джон Стюарт Милль. Четвертая группа — те, кто был (или считался) тенью вершителем судеб, подобно публицисту М.Н. Каткову. О пятой группе чуть ниже, а шестую составили «герои местного значения», игравшие главные роли в своих «локусах», но мало влиявшие на всю страну (к примеру, донские атаманы в допетровской Московии). Седьмая категория состоит не из деятелей, а из исследователей истории. Тех, кого не относят к классикам, но без чьих работ в историографии зияли бы большие дыры. Скажем, никто не может заниматься историей Смутного времени, не обращаясь к трактатам князя-еретика Ивана Хворостинина.

* Яркий пример такого жизнеописания — «Серое преосвященство» Олдоса Хаксли (М., 2001, серия «Культура. Политика. Философия», издательство Московской школы политических исследований), показывающее религиозно-политическую жизнь Европы XVII века через биографию «серого кардинала» Франции Жозефа дю Трамбле.

Что же касается пятой категории, то ее выделение в отдельный раздел представляется довольно спорным. Раздел называется «Женские судьбы в “мужской” истории». Дело вовсе не в «политкорректности»: вплоть до XX века женщины на исторической арене действительно появлялись редко. Однако появлялись — и во все времена. И отнюдь не только на втором плане: вспомним хотя бы, что почти весь XVIII век Российской империей правили женщины. Так что разделение на первых и вторых по гендерному принципу кажется довольно сомнительным.

Это не единственный спорный момент в ростовском сборнике. Вопросы вызывает его разножанровость: тут есть и подчеркнута академические статьи, и явная публицистика; сугубая фактографичность и абстрактное теоретизирование; биографии и групповые обзоры... Но не думаю, что названные особенности можно считать недостатками сборника. Скорее это свидетельства того, что проект живет и развивается: вскоре после выхода второго сборника в Ростовском университете прошла вторая конференция на ту же тему; готовится к изданию третий сборник; в проект вовлекаются историки из других городов, в том числе из Москвы.

Однозначный недостаток у «Человека второго плана», на мой взгляд, только один: тираж. Все же 300 экземпляров на всю Россию — маловато. Но тут уж составители и авторы не виноваты.

Юрий Гиренко

Барзгова Е.С., Козловская О.В., Меренков А.В. Женское движение: современный политологический мониторинг. — *Екатеринбург: Издательский дом «Филантроп», 2005.* — 160 с.

В сегодняшнем мире чрезвычайно сильна тенденция к отделению мира мужского от мира женского. Каковы истоки и движущие силы этого процесса? Возможно, книга в полной мере не дает ответа на этот вопрос. Тем не менее представленные в ней исторические материалы развития феминизма в России и за рубежом позволяют делать выводы, действительно ли гендерное движение набирает силу в современном обществе, можно ли его считать реальной политической силой или его задача заключается в иных, скорее психологических аспектах?

«Женщины получают профессиональное образование, делают профессиональную карьеру, активно участвуют в политической жизни. Данный статистически фиксируемый процесс позволяет утверждать, что в современных обществах нарушен баланс разделения труда между мужчинами и женщинами» (с. 55). Авторы видят в этом риски функционирования всей социальной системы. Общество, по мнению исследователей, испытывает в данный момент гендерный шок.

Процессы, происходящие в России, не отличаются от путей развития феминизма, по которым шел западный мир. Во времена СССР, несмотря на жесткий диктат идеологии, произошла подготовка почвы к изменению личностного и социального статуса женщины. Демократические перемены пали на благодатную почву и способствовали дальнейшей эмансипации женщины.

Появление в постсоветской России активного женского движения авторы связывают с необходимостью организованно в короткие сроки решать жизненные проблемы, такие, например, как безработица. Женские организации позволяют своим членам освоить новые специальности, адаптироваться к законам рынка. При этом возрастает проблема личностного одиночества женщины. Этот факт фиксируется на примере женских организаций Свердловской области.

Авторы делят женские организации на четыре типа. «Первый тип составляют организации, работающие в муниципальных образованиях и выполняющие конкретные задачи помощи женщинам в решении сложных жизненных проблем, типичных для территории... Второй тип представлен объединением женских организаций на территории, с помощью которых женщины добиваются актуальных политических и экономических решений... Третий тип представлен региональными так называемыми зонтичными организациями, задача которых состоит в расширении социальной базы женского движения, целевом обогащении его совокупных ресурсов, увеличении влияния на общественность региона и властные органы, укреплении его связей с организациями межрегионального и федерального уровней... Четвертый тип организаций складывается в последние годы в связи с образованием административных федеральных округов» (с. 109).

Пожалуй, наиболее интересным аспектом издания является формирование портрета лидеров женского движения. Здесь самые настоящие истории успеха, рассказанные героинями.

Последнее, что стоило бы отметить: работа основана на данных по Уральскому федеральному округу. Как отмечается в книге, гендерные организации регионов данного округа отличаются друг от друга. Но именно в этом видится успех в достижении столь желаемой цели – построении гражданского общества.

Евгения Иванкова

В. Касютин. Газета города и района: технологии успеха. Практические рекомендации с 40 приложениями. – Краснодар: *Периодика Кубани*, 2005. – 192 с.

О журнализме написано немало. Правда этот вид литературы носит в основном теоретический характер. Мы все знаем, как должно быть, и не всегда готовы признать, что в силу множества причин правильные формулировки иной раз радикально расходятся с практикой. Нас окружают «неправильные» чиновники, «неправильные» читатели, «неправильные» зрители. Они не осознают, не понимают, не ценят. Мы выпускаем высокоинтеллектуальный продукт, а потребитель информации предпочитает «желтенькую» газету, где есть про постель и скандалы, а о политике совсем немного, да и то вперемежку с анекдотами. Иной раз журналистов и аудиторию разделяет пропасть непонимания и отчуждения. О том, как преодолеть эту разделительную грань, и рассказано в книге Владимира Касютина.

Автор – заслуженный журналист Кубани. Работал в нескольких городских и районных газетах Краснодарского края. В настоящее время – главный редактор газеты «Призыв» города Крымска и Крымского района Краснодарского края, которая стала призером нескольких медийных конкурсов.

Районная пресса столкнулась с неумолимой действительностью: постепенно уходит практика поддержки СМИ из местных бюджетов, растут тарифы на работу типографии, на почтовые услуги. Сокращается читательская аудитория, падают тиражи. Как выживать? За последние пятнадцать лет набил оскомину утверждение, что СМИ – это бизнес. Кое-кто воспринял это слишком буквально. Бизнес так бизнес, решили некоторые и принялись штамповать бесплатные боевые листки под заказ крупных рекламодателей, политиков или просто жителей региона, кому негде размещать объявления о продаже квартир и потерянных щенках. С одной стороны, в районах осталось меньше печатных изданий, отвечающих классическим принципам газеты, с другой – конкурировать с рекламными дайджестами оказалось труднее. Все приемы увеличения читательского интереса, которые описаны этой книге, в свое время В. Касютин испробовал на своем опыте. Многие простые решения оказались необыкновенно действенными. Эта книга может стать настольным изданием практически любого редактора, возглавляющего не только районную, но и областную газету.

В каждой из девяти глав рассматриваются вопросы, которые не могут не волновать руководителя. Например, как оценивать работу журналистов? Эта проблема рано или поздно встает в любом коллективе, даже там, где заработная плата сотрудников реально соответствует их возможностям. Оклад или гонорар? Как правильно рассчитать размер денежного довольствия?

В другой главе описываются примеры изучения читательской аудитории, что также немаловажно для районных газет, которым зачастую не по карману дорогостоящие исследования целевой аудитории. Как изменить отношение к изданию недоброжелателей? Как быстро и эффективно увеличить тираж газеты? Что делать при повышении тарифов на почтовые услуги? Самое интересное, что советы Касютина не требуют серьезных материальных затрат. В этом и заключается основная ценность идей, которыми автор делится с читателями.

Кроме того, в книге содержится ряд абсолютно практических материалов, как то: форма договора на информационное обслуживание, образец должностной инструкции, разновидность контракта, рекомендации по работе с рекламодателями, позиции для SWOT-анализа, советы по координации действий журналистов и рекламщиков.

«Не претендуя на знание наставника и всезнайки, я только хотел обратить ваше внимание на то, что законы информационного бизнеса для всех одни: и в заокеанском мегаполисе, и в российском селе, расположенном за тысячи километров от центра цивилизации. И они будут работать везде: где-то – раньше, где-то – позже», – подводит итог написанному В. Касютин. Если следовать его логике, пути к успеху у всех разные, а вот технология одна. В условиях рынка местное издание, сохраняя индивидуальность, должно стать близким и понятным и для предпринимателя, и для пенсионерки, и для многодетной мамы. Если для значительной части федеральных изданий это кажется невозможным, то районные издания могут противопоставить своим более мощным «коллегам» именно этот козырь – доступность.

Евгения Иванкова

*Александр Архангельский,
«Известия» – специально для
«Общей тетради»*

Контрапункт

ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

В.Н. Лихачев. Россия и Европейский союз в международной системе (дипломатия, политика, право). 1998 – 2004 г. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 600 с.

Политику называют искусством возможного; дипломатия подчас может стать искусством невозможного. Это происходит, когда перед ней стоят заведомо невыполнимые в данных исторических обстоятельствах задачи. Одну из таких задач в 1998–2003 годах выполнял Василий Лихачев, ныне член Совета Федерации, а в упомянутое пятилетие – полномочный представитель РФ при Европейских сообществах в ранге посла.

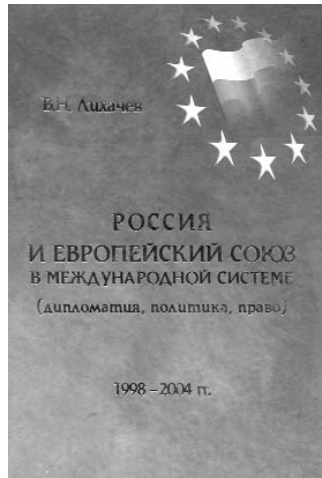
В самом деле: никто в эти годы Россию в Европейском союзе не ждал, особенно после суверенного дефолта и подавления второй чеченской атаки в 1999-м; что с

ней делать – было решительно непонятно. Гнать нельзя, ласкать не хочется, зачем она нужна в Европе, никто не знает; в какой-то момент Россия и сама засомневалась, а стоит ли ей тянуться к высокомерной Европе? Не лучше ли развернуть ход своей новейшей истории на азиатский Восток (как предлагали правящие элиты) или проложить путь в европейское политико-экономическое пространство через Америку (точка зрения Ходорковского, которую он не раз публично оглашал)? Тем временем дипломатическая работа, начатая в ранние ельцинские годы романтического союза молодой России со старым Западом, продолжалась; документы готовились и согласовывались, юридические проблемы решались, та самая бюрократическая машина большой дипломатии, над которой так иронизировал в «Войне и мире» Лев Николаевич Толстой, продолжала свое неостановимое движение. И в этой

инерционности формального бумагооборота, как ни странно, заключалась большая политическая логика. Что и подтверждают те бесчисленные документы, интервью, расшифровки и пояснения, которые составили основу книги Василия Лихачева. (Ей, кстати, предпосланы два предисловия — министра иностранных дел России Сергея Лаврова и председателя Комиссии европейских сообществ Романо Проди.)

Читать книгу страница за страницей, текст за текстом, высказывание за высказыванием будут лишь профессиональные историки этого периода; пролистать, делая внезапные остановки на любой странице, будет полезно всякому участнику сегодняшнего процесса государственностроительства.

Во-первых, можно лишний раз убедиться, что главные недостатки дипломатии, ее осторожность, медлительность и формализм, подчас могут оказываться ее ключевыми преимуществами: важные для будущего страны дипломатические процессы, запущенные в одну эпоху, неизбежно будут продолжаться и в другую. Вне зависимости от того, каковы сегодняшние векторы политического развития,

какие идеи витают в головах правящего класса. Верят ли его вожди в общеевропейский дом от Атлантики до Урала, или, наоборот, говорят об угрозе внешнего управления, или заявляют устами своих телевизионных медумов о реальном превращении Латвии и Грузии в плацдармы для будущей войны Евро-Америки с Россией. Важно, что машина взаимодействия работает, и когда (если) возникнут условия для экономико-политической интеграции, само собой выяснится, что часть необходимой предварительной работы уже проделана, можно действовать без оглядки.

Во-вторых, читатель этого сборника заметит еще одну важную, подчас ускользающую от нашего внимания, но сулящую неожиданный прилив оптимизма деталь. Разговоры разговорами, во-

енно-технические объятия с Китаем и отчасти с Индией военно-техническими объятиями, а живая жизнь, обыденная практика берет свое. Надо утрясать судьбу российских дипломатов в европейском научном пространстве? Надо. Нужно согласовывать юридические аспекты транспортировки нефти и газа? Нужно. Необходимо для этого выстраивать рамочные отношения в иных областях? Необходимо. Вот и продолжает дипломатия ткать свою паутинку, опутывая нас мощными формальными связями, укутывая, укукливая словами, не имеющими вроде бы веса, не предполагающими немедленных действий и ответственных решений, но на самом деле прошивающими политическое пространство насквозь.

Василий Лихачев сделал все, чтобы процесс накопления количества бумаг, способный перейти в качество диалога, не прерывался. Пригодится ли нам все это в ближайшей исторической перспективе? Нет; иллюзий быть не должно. Большая политика — и наша, и европейская, и американская — «заточена» под другие планы и цели. Им бы справиться с новоприбывшими странами и хотя бы отчасти ответить на ожидания Украи-

ны и Грузии, которые уходили от России через Америку в Европу. Нам бы наконец решить, какое мы государство строим — умеренную восточную деспотию или динамичную демократию европейского образца, хотя и с национальной спецификой; какой тип личности нужен стране для эффективного решения стоящих перед ней задач: ответственный индивидуалист, способный к коллективному, солидарному действию на основе договорного сознания, или роевой, общинный патерналист, нуждающийся в опеке и не желающий самоопределения.

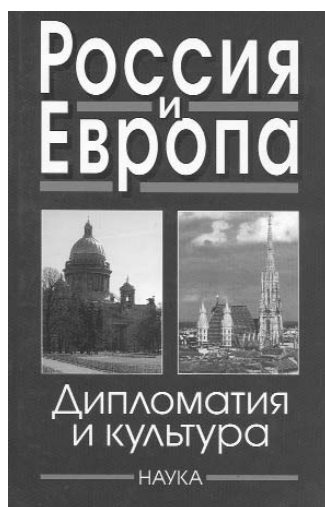
Не говорю уж о жестких рамках, которые и нам, и им ставит экономика. Западные товарные рынки до сих пор закрыты для большинства представителей российского бизнеса, открыты лишь возможности покупки западных предприятий на русские деньги. Россия, наоборот, почти беспрепятственно открывает свои товарные рынки для западной продукции (локальные конфликты вроде истории с куриными окорочками не в счет), зато для глобализации практически все крупные российские компании закрыты — после опыта с ТНК-ВР, сочтенного политически неудачным

и даже опасным для стабильности новых элит.

Значит ли это, что работу по дипломатическому «европеизированию» России, ее бюрократическому, дипломатическому встраиванию в европейские процессы нужно сворачивать? Ни в коем случае. Жизнь не сегодня началась и не завтра закончится, политическая жизнь в том числе. То, что не востребовано сегодня, пригодится завтра, надо только запастись терпением. Этим искусством — искусством эмоциональной выносливости — профессиональная дипломатия владеет в совершенстве.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРИЯТНОГО

Россия и Европа. Дипломатия и культура. Выпуск 3.
— М.: Наука, 2004. — 314 с.

Синтаксис может шутить с нами разные шутки. В данном случае название книги состоит из двух частей, каждая часть — из двух слов, соединенных союзом «и»; то есть заголовок и подзаголовок построены однотипно. И таким образом подзаголовок поневоле прочитывается как пояснение к заголовку: «Россия и Европа: дипломатия и культура». Дескать, Россия это дипломатия, а Европа — культура. При этом в слове «дипломатия» обнаруживается нечто змеящееся, византийское, а в слове «культура» что-то жесткое, рационально-ясное, собственно европейское. Может быть, так оно и есть; во всяком случае, некоторые яркие сюжеты, о которых рассказывают авторы статей, наводят на такие мысли. Когда С.В. Пожарская пишет о восприятии России испанскими послами, Испании — российскими, или Е.В. Котова — об австрийских страницах в судьбе князя А.М. Горчакова, или М.А. Петрова — о дневнике одного путешествия («австрийский император Иосиф II о России 1780 года»), то перед умственным взором неизбежно встает образ дипломатически увертливой, но под этим покровом — грубоватой России, и образ жесткой, разум-

ной, расчетливой, но под этим покровом — человеческой Европы.

Между тем книга совсем о другом: прежде всего о том, что русские дипломаты и российские деятели культуры неизменно тянули нашу страну в Европу. В ту самую Европу, которую политики то обожали до слез, то люто ненавидели, которую хотели то осчастливить, то наказать, но в которой своими они так и не стали. А дипломаты и деятели культуры — стали. Причем с самого начала европейского, петербургского периода русской истории, с момента зарождения и самоутверждения Российской империи.

Где родилась русская силлабо-тоническая поэзия? В немецком городке Марбурге, когда там пьянствовал Михаил Ломоносов (а потом через марбургскую философскую школу пройдут Андрей Белый и Борис Пастернак). Где расцвел дар Жуковского, раскрылся гений Гоголя, развернулась игровая страсть Достоевского, чуть не сгубившая его, но зато превратившая в великого писателя? Ответ очевиден. Что уж говорить про записного патриота — поэта-дипломата — агента влияния Федора Тютчева, которого гениальный филолог Владимир Топоров, не-

давно ушедший от нас, называл последним немецким романтиком, писавшим стихи по-русски... Но если отвольной русской литературы развернуться к холодной российской дипломатии, от жаркого напора чувств, нуждавшихся в ледяной европейской огранке, перейти к лощеному горчаковскому стилю, мы и тут обнаружим нечто сходное. Наши дипломаты обживали Европу не только для себя и своих семейств, но и для возлюбленного Отечества; они верой и правдой служили российским государям, выполняя все их деликатные и не очень деликатные поручения, но помимо этого они столбили русское присутствие в европейском культурно-политическом пространстве, «прописывали» Россию на Западе.

Этот научный сборник служит отличным академическим подтверждением практических наблюдений Василия Лихачева; ясно, что задача русского дипломата век от века одна и та же, его главное призвание — обеспечивать нам шанс на будущее, занимаясь исключительно настоящим. Вопрос в другом. Блестящие дипломаты и великие художники свою работу проделали; биографическую кривую любого сколько-нибудь значи-

мого отечественного писателя можно вести через несколько пространственных точек, и среди этих точек будут не только Холмогоры и мордовские лагеря, Казань и Москва, Петербург и Коломна, но и Мюнхен с Венецией, и Париж с Римом, и Вена с Базелем... Почему же, спрашивается, страна до сих пор не прописана, не простроена в том же геополитическом ряду? Почему мы до сих пор спорим, с кем нам по пути — с Востоком или Западом? Почему Запад, ласково улыбаясь в лицо, по-прежнему полубрезгливо морщится за спиной? Потому что, вопреки знаменитой пушкинской формуле, не правительство было в России единственным европейцем, а русский писатель и русский дипломат. Что же до правительств, то если бы они были достойны своих художников и своих дипломатов, давно бы мы жили другой жизнью. Впрочем, может статься, еще и проживем.

*Александр Зайцев,
директор кафе «Пушкин»*

Как создается легенда об успешном бренде

С чего начинается успешный бренд? С едва уловимого ощущения, которое заставляет человека сопереживать, а его сердце учащенно биться. Фраза, которую я считаю одной из ключевых в фильме «Завтрак у Тиффани»: «Пойдем, подышим воздухом Тиффани». В этом фильме героиня Одри Хэпберн и ее знакомый, начинающий писатель, решают потратить у «Тиффани» десять долларов. Что такое десять долларов для этого магазина?! Тем не менее они приходят туда и говорят: «Хотелось бы чего-то романтического». Не моргнув глазом, продавец (это попутно к вопросу о культуре поведения персонала), привыкший обслуживать шейхов, королей, миллиардеров, спрашивает: «Могу я поинтересоваться, какой суммой вы располагаете?» Они, также не моргнув глазом, отвечают: «Десять долларов».

Продавец обводит внимательным взглядом витрину: «Есть чудесная серебряная палочка для набора телефонных номеров». Героиня считает, что это «как-то неромантично», достает колечко и просит сделать на нем гравировку. Несмотря на то что это недорогое колечко и оно не приобретено в магазине «Тиффани», им делают гравировку, и они уходят, готовые осчастливить весь мир. Идут в библиотеку, где заказывают книгу начинающего писателя, и, движимые тем же желанием осчастливить мир, пытаются оставить автограф автора на книге. Выбегает грозная библиотекарша и чуть ли не бьет их по рукам.

«Пойдем отсюда, это совсем не “Тиффани”», — заключают наши герои.

Кафе «Пушкин», на мой субъективный взгляд, замечательно именно ощущением. Ощущением того, что в нем происходит что-то прекрасное: и внутренне, и внешне.

Сегодня невозможно представить нашу жизнь без брендов. Реклама делает свое пагубное дело — всюду бренды. В 2004 году в России позиционировалась шестьдесят одна тысяча брендов. Огромная, даже страшная цифра. Бренды становятся своего рода религией. Они вызывают отклик, подчас несут оригинальную идею, обладают скрытой энергией и

мотивируют смену стиля мышления. Но при этом успешных, сильных брендов не так уж много, если иметь в виду их *восприятие*, а не величину рекламного бюджета. Такие бренды живут в нашем сознании самостоятельно и воспринимаются в отрыве от своего рынка. Я бы назвал их «брендами-иконами», при упоминании которых замирает сердце и возникает острая потребность в *принадлежности* к ним. Такой бренд становится в один ряд с достопримечательностями. Возможно, это дерзкое и смелое высказывание, но, на мой взгляд, «Пушкин» вошел в число тех мест, которые человек, приезжая в Москву, считает необходимым посетить. Красная площадь, Оружейная палата... и кафе «Пушкин» — не в факультативной, а в обязательной программе. Прикоснуться к легенде стремятся не только москвичи и не только зарубежные туристы, но и главы государств, звезды мирового шоу-бизнеса.

Легенду нельзя отнести к товарам массового спроса. Как ни странно, легенды существуют при фактически полном отсутствии прямых рекламных стратегий. Именно общество причисляет бренд к легенде, делая его эталоном качества жизни.

Нам привычнее говорить о человеке-легенде, по отношению к бренду это явно новое понятие. На Западе брендов-легенд намного больше, чем в России. В нашей стране их мало, но мне очень понравился в этой связи ответ одного из наших телеведущих Виталия Вульфа на вопрос, кто такие звезды-легенды. Он ответил примерно так: «Это что-то родное и близкое, и кажется, что это можно скопировать, повторить. Однако в действительности в основе этого явления лежит невозможность воспроизведения».

Сегодня кафе «Пушкин» — это легенда. Мы рассматриваем его не как обычный ресторан с известными составляющими (кухня, сервис, интерьер), а как дом. Спокойный, благополучный, родной дом, в котором каждый человек — что важно, независимо от того, гость он или работник, — окружен вниманием, заботой, любовью. Для нас интересен каждый человек.

Как-то я услышал такой разговор гостя и сотрудника нашего персонала. Гость говорит: «Мы с вами погружены здесь в историю, мы — в восемнадцатом веке. Значит, и вы в восемнадцатом веке. Но тогда ведь не было такого понятия, как официант, было — половой. Значит, вы — половой». На что последовал ответ: «Нет, я не половой, я разорившийся аристократ, который принимает вас у себя дома, вы у меня в гостях».

Такой ответ можно дать, только пропустив его через сердце и ощущая себя именно таким образом. Для меня это показатель того, что мы находимся на верном пути.

Одна из составляющих нашего успеха заключается в том, что мы возрождаем культуру поведения и общения, которая, к огромному сожалению, была утрачена. Когда одними из первых мы ввели в оборот обращение «сударь» и «сударыня», у людей был шок. Потому что не каждый посетитель кафе внутренне ощущает себя сударем или сударыней. Первое время люди смотрели по сторонам — к кому это обращаются? А сейчас воспринимают абсолютно естественно и искренне. Не могут же гости, переступив порог, так играть. Это их ощущение. Поэтому кафе вызывает интерес у всех поколений: старшие ностальгируют об утраченных ценностях, молодые лишь догадываются об их существовании, но подсознательно тянутся к ним.

Почему, создавая кафе «Пушкин» шесть лет назад, мы решили обратиться к истории, к прошлому? Мы учли несколько моментов. Во-первых, заметное отсутствие в культуре планки, ориентированной на несколько поколений сразу. У нас есть молодежная культура, есть ретрокультура, но отсутствует культура, ориентированная на всех. Во-вторых, склонность россиян к идеализации прошлого. В-третьих, наличие действительно богатейших традиций русской культуры. В-четвертых, усталость от засилия не лучших образцов культуры Запада. Эксклюзивность идеи «Пушкина» заключалась в отходе от «формата евроремонта» и «гламурности», от пустой глянцевого. Мы верили, что из обращения к старине, к традиции что-то может получиться, что это заложено в подсознании россиян; уход от бутафорского поведения к истинному поведению, к истинной элегантности.

Говоря о легенде, нельзя не сказать и о моде, учитывая, что отчасти это взаимно дополняющие друг друга понятия. Вопрос моды для Москвы сейчас крайне актуален. Москва — город жадный, в хорошем смысле этого слова, до всего нового.

Мы выбрали такой аспект моды, который не устареет. Примерно как знаменитое «короткое черное платье» от Шанель — оно всегда будет модным. Кафе «Пушкин» сегодня — законодатель непреходящей моды, моды на изящные манеры, интеллект, ум, хорошее образование. Главное действующее лицо здесь — индивидуальность.

В «Пушкине» соединились измерения восемнадцатого и двадцать первого века. Мы предлагаем идеи, которые становятся модными, а не берем модные идеи и претворяем их в жизнь. Поэтому я и беру на себя смелость называть кафе «Пушкин» законодателем моды.

Приведу примеры и аргументы.

Во-первых, понятие «русской гастрономической кухни» в нашей культуре отсутствовало. То, что мы еще недавно считали русской кухней, была не русская, а советская кухня. Так же как и то, что все мы хорошо знаем: салат «оливье», бефстроганов, котлеты пожарские — блюда совсем не русские, они адаптированные.

Поэтому мы много времени проводим за чтением книг. Русская гастрономическая кухня на сегодняшний день — это кухня, рецептура которой прошла через душу и переработана в соответствии с новыми технологиями; кухня, в которой старинные традиции сочетаются с новыми возможностями.

Во-вторых, законодатель моды всегда должен предвосхищать ожидания. К примеру, мы первыми ввели карту минеральной воды. Казалось бы, зачем? Ну, есть у нас просто хорошая минеральная вода, и ладно. Но разница в предложении, в предвосхищении ожидания. «А у вас есть такая-то вода?» Есть. «А такая-то?» Тоже есть. Естественно, предложение в разумных пределах.

Любой серьезный бизнес строится из деталей. Обратите внимание: когда дамы приходят в ресторан, то, как правило, им некуда деть свои сумочки. Они либо кладут их на стул, либо ставят на пол. У нас есть подставочка для сумочек. Это такое дополнительное предложение, предвосхищающее ожидание. Законодатель моды должен идти на шаг впереди всех и «играть на память». Мы уже шесть лет проводим «Новогодний маскарад» — при полном аншлаге.

Перед первым маскарадом буквально уговаривали гостей приезжать в кафе в карнавальных костюмах. В костюмах тогда было около десяти процентов от общего числа гостей, в прошлом году — девяносто процентов. К тому же мы подарили гостям DVD-диски с записью маскарада — это то, что «играет на память», на продвижение бренда. Люди ведь обычно делятся впечатлениями от встречи Нового года, а наши гости могут еще и показать своим друзьям, как эта встреча проходила.

Что необходимо, чтобы *остаться* легендой?

Прежде всего, следовать вполне определенной традиции. Демонстрировать постоянство, а не шатания из стороны в сторону. Что происходит сегодня в московском ресторанном бизнесе? Стала модной японская кухня, суши, и мы видим причудливые комбинации: узбекско-итальянско-японская кухня. На все вкусы — один ресторан. Такие шатания удачными не бывают. Мы соблюдаем постоянство, у нас есть пласт, который можно разрабатывать долгие годы.

Во-вторых, необходимо последовательное и постоянное развитие. Надо постоянно придумывать какие-то новые «фишки», которые будут заставлять говорить о тебе.

В-третьих, как уже говорилось, — предвосхищение ожиданий каждого нашего гостя.

Кто наши гости? Нельзя сказать, что «Пушкин» — это некая марка социального успеха. Любой наш посетитель, вне зависимости от настроения и состояния кошелька, всегда найдет то, что ему нужно именно в этот момент. Нередко приходят, например, студенты с девушками. Я обожаю таких гостей — видно, что они готовились к этому походу, выбирали дату, время. Видно, что у них не много денег и для них этот поход — событие. Таких гостей становится все больше. Студент с девушкой, пришедшие выпить чай с десертом, найдут в кафе именно тот чай и тот десерт, которые им по вкусу. И получают абсолютно тот же сервис и те же дополнительные услуги, что и человек, закававший, скажем, бутылку вина за какие-то немислимые деньги. Их точно так же встретят и точно так же проводят.

Наши гости — это люди, которые хотят жить другой жизнью, более интересной и тонкой. Это, безусловно, богатые люди, но не в материальном смысле — они богаты душой. И наша задача — помочь им обрести красоту жизни на те два-три часа, которые они у нас проведут. Мы предлагаем им окунуться в другой мир.

Сегодня у нас работают 384 сотрудника. Для ресторанного бизнеса это очень большая цифра. Почему так много? Потому что всерьез добиться чего-то можно только с помощью достаточно большого количества специалистов. Специалист по сигарам, специалист по кофе, специалист по чаю. Сейчас реализуем новый проект с медом и нашли соответствующего специалиста. Создавать сказку, конечно же, невозможно без профессионалов.

Мы принимаем на работу людей не из восемнадцатого века, а современных девушек и юношей. Наша задача — «сделать» их людьми восемнадцатого века. Сказать, что это сложная задача — фактически промолчать. Мы используем уникальные технологии обучения.

Потенциальный работник сдает девять экзаменов и одновременно получает

неплохую зарплату, потому что обещаниями и надеждами на дальнейшую работу сыт не будешь. Иногда этот период затягивается. Например, у нас работает молодой человек, который шесть месяцев сдавал экзамены — сейчас это очень хороший официант. Есть, конечно, герои, которые за полтора-два месяца сдают все экзамены и получают официантскую карточку. Но вообще это процесс долгий: экзамены по меню, по карте вин, по речи, танцам и так далее. Танцы вводили при яростном сопротивлении персонала. Уговаривали: занятия танцами позволят вам правильно двигаться, держать спину, да и в личной жизни это умение тоже может пригодиться.

Еще одна вещь, смешная: просим работников декламировать стихи детских поэтов. Для чего? Чтобы научились себя слышать и, следовательно, говорить. Помимо этого перед нашим персоналом выступают уникальные специалисты, например профессор, специалист по лексике восемнадцатого века. Читаются лекции по истории Москвы, истории костюма восемнадцатого века, истории ресторанов.

Смотри фильмы. «Анна Каренина» и «Дубровский» производят особенно сильное впечатление. Делаем это перед началом работы, осуществляем своеобразное погружение в атмосферу прошлой культуры. Водим персонал в театры, прежде всего в Малый. Иногда для людей это равносильно подвигу — сходить, к примеру, на «Грозу». Но потом они меняются, многие начинают интересоваться театром.

Ресторанный бизнес относится к малому бизнесу. И, безусловно, перечисленные мероприятия достаточно затратные, малодоступные для основной массы ресторанов. Мы можем себе это позволить. За счет чего? За счет очень низкой текучести кадров. Если бы наш персонал менялся каждый год процентов на пятьдесят, то нас не спасли бы никакие походы во все театры Москвы, эффект был бы незначительным. Вкладывание в людей идет постоянно. Наша программа рассчитана на достаточно длинный отрезок времени.

Без долговременных программ и постоянного творческого поиска «удержать бренд невозможно.

CONTENTS

№ 4 (35) 2005

TO OUR READER

Welcome Speech by Terry Davis, Secretary General of the Council of Europe	5
--	---

SEMINAR

Russia and the European Union: In Search of Better Forms of Partnership <i>Serguei Yastrzhembsky</i>	7
Discussion	14
Notes from the Seminar <i>Yuri Girenko</i>	28

THEME OF THE ISSUE

Power and Capital: Inevitability of Dialogue and Interaction <i>Igor' Yurgens</i>	31
Budget Reform and Federal Treasury <i>Tatyana Nesterenko</i>	46
Mass Media and Business in Russia <i>Mikhail Kozhokin</i>	54

XXI CENTURY: CHALLENGES AND THREATS

Dramatic Triangle. Some Development Trends in the World Economy <i>Klas Eklund</i>	60
---	----

CONCEPT

Concept of Modernization of the Russia-EC Partnership and Cooperation Agreement	66
--	----

DISCUSSION

Russia is a Democratic Country <i>Andrei Perla</i>	74
Who Can Feel Free and Easy in Russia? <i>Aleksander Volkov</i>	76

ANNOUNCEMENT

Vixi: Memoirs of a Non-belonger <i>Richard Pipes</i>	79
---	----

FREEDOM AND CULTURE

Freedom and Responsibility of an Amateur <i>Maksim Trudolyubov</i>	81
---	----

AN INDIVIDUAL EXPERIENCE

Pavel Voronin: «I am a Militant Conservative» <i>Ecaterina Zhilyakova</i>	85
--	----

IDEAS AND NOTIONS

Socialism <i>Irina Busygina, Andrei Zakharov</i>	88
---	----

HORIZONS OF UNDERSTANDING

Audit of Russia's State and Political System (the Parliament) <i>Aleksander Sogomonov</i>	79
--	----

BOOKS

Russian Federalism: In Memoriam <i>Andrei Zakharov</i>	103
Regional Book Review <i>Yuri Girenko, Evgeniya Ivan'kova</i>	105
Kontrapunkt <i>Aleksander Arkhangelski</i>	110

NOTA BENE

Creating the Legend for a Successful Brand <i>Aleksander Zaitsev</i>	114
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2005 г.

К читателю (№1, 2, 3, 4)

Семинар

Аузан Александр

Гражданское общество и политическая система в России (№ 3)

Гиренко Юрий

Заметки с семинара (№ 1, 4)

Дондурей Даниил

Проблема самоцензуры (№ 1)

Иванкова Евгения,

Золотухина Екатерина,

Радевич Александр

Заметки с семинара (№ 3)

Франко Марк

Отношения между ЕС и Россией: развитие партнерства на основе доверия (№ 2)

Чепикова Марина

Заметки с семинара (№ 2)

Ястржембский Сергей

Россия и Европейский союз: в поисках лучших форм партнерства (№ 4)

Тема номера

Васильев Сергей

Геополитическое и геоэкономическое положение России в середине XXI века (№ 2)

Кожокин Михаил

СМИ и бизнес в России (№ 4)

Нестеренко Татьяна

Бюджетная реформа и Федеральное казначейство (№ 4)

Рыжков Владимир

Три реформы (№ 1)

Согомонов Александр

Просвещение: вчера и сегодня (№ 3)

Сухиненко Дмитрий

О человеческом капитале (№ 1)

Тюрин Глеб

Зачем нам гражданское общество и что нам с ним делать? (№ 3)

Юргенс Игорь

Власть и капитал: неизбежность диалога и взаимодействия (№ 4)

XXI век: вызовы и угрозы

Вольф Мартин

Враги свободы всегда недооценивают своих противников (№ 3)

Гатри Чарльз

Современный терроризм (№ 3)

Гюасген Клод

Государство и частные интересы в глобальном мире (№ 1)

Горин Дмитрий

Динамика центр-периферийных отношений (№ 2)

Маркедонов Сергей

СНГ-2: Непризнанные государства на постсоветском пространстве (№ 1)

Савва Михаил

Революция для чиновников. Новые возможности для гражданского общества (№ 2)

Тренин Дмитрий

Российско-американские отношения: проблемы и возможности (№ 3)

Чуэ Эми

Национальные меньшинства, рынок и демократия (№ 1)

Эклунд Клас

Драматический треугольник. Некоторые тенденции развития современной мировой экономики (№ 4)

Концепция

Выбор для России:
национальная
модернизация.

Доклад «Столыпинского
центра»
(№ 1)

Концепция модернизации
Соглашения о партнерстве
и сотрудничестве между
Россией и ЕС
(№ 4)

Дискуссия

Алхазуров Магомед
Проблемы наши и
общероссийские
(№ 3)

Архангельский Александр
Свобода слова и
корпоративная этика
(№ 1)

Волков Александр
Кому выгодно на Руси?
(№ 4)

Егоров Сергей
Альтернативная
избирательная философия
(№ 3)

Захаров Андрей
Избирательная система
и дух федерализма
(№ 2)

Ингам Бернгард
Взаимодействие СМИ и
правительства в
Великобритании (№ 1)

Марченков Артем
Историчность и новый
стиль гражданских акций
(№ 2)

Мошкин Сергей
Почему президент
делает это...
(№ 1)

Перла Андрей
Россия —
демократическая страна
(№ 4)

Рыгина Лика
Кто не с «НашиМИ»
(№ 3)

Чернышов Алексей
В поисках ценностных
ориентиров и точек роста
(№ 2)

Дух законов

Федосенко Виктор
Перспективы становления
и развития института
коллективных прав
(№ 2)

Наш анонс

Гиренко Юрий
Новая русская революция
(№ 1)

Джонстон Уильям
Австрийский Ренессанс
(№ 1)

Ерошок Зоя
Школа. О смыслах
и чувствах
(№ 3)

Пайнс Ричард
Я жил. Мемуары
непримкнувшего
(№ 4)

Скидельски Роберт
Джон Мейнард Кейнс.
Экономист, философ,
государственный деятель.
1883–1946
(№ 2)

Свобода и культура

Егоров Сергей,
Смулянский Ефим
Не пора ли нам наконец

понять, что же такое
демократия?
(№ 2)

Смулянский Ефим
Либерализм
и свободомыслие
(№ 3)

Трудолобов Максим
Свобода и ответственность
дилетанта
(№ 4)

Новые практики и институты

Сергеев Сергей
Неправительственные
правозащитные
организации
(№ 1)

Личный опыт

Гиренко Юрий
Алеся Кармалинская:
«Перешагнуть через
страх быть собой»
(№ 2)

Гиренко Юрий
Михаил Кузнецов:
рациональный оптимист
(№ 3)

Жилиякова Екатерина
Павел Воронин:
«Я воинствующий
консерватор»
(№ 4)

Раев Андрей
Почему люди ходят
в школу?
(№ 1)

Идеи и понятия

Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей
Национализм
(№ 1)

*Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей*
Модернизация
(№ 2)

*Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей*
Консерватизм
(№ 3)

*Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей*
Социализм
(№ 4)

Горизонты понимания

Дергунова Ольга
Индустрия
информационных
технологий
(№ 3)

Ильницкий Андрей
Дороги российской
демократии
(№ 1)

Мужаровский Владимир
Гражданское общество —
это бренд
(№ 1)

Сергеев Максим
«Послушным деньгам»
вдогонку
(№ 3)

Согомонов Александр
Макиавелли и открытие
политического успеха
(№ 2)

Согомонов Александр
Аудит государственно-
политической системы
России (парламент)
(№ 4)

Книги

Захаров Андрей
«Русская система»?
(№ 2)

Захаров Андрей
Сталин с нами
(№ 3)

Захаров Андрей
Российский федерализм:
in memoriam
(№ 4)

Согомонов Александр
История ГУЛАГа
(№ 1)

Региональное книжное обозрение

Валков Александр
(№ 3)
Гиренко Юрий
(№ 4)

Иванкова Евгения
(№ 2, 4)

Корн Елена
(№ 1)

Никитин Андрей
(№ 2, 3)

Чижев Егор
(№ 1)

Контрапункт

Ведет Александр
Архангельский
(№ 1, 2, 3, 4)

In memoriam

Салмин Алексей
«Держись моих
правил...»
(№ 3)

Nota bene

Зайцев Александр
Как создается
легенда об успешном
бренде
(№ 4)

Из писем А.П. Чехова
(№ 2)

Согомонов Александр
Нация и соседство
(№ 1)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

РОССИЯ: ЧЕРЕЗ ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
К ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

СЕМИНАР

(Голицыно, декабрь 2005)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Евгений Барабанов

Вячеслав Бахмин

Ирина Бусыгина

Даниэль Дэтлинг

Андрей Захаров

Владислав Иноземцев

Кирилл Кобрин

Джон Лаф

Джон Ллойд

Ольга Малинова

Александр Мордовин

Ричард Перл

Александр Согомонов

Максим Сергеев

Александр Сунгуров

Максим Трудалюбов

Подписано к печати 17.01.2006.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.00.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: mmps@co.ru

<http://www.mmps.ru>

ЛР №00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Московской типографии № 6 Минпечати РФ

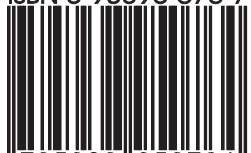
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

<p>квитанция кассир</p>	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2006 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
<p>квитанция кассир</p>	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2006 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

Вы можете подписаться на журнал,
заполнив купон и оплатив стоимость подписки или обратившись в редакцию
по тел. 937-76-10, e-mail: lion13@mol.ru

Внимание! Не забудьте указать Ваш почтовый индекс.
Желательно убедиться в получении перевода по указанному номеру телефона.

ISBN 5-93895-076-7

9 785938 950764 >